

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Пре-
зиденте Российской Федерации»

Уральский институт управления - филиал

На правах рукописи

Черкасова Оксана Владиславовна

ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОСТИ
В КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ
КОММЕРЧЕСКИХ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Специальность 12.00.03 –
гражданское право; предпринимательское право;
семейное право; международное частное право

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
Чорновол Евгений Петрович,
кандидат юридических наук, доцент

Екатеринбург – 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
1. ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ КАК НРАВСТВЕННО-ПРАВОВОЙ КАТЕГОРИИ И ЕЕ ТРАНСФОРМАЦИЯ В ПРАВОВОЙ ПРИНЦИП	24
1.1. Правовые, доктринальные и правоприменительные аспекты становления добросовестности как нравственно-правовой категории	24
1.2. Добросовестность как правовой принцип и ее соотношение со смежными принципами гражданского права	54
1.3. Юридическая природа корпоративных правоотношений и особенности реализации принципа добросовестности в корпоративных правоотношениях коммерческих юридических лиц	73
2. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ КОММЕРЧЕСКИХ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ.....	92
2.1. Реализация принципа добросовестности при осуществлении права на участие в корпоративных правоотношениях коммерческих юридических лиц	92
2.2. Реализация принципа добросовестности при осуществлении полномочий управления корпоративными коммерческими юридическими лицами.....	127
2.3. Реализация принципа добросовестности при заключении сделок от имени корпоративных коммерческих юридических лиц	153
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	173
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	183
Приложение	227

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Необходимость комплексной разработки проблем реализации принцип добросовестности в корпоративных правоотношениях коммерческих юридических лиц обусловлена факторами морально-нравственного, социально-экономического, нормативно-правового, правоприменительного, правотворческого и доктринального порядка.

В российском обществе к настоящему времени не сформировалась единая система моральных ценностей. Между тем с принятием в июле 2020 г. конституционных поправок, укрепляющих социальные обязательства государства перед обществом, значение ценностных ориентиров для правовой материи приобрело особое значение.

С точки зрения права и культуры базовыми регуляторами общемирового и национального правопорядка всегда выступали такие оценочные понятия, как «добросовестность», «разумность», «справедливость». И чем больше развивалась юридическая мысль, тем большему осмыслению подвергались морально-этические принципы и их влияние на правовую систему российского государства и общества. Активное внедрение в современное российское гражданское право нравственных норм предопределило актуальность их доктринального исследования на предмет соотношения нравственных и правовых начал. Повышение социальной ценности гражданского права, отдельных его подотраслей, включая корпоративное право, и институтов – вот та цель, достижение которой, согласно Конституции страны, должно обеспечить правовое, демократическое, социальное Российское государство (*морально-нравственный аспект*).

Невысокий уровень корпоративной культуры, неразвитость социальной ответственности предпринимательских структур, которые формировались на фоне преобразования социалистической экономики в рыночную, приватизации государственных предприятий, неустойчивых финансовых рынков, нестабильной макроэкономической ситуации, отсутствия нормативно-правовой базы организа-

ции предпринимательской деятельности, в значительной мере снизили темпы социально-экономического развития России. Поэтому адекватное правовое регулирование корпоративных отношений, базирующееся на принципе добросовестности, должно гарантировать честность, порядочность, надежность, социальную ответственность коммерческих корпоративных юридических лиц, обеспечить реализацию и защиту прав и интересов участников корпораций и их контрагентов, а также становление новых форм государственно-частного партнерства¹ в контексте национального социально-экономического развития страны (*социально-экономический аспект*).

Для отечественного гражданского права категория добросовестности является относительно новой. В Гражданском кодексе РСФСР 1922 г.² (далее – ГК РСФСР 1922 г.) упоминается термин «добропорядочность». В ст. 152 Гражданского кодекса РСФСР 1964 г.³ (далее – ГК РСФСР 1964 г.) шла речь только о добросовестном приобретателе и недобросовестном владельце. Впервые требование о добросовестности было введено в материю гражданского права п. 3 ст. 6 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г.⁴, где указано: «Участники гражданских правоотношений предполагаются добросовестными, поскольку не доказано обратное».

Сегодня термины «добросовестно», «добросовестный и недобросовестный приобретатель», «добросовестные и недобросовестные действия» находят отражение во многих положениях Гражданского кодекса России⁵ (далее – ГК РФ), в том числе в п. 3–4 ст. 1, п. 3 ст. 53, ст. 302, п. 3 ст. 307 и др. Понятие «добросовестность» используется также в гражданском и арбитражном процессуальном законодательстве (ч. 1 ст. 35 Гражданского процессуального кодекса РФ⁶, далее –

¹ См.: Шукина Т.В. Форма стратегического планирования российской экономики - государственно-частное партнерство: к вопросу правового регулирования // Вопросы экономики и права. 2021. № 153. С. 27-32.

² Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. // Известия ВЦИК. 1922. № 256.

³ Гражданский кодекс РСФСР 1964 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1964. № 24. Ст. 407; Свод законов РСФСР. 1988. Т. 2. Ст. 7.

⁴ Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г. (утв. ВС СССР 31.05.1991 № 2211-1) (ред. от 26.11.2001) // Ведомости СНД РФ и ВС СССР. 1991. № 26. Ст. 733.

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации // Собр. законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

⁶ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации // Собр. законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

ГПК РФ; ч. 2 ст. 41 Арбитражного процессуального кодекса РФ¹, далее – АПК РФ), согласно которому при осуществлении процессуальных прав лица, участвующие в деле, должны вести себя добросовестно.

Указом Президента РФ от 18 июля 2008 г. № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации»² была утверждена Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации³, которая обозначила необходимость установления принципа добросовестности на уровне ГК РФ в качестве общего правоположения для того, чтобы укрепить нравственные начала и «повысить эффективность гражданско-правового регулирования». Сообразно этому Федеральным законом от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»⁴ в п. 3 ст. 1 ГК РФ был закреплен принцип добросовестности, которого должны придерживаться участники гражданских правоотношений при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей. С учетом этого принцип добросовестности получил определяющее значение для реализации таких гражданско-правовых категорий, как аналогия права, пресечение недобросовестной конкуренции, определение пределов осуществления гражданских прав, недопустимость злоупотребления правом, виндикация и др.

Но по-прежнему отсутствует ясность относительно сущности добросовестного поведения субъектов корпоративных отношений, которые были включены в предмет гражданского права в процессе внесения изменений в пп. 3–4 ст. 1 ГК РФ. При этом особого внимания заслуживает вопрос влияния принципа добросовестности на отношения, складывающиеся внутри коммерческих корпоративных юридических лиц, прежде всего хозяйственных товариществ и обществ. В связи с

¹ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации // Собр. законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

² О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации: Указ Президента РФ от 18 июля 2008 г. № 1108 (ред. от 29.07.2014) // Собр. законодательства РФ. 2008. № 29. Ст. 3482.

³ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобр. решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г.) // Вестн. ВАС РФ. 2009. № 11. С. 12.

⁴ О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2012. № 53. Ст. 7627.

этим теоретическое обоснование реализации принципа добросовестности в гражданском праве на примере корпоративных правоотношений коммерческих юридических лиц является актуальным вектором развития гражданского права, обеспечивающим адекватное применение его норм (*нормативно-правовой аспект*).

Необходимость изучения критериев добросовестного поведения участников корпоративных отношений коммерческих юридических лиц вызвана также потребностями практики, в частности, при разрешении корпоративных споров. Дело в том, что судебные органы не всегда правильно определяют критерии этического поведения субъектов правоотношений при разрешении корпоративных конфликтов, о чем свидетельствует арбитражная практика¹. Поэтому изучение правовой регламентации этих социальных связей имеет существенное значение как для защиты участников корпоративных конфликтов (участники корпорации, единоличный исполнительный орган, контрагенты), так и для формирования единообразной, адекватной судебной практики по данной категории дел (*правоприменительный аспект*).

Включение в материю гражданского права принципа добросовестности, с одной стороны, стало прогрессивным шагом на пути развития отечественного гражданского права, а с другой – породило множество вопросов как теоретического, так и практического порядка. В силу неоднородности предмета гражданского права и, как следствие, многообразия отношений, входящих в его содержание, определение критериев добросовестности участников этих социальных связей оказалось нелегкой задачей. В частности, представляется актуальным теоретическое и практическое исследование принципа добросовестности в парадигме смежных категорий гражданского права с целью уяснения его социально-правового содержания, определения объективных причин расширения сферы применения, в том числе в корпоративных правоотношениях коммерческих юридических лиц, и значимости добросовестности для их функционирования (*правотворческий аспект*).

¹ См., например: постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 19 мая 2015 г. № Ф03-1778/2015; постановление Семнадцатого апелляционного арбитражного суда от 21 июня 2016 г. № 17АП-4412/2016-АС; постановление Арбитражного суда Уральского округа от 31 октября 2016 г. № Ф09-9308/2016 // Электронное правосудие. Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 01.10.2020).

Отдельные аспекты нравственно-духовных начал в праве были объектом исследования зарубежных и отечественных философов и правоведов. Тема взаимодействия морали и права нашла отражение в трудах таких представителей классической немецкой философии права, как И. Кант, Г. В. Ф. Гегель, И. Г. Фихте, Ф. В. Й. Шеллинг, Г. Л. А. Харт, Л. Л. Фуллер и др. В русской философско-правовой науке этих вопросов касались Н. Н. Алексеев, Ф. М. Достоевский, К. Неволин, Л. И. Петражицкий, В. С. Соловьев, Б. Чичерин и др.

Исследование генезиса и эволюции категории «добросовестность» представлено в различные периоды истории отечественной юридической мысли.

В дореволюционном правоведении этой теме уделяли внимание С. А. Беляцкий, Е. В. Васьковский, Ю. С. Гамбаров, А. Гордон, Г. Дербург, Н. О. Нерсесов, И. Б. Новицкий, Д. И. Мейер, С. В. Пахман, И. А. Покровский, Я. А. Канторович, В. И. Синайский, И. М. Тютрюмов, Г. Ф. Шершеневич, которые рассматривали добросовестность в контексте вещного (добросовестного владения) и обязательственного права.

В советской юриспруденции к исследованию принципа добросовестности в праве обращались М. М. Агарков, С. С. Алексеев, В. К. Бабаев, С. Н. Братусь, Д. М. Генкин, В. П. Грибанов, В. И. Емельянов, О. С. Иоффе, Ю. Х. Калмыков, О. А. Красавчиков, Н. С. Малеин, В. П. Мозолин, И. Б. Новицкий, Г. А. Свердлов, В. А. Тархов, Е. А. Халфина, Б. Б. Черепашин, Е. А. Флейшиц, которые трактовали добросовестность как критерий личной свободы субъектов гражданского права и социального служения, свойственный как частному, так и публичному праву.

В современной науке гражданского права вопросы, связанные с принципом добросовестности, получили разработку в трудах С. И. Архипова, О. И. Баженова, В. А. Белова, В. С. Белых, Е. Е. Богдановой, М. И. Брагинского, Г. В. Вердиняна, В. В. Витрянского, В. А. Вайпана, А. В. Волкова, Г. А. Гаджиева, Б. М. Гонгало, Т. В. Дождева, Т. Ю. Дроздовой, Н. В. Катерина, М. М. Колесниковой, Д. Л. Кондратюк, Л. О. Красавчиковой, П. В. Крашенинникова, О. А. Кузнецовой, М. Ф. Лукьяненко, А. В. Майфата, А. Л. Маковского, Е. Ю. Матросова,

С. Д. Могилевского, М. В. Новикова, Т. В. Новиковой, Е. А. Прибытковой, А. С. Рясиной, Ю. К. Толстого, О. Н. Садикова, М. Н. Семякина, К. И. Скловского, Е. А. Суханова, М. В. Телюкиной, П. С. Федосеева, Ф. И. Хамидуллиной, П. В. Челышева, Л. А. Чеговадзе, А. А. Чукреева, Л. В. Щенниковой, А. М. Эрделевского, А. В. Ульянова, В. Ф. Яковлева и др.

Сегодня в цивилистике добросовестность, наряду с такими категориями, как разумность, справедливость, недопущение злоупотребления правом, рассматривается в качестве основы гражданского права в целом, связующего звена между его материей и моралью. Вместе с тем в настоящее время наука гражданского права не располагает монографическими исследованиями по проблемам реализации принципа добросовестности в корпоративных правоотношениях юридических лиц вообще и коммерческих в частности. В связи с этим теоретическое осмысление проблем действия принципа добросовестности в корпоративных правоотношениях коммерческих юридических лиц заслуживает особого развития, дополнения и уточнения, так как их деятельность формирует материально-экономические основы жизнедеятельности российского общества, предопределяющие эффективность иных сфер его бытия (*доктринальный аспект*).

Степень научной разработанности темы. В правовой науке проблематика принципов права, включая начало добросовестности, не осталась без внимания ученых и практиков. Толкование категории добросовестности сосредоточивает в себе этические, эстетические, философские взгляды, ценностные предпочтения, определяемые правовой культурой российского общества. Добросовестность в общетеоретическом ракурсе исследовалась в работах таких правоведов, как Л. И. Петражицкий, М. М. Агарков, В. Н. Бабаев, С. С. Алексеев, И. Е. Кабанова, М. А. Поляков. О значении и роли категории добросовестности в доктрине процессуального права писали Ю. А. Сериков, А. В. Юдин, Н. Г. Елисеев.

Нравственно-этическим категориям в праве посвящены многочисленные диссертационные исследования. В общетеоретическом аспекте нравственные категории права изучаются в работах И. Д. Мишиной («Нравственные ценности в праве», 1999), В. В. Булгакова («Концепция справедливости в праве», 2001),

А. Л. Вязова («Принцип справедливости в современном российском праве и правоприменении: теоретико-правовое исследование», 2001). В уголовно-правовом аспекте тема нравственных начал исследована в работах С. А. Галактионова («Принцип справедливости: уголовно-правовой аспект», 2004), А. М. Герасимова («Нравственность в уголовном праве», 2006), Н. В. Коновальчук («Принцип справедливости и его реализация в уголовном праве РФ», 2009). О нравственных категориях в административном праве писал О. А. Дизер («Административно-правовая защита общественной нравственности», 2019), в трудовом праве – О. В. Щербакова («Влияние моральных норм и нравственных принципов на правовое регулирование трудовых отношений», 2017). Добросовестности в гражданском праве посвятили свои диссертации Т. Ю. Дроздова («Добросовестность в российском гражданском праве», 2007), Т. В. Новикова («Понятие добросовестности в российском гражданском праве», 2008), А. В. Татарников («Принципы разумности и добросовестности в гражданском праве России», 2010), Е. Е. Богданова («Добросовестность участников договорных отношений и проблемы защиты их субъективных гражданских прав», 2010), Е. В. Василенко («Категории „добросовестность“ и „разумность“ в гражданском праве», 2012). Некоторые авторы затрагивали вопросы добросовестности при исследовании иных проблем гражданского права. Это, например, А. В. Попова («Принцип добросовестности в международном коммерческом обороте: законодательство и судебная практика Российской Федерации и стран-членов Европейского союза», 2005), С. А. Иванова («Принцип справедливости в гражданском праве», 2006), С. Д. Радченко («Злоупотребление правом в гражданском праве России», 2007), Е. А. Сорокина («Категория добросовестности в западной традиции права: историко-теоретический аспект», 2009), М. Ф. Лукьяненко («Оценочные понятия гражданского права: теоретико-правовой анализ и практика правоприменения», 2010), Ю. Д. Жукова («Противоправность поведения руководителя хозяйственного общества как основание ответственности за причинение обществу убытков в результате совершения сделок от его имени», 2013), И. А. Смирнова («Ответ-

ственность органов управления хозяйственных обществ. Предпринимательско-правовые аспекты», 2013).

Ряд ученых, в частности Г. Адамович, А. Мельник, М. А. Рожкова, Д. В. Ломакин, Т. В. Колосовская, С. А. Чеховская, С. И. Луценко, А. А. Иванова, Е. С. Пирогова, В. В. Долинская, А. Ю. Бушуев, Д. И. Степанов, И. С. Шиткина, О. А. Макарова, О. В. Осипенко, С. Ю. Филиппова, Д. И. Дедов и др., обращали внимание лишь на отдельные (сопутствующие) аспекты реализации принципа добросовестности в корпоративных правоотношениях некоторых коммерческих юридических лиц или безотносительно к конкретным субъектам гражданского оборота, а именно - участникам корпорации, контрагентам при заключении сделок и пр.

Сказанное подтверждает актуальность темы диссертационного исследования, обуславливает ее теоретическую и практическую значимость и настоятельную необходимость ее цивилистической доктринальной разработки.

Объектом исследования являются социальные связи, формирующиеся на основе принципа добросовестности поведения субъектов корпоративных правоотношений коммерческих юридических лиц.

Предметом исследования выступают теоретические и практические аспекты гражданско-правового регулирования реализации добросовестности как основополагающего принципа в корпоративных правоотношениях коммерческих юридических лиц, отправной точкой для которых выступают нравственно-духовные начала философско-правовой мысли.

Цель диссертационного исследования – комплексный анализ проблем гражданско-правовой реализации принципа добросовестности в корпоративных правоотношениях коммерческих юридических лиц.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие **задачи**:

- выявить и исследовать нравственно-духовные начала правовой мысли;
- проанализировать правовые, доктринальные и правоприменительные аспекты становления добросовестности как нравственно-правовой категории;

- охарактеризовать добросовестность как правовой принцип и рассмотреть его соотношение со смежными принципами гражданского права;
- исследовать особенности юридической природы корпоративных правоотношений коммерческих юридических лиц в ракурсе реализации принципа добросовестности;
- осветить процесс реализации принципа добросовестности при осуществлении права на участие в корпоративных правоотношениях коммерческих юридических лиц;
- изучить процесс реализации принципа добросовестности при осуществлении полномочий единоличного исполнительного органа корпоративных коммерческих юридических лиц;
- охарактеризовать процесс реализации принципа добросовестности при заключении гражданско-правовых сделок от имени корпоративных коммерческих юридических лиц;
- сформулировать выводы, рекомендации, предложения теоретического, правотворческого и правоприменительного порядка по вопросу реализации принципа добросовестности в корпоративных правоотношениях коммерческих юридических лиц.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные диалектические методы познания: анализ, синтез, эмпирический и аксиологический методы. В работе применяются также частнонаучные методы познания: системный, сравнительно-правовой, исторический.

В рамках общенаучной методологии в диссертации использован системный подход к решению целей и задач проводимого исследования, предполагающий комплексное раскрытие специфики реализации принципа добросовестности в корпоративных правоотношениях коммерческих юридических лиц.

При помощи метода системно - структурного анализа, правовое явление и правовые категории как его составляющие, изучены в системе социальных, экономических, политических процессов. Нормы гражданского права, правоприме-

нительная, и прежде всего – судебная практика, а также цивилистическая и общеправовая доктрина составили эмпирическую основу исследования.

Благодаря аксиологическому методу, в диссертации акценты расставлены на ценностные, нравственно-этические аспекты в реализации принципа добросовестности в корпоративных правоотношениях коммерческих юридических лиц.

Применение сравнительно-правового метода способствовало всестороннему изучению зарубежного опыта правового регулирования категории добросовестности, давно известной зарубежным правовым порядкам, а также раскрытию и обоснованию понятия фидуциарных прав и обязанностей субъектов корпоративных правоотношений.

Посредством исторического метода в диссертации в хронологической последовательности демонстрируется генезис и эволюция добросовестности как нравственно-духовного начала и ее трансформация в правовой принцип через призму исторических фактов и событий.

Теоретическую основу исследования составили:

– работы философов и правоведов – представителей классической немецкой философии и русской философско-правовой науки: И. Канта, Г. В. Ф. Гегеля, И. Г. Фихте; Ф. М. Достоевского, В. С. Соловьева, К. Неволина, Б. Чичерина, Н. Н. Алексеева, Л. И. Петражицкого и др.

– научные изыскания о нравственных началах в праве таких правоведов, как С. С. Алексеев, Ф. И. Хамидуллина, Н. В. Катерина, П. В. Чельшев, Е. Ю. Матросова, Е. А. Прибыткова и др.;

– труды отечественных дореволюционных, советских и российских правоведов: Е. В. Васьковского, Ю. С. Гамбарова, Д. Д. Гримма, Н. Л. Дювернуа, Д. И. Мейера, С. А. Муромцева, К. П. Победоносцева, И. А. Покровского, В. И. Синайского, Г. Ф. Шершеневича;

– относящиеся к предмету исследования концептуальные идеи ученых-юристов советского периода и настоящего времени: Т. Е. Абовой, С. С. Алексеева, М. М. Агаркова, В. К. Андреева, В. А. Белова, Ю. Г. Басина, Е. В. Богданова, В. А. Болдырева, М. И. Брагинского, С. Н. Братуся,

А. В. Венедиктова, А. П. Вершинина, В. В. Витрянского, Г. А. Гаджиева, Б. М. Гонгалo, В. П. Грибанова, Т. И. Илларионовой, О. С. Иоффе, С. М. Корнеева, Н. М. Коршунова, О. А. Красавчикова, Е. А. Крашенинникова, А. Л. Маковского, И. Б. Новицкого, А. В. Поповой, В. В. Ровного, Б. М. Сейнароева, Г. А. Свердлыка, М. Н. Семякина, А. П. Сергеева, Е. А. Суханова, М. В. Телюкиной, Б. Б. Черепихина, Е. П. Чорновола, В. Ф. Яковлева и др.;

– выводы таких зарубежных цивилистов, как Б. Маркесинис (B. S. Markesinis), Х. Унберат (H. Unberath), А. Джонстон (A. Johnston), Р. Циммерман (R. Zimmermann), С. Уиттакер (S. Whittaker), Х. Биль (H. Beale), М. Бартошек, К. Гарейс, М. Айзенберг (M. E. Eisenberg), Л. Рибштейн (L. Ribstein), Б. Носворти (B. Nosworthy) и др.

Нормативную основу работы составили Конституция РФ, Гражданский кодекс РФ, другие федеральные законы и иные правовые акты, а также нормативные правовые акты отдельных зарубежных стран, международных и региональных объединений (ЕС, СНГ и др.).

Эмпирическая база исследования представлена актами Конституционного Суда РФ, Европейского Суда по правам человека, Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ, федеральных арбитражных судов округов и арбитражных судов первой инстанции, а также правоприменительной практикой судебных органов зарубежных стран.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что в нем предпринята одна из первых попыток разработки концепции реализации принципа добросовестности в корпоративных правоотношениях коммерческих юридических лиц. В результате проведенного исследования сформулирована дефиниция правовой категории добросовестности, а также таких категорий, как «члены корпорации», «право на участие в корпорации», «право на управление корпорацией». Проанализированы соотношение и взаимосвязь принципа добросовестности со смежными нравственно-этическими началами гражданского права. Обоснованы положения о внедрении принципа добросовестности, наряду с принципами справедливости и разумности, в качестве основополагающего начала

гражданского права. Выделены характерные особенности реализации принципа добросовестности в корпоративных правоотношениях коммерческих юридических лиц. Проанализированы основные направления реализации принципа добросовестности в корпоративных правоотношениях коммерческих юридических лиц.

Научная новизна диссертационного исследования выражена в следующих **положениях, выносимых на защиту.**

1. Диссертант аргументирует положение о том, что истоки оценочной категории «добросовестность», а впоследствии правового принципа отечественном гражданском праве, восходят не к нормам римского права, как полагают некоторые цивилисты, а к трактатам древнегреческих, немецких, французских и английских мыслителей, получивших критическое переосмысление и развитие в научных трудах российских философов и правоведов. В связи с чем автор обосновывает вычленение трех этапов эволюции цивилистической мысли о категории добросовестности, каждый из которых характеризуется своеобразием подхода ученых к определению ее сущности и функционального назначения в праве.

I. Дореволюционный этап, в пределах которого добросовестность возведена до уровня духовной ценности и культурного блага.

II. Советский этап, в пределах которого добросовестность рассматривается как ограниченно функционирующий постулат в контексте социальной догмы.

III. Современный этап, в пределах которого добросовестность трактуется как объективно-субъективная категория, выполняющая роль поведенческого стандарта субъектов права, и признается обществом как нравственно-духовное начало и критерий применения норм права вообще и корпоративного права в частности.

2. Несмотря на то что, согласно отечественной концепции совершенствования гражданского законодательства, принцип добросовестности характеризуется универсальностью, диссертант обосновывает необходимость его конкретизации применительно к отдельным гражданским, в том числе корпоративным, правоотношениям, поскольку его действие проявляется в плоскости конкретных субъективных прав и субъективных юридических обязанностей, а гражданско-

правовой эффект в значительной мере зависит от эмпирического выбора законодателем его применения к тем или иным ситуациям.

Своеобразие реализации принципа добросовестности предопределено социальной и правовой природой корпоративных правоотношений коммерческих юридических лиц, которые классифицируются диссертантом на основные, то есть отношения, складывающиеся по поводу участия в корпорации и управления в ней, и производные - отношения между корпорацией и единоличным исполнительным органом; между участниками в рамках корпоративного договора; возникающие по поводу заключения крупных сделок и сделок с заинтересованностью.

3. В диссертации отстаивается положение о том, что добросовестность, справедливость, разумность и недопущение злоупотребления правом – это правовые категории, которые необходимо рассматривать как систему взаимосвязанных и взаимообусловленных понятий, каждое из которых имеет свое функциональное предназначение:

а) добросовестность – правовая категория, возведенная в принцип гражданского права, определяющая такое поведение субъекта гражданского правоотношения, которое формируется в условиях взаимного доверия, баланса интересов других участников и выступает социально-ценностной основой, гражданско-правовым принципом, стабилизирующим гражданский оборот;

б) справедливость – правовая категория права, стимулирующая достижение идеального баланса интересов участников гражданского оборота, в том числе за счет требования о добросовестном поведении, которое, наряду с принципами равенства сторон, свободы договора, неприкосновенности частной собственности, выполняет роль одного из главных инструментов ее обеспечения;

в) разумность – правовая категория, которая формирует объективные волевые предпосылки реализации положений гражданско-правовых институтов и может выполнять роль самостоятельного правового принципа; вместе с тем она выступает одним из критериев принципа добросовестности, а значит, и справедливости в целом: нравственное не может быть неразумным;

г) недопущение злоупотребления правом – правовая категория, возведенная в принцип гражданского права, в соответствии с которой участники гражданского оборота обязаны действовать в пределах добросовестного поведения; сообразно этому злоупотребление правом выступает как явление, противоположное добросовестности (т. е. как недобросовестность), но понимание последнего опосредуется критериями добросовестного поведения.

4. Выделяя особенности применения гражданско-правовой категории добросовестности в корпоративных правоотношениях, диссертант обосновывает необходимость исходить из понимания ее как объективно-субъективного феномена:

– реализация добросовестности в корпоративных правоотношениях в объективном смысле предполагает некий поведенческий стандарт, набор фидуциарных прав и обязанностей, которыми участник и руководитель коммерческого юридического лица должны руководствоваться при реализации своих корпоративных прав и обязанностей;

– добросовестность в корпоративных правоотношениях в субъективном смысле осуществляется исходя из следующего критерия: субъект корпоративного правоотношения «знал или должен был знать».

5. Соискателем формулируется дефиниция принципа добросовестности, представляющего собой базовую, универсальную нравственно-этическую парадигму гражданско-правового регулирования и пределов судебского усмотрения в корпоративных правоотношениях коммерческих юридических лиц, таких как: реализация членами корпораций абсолютного права на участие; реализации членами корпораций права на управление, в том числе в рамках корпоративного договора; поведенческие стандарты руководящих органов коммерческого юридического лица; заключения от имени корпораций гражданско-правовых сделок.

6. Исходя из того, что законодателем предложен фрагментарный неисчерпывающий перечень квалифицирующих признаков обоснованного интереса миноритарного участника в получении информации, диссертант обосновывает необходимость легального определения их исчерпывающего перечня и возложения на

учредителей всех без исключения корпоративных коммерческих юридических лиц закрепления в учредительных документах.

Синтезируя различные критерии, выработанные судебной практикой, а также суждения представителей юридической доктрины об интересе корпорации в контексте реализации принципа добросовестности, диссертант предлагает собственное определение обоснованного интереса миноритарного участника при реализации права на получение информации, и выделяет его признаки.

Обоснованным интересом при получении миноритарными участниками корпорации информации является такой, который не допускает последующих злоупотреблений и посягательств на солидарный интерес компании в целом и интересы других субъектов корпоративных отношений.

Признаками обоснованного интереса в получении информации миноритарным участником являются: планирование продажи своих акций или доли (вклада) в уставном капитале (в том числе в ходе процедур банкротства); подготовка к обращению в суд с требованием об оспаривании решения органов управления или заключенного корпорацией договора либо о привлечении к ответственности органов управления; подготовка к участию в общем собрании акционеров (участников).

7. Автором впервые обосновывается модель должного поведения директора корпорации, где в основе доверительного отношения к нему со стороны компании и ее участников лежат его профессиональные и деловые качества, что наделяет его широкими возможностями в принятии управленческих решений. Раскрывая фидуциарные права и обязанности единоличного исполнительного органа коммерческой корпорации через критерии добросовестности и разумности, диссертант доказывает, что разумность его действий предопределяет его добросовестное поведение в целом. С учетом этого автор вычленяет взаимосвязь объективных и субъективных критериев добросовестного поведения руководителя корпорации. Объективные критерии включают в себя такие профессиональные качества индивидуума, как управленческая компетентность, эрудиция в области маркетинга, трудового и

хозяйственного законодательства, а к субъективным параметрам поведения руководителя корпорации относятся предпринимательская интуиция, качества лидера, желание брать на себя ответственность.

8. На основании анализа современной судебной практики, выходящей за пределы позиции высших судов, состоящей в учете лишь двух оснований для признания сделки недействительной – сговору и явному ущербу, автор в концепте принципа добросовестности формулирует обновленный единый стандарт недобросовестности контрагента при оспаривании сделок с применением п. 2 ст. 174 ГК РФ. Этот стандарт выражен в следующем неисчерпывающем перечне злоупотреблений со стороны недобросовестного контрагента коммерческого юридического лица и органов управления последнего:

а) непредставление контрагентом доказательства определения рыночной стоимости имущества накануне заключения оспариваемых договоров;

б) отсутствие со стороны руководителя коммерческой корпорации объявления о намерении реализовать обществом принадлежавшие ему спорные объекты недвижимости на открытом рынке недвижимости;

в) заключение с недобросовестным контрагентом спорных сделок в течение небольшого промежутка времени на условиях, не соответствующих рыночным;

г) заключение руководителем коммерческой организации сделки в условиях корпоративного конфликта.

Единый стандарт недобросовестного поведения надлежит применять в практике судов различного уровня, а также непосредственно участниками судебных споров в ракурсе п. 2 ст. 174 ГК РФ.

9. Исходя из анализа обобщений, выработанных Верховным Судом РФ в разные периоды, диссертант выделяет ряд условий, которые суды нижестоящих инстанций, а также участники дел о банкротстве, должны учитывать при определении юридической природы финансирования коммерческой корпорации в виде договора займа. К таким условиям относятся:

– наличие кризисной ситуации у корпорации, а также плана выхода из кризисной ситуации, возникшей на уровне менеджмента компании;

- отсутствие огласки (публичности) финансовой операции по выдаче займа;
- создание перед кредиторами иллюзии финансовой платежеспособности;
- потенциальный риск неэффективности избранной меры санации предприятия и, как следствие, риск возникновения убытков, которые впоследствии могут быть возложены на участника (акционера), осуществившего докапитализацию должника, и др.

При наличии данных условий, поведение контролирующего лица, осуществляющего финансирование в виде договора займа, следует рассматривать как недобросовестное, если впоследствии такой корпоративный кредитор претендует на включение его требования в реестр наряду с другими независимыми кредиторами в деле о банкротстве коммерческой организации.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Настоящая работа систематизирует и углубляет имеющиеся знания о предмете исследования, обозначает нерешенные вопросы и указывает направления для последующих научных разработок в области гражданско-правового регулирования корпоративных отношений коммерческих юридических лиц на базе принципа добросовестности.

На основании проведенного теоретического исследования проблем реализации принципа добросовестности в корпоративных отношениях коммерческих юридических лиц вносится ряд предложений по совершенствованию действующего в этой области гражданского законодательства, в частности ст. 1, 65.2, 53.1, 1081 ГК РФ, ст. 44 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», ст. 71 ФЗ «Об акционерных обществах». Кроме того, для урегулирования поведения участников и руководителей корпоративных коммерческих юридических лиц обосновывается целесообразность разработки и утверждения Министерством социального и экономического развития РФ Кодекса корпоративного управления, структура которого представлена в приложении.

Выводы и положения диссертации могут применяться для дальнейших научных изысканий в области исследования принципов гражданского права, правотворческой деятельности по их внедрению в правовую материю, в учебном

процессе по курсам «Гражданское право», «Предпринимательское право», «Корпоративное право» и в системе повышения квалификации практических работников, а также практику регулирования корпоративных отношений и деятельности коммерческих юридических лиц.

К настоящему времени результаты научного исследования представили практический интерес и были использованы **ОАО «Уральская Горно-металлургическая компания» (Успенский пр.,1, г. Верхняя Пышма, Свердловская область, России, 624091; Тел.: (34368) 9-62-00, (343) 379-48-36, факс: (34368) 4-60-51, e-mail: info@ugmk.com, www.ugmk.com)** при разработке локальных нормативных актов как ОАО «УГМК», так и иных, входящих в него коммерческих организаций, передавших по договору полномочия единоличного исполнительного органа ОАО «УГМК», а также при подготовке обозначенными юридическими лицами крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность, и учете ими ESG-факторов (факторов корпоративного управления), что подтверждается Актом о практическом применении положений диссертационного исследования на тему: «Принцип добросовестности в корпоративных правоотношениях коммерческих юридических лиц» от 21.02.2022 № 11/28.

Апробация результатов исследования. Диссертация подготовлена на кафедре гражданского права и процесса Уральского института управления-филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», где проведено ее обсуждение и рецензирование.

Основные положения и выводы настоящего исследования нашли отражение в 19 научных публикациях, в том числе в 6 публикациях в журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования РФ и Ученым советом РАНХиГС, в 3 публикациях в изданиях, входящих в международные базы цитирования (WoS, Scopus, Springer), в 10 публикациях в иных изданиях и сборниках.

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, определенных ВАК.

1. Черкасова, О. В. Обоснованный интерес как критерий добросовестного поведения миноритарного участника при осуществлении права на получение информации по корпоративному праву России / О. В. Черкасова // Юридические исследования. – 2019. – № 12 – С. 35–43.

2. Черкасова, О. В. Становление принципа добросовестности в отечественном гражданском праве: исторический, доктринальный, и правоприменительный аспекты / О. В. Черкасова // Genesis: исторические исследования. – 2020. – № 2. – С. 15–27.

3. Черкасова, О. В. Злоупотребление правами участниками хозяйственных обществ / О. В. Черкасова // Вестник арбитражной практики. – 2020. – № 5. – С. 27–35.

Статьи опубликованные в изданиях, рекомендуемых ученым советом РАНХиГС для публикации статей по юриспруденции.

1. Черкасова, О. В. Правовой статус субъектов корпоративных отношений: доктринальные и правоприменительные аспекты / О. В. Черкасова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2021. – № 2. – С. 3–7.

2. Черкасова, О. В. Экономическая и юридическая сущность корпоративных отношений: доктринальные и правовые аспекты / О. В. Черкасова // Право и экономика. – 2021. – № 4. – С. 19–26.

3. Черкасова О.В. Нравственно-этические категории в гражданском праве / О. В. Черкасова // Юрист. – 2021. – № 10. – С. 15-17.

Статьи, опубликованные в изданиях, входящих в международные базы цитирования (WoS, Scopus, Springer) для публикации результатов диссертационного исследования.

1. Cherkasova, O. V. Corporation as participant in economic relations / O. V. Cherkasova // The 13th International Days of Statistics and Economics / ed. by L. Tomáš, P. Tomáš. – Prague: Libuše Macáková, 2019. – P. 514–523.

2. Cherkasova O.V. Legal and social aspects of the state participation in the governance of the large corporations in Russia / Cherkasova, Oxana ; Sosnovskikh, Sergey // B: E3S Web of Conferences. – 2020. – Том 222.

3. Sosnovskikh, S. Reasonable Entrepreneurial Risk: Behavioural Criteria for Corporate Managers / S. Sosnovskikh, O. Cherkasova // Russian Law Journal. – 2021. – Vol. 9. – № 1. – P. 58–80.

Иные статьи.

1. Черкасова, О. В. Юридическая природа корпоративных отношений в доктрине гражданского права / О. В. Черкасова // Актуальные проблемы частного права: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Е. П. Чорновол. – Екатеринбург: Изд-во УИУ (ф) РАНХиГС, 2017. – Вып. 9. – С. 17–22.

2. Черкасова, О. В. Публично-правовые образования как субъект ответственности в корпоративных отношениях / О. В. Черкасова // Муниципалитет. – 2018. – № 9. – С. 72–76.

3. Черкасова, О. В. Соотношение принципа добросовестности со смежными принципами гражданского права / О. В. Черкасова // Актуальные проблемы частного права: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Е. П. Чорновол. – Екатеринбург: Изд-во УИУ (ф) РАНХиГС, 2019. – Вып. 10. – С. 23–30.

Кроме того, они представлены в выступлениях автора на научно-практических конференциях:

IV Московском юридическом форуме (Москва, 2016 г.);

XII Международной научно-практической конференции «Кутафинские чтения» (Москва, 2016 г.);

III Международной научно-практической конференции «Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий» (2016 г.);

VII Международной научно-практической конференции «Право в современном мире» (г. Екатеринбург, 2017 г.);

III Международной научно-практической конференции «Стратегия развития социальных общностей, институтов и территорий» (Екатеринбург, 2017 г.);

XII Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения) (г. Москва, 2017 г.);

II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной Дню юриста (Курган, 2017 г.);

Международном научном симпозиуме “Экономика, бизнес & финансы” (Юрмала, 2018 г.);

III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной Дню юриста (Курган, 2018 г.);

XIV Международной конференции «Российские регионы в фокусе перемен» (Екатеринбург, 2019 г.) и др.

XV Международной научно-практической конференции «Российские регионы в фокусе перемен» (г. Екатеринбург, 2020 г.).

Результаты исследований были апробированы в процессе проведения лекционных, семинарских и практических занятий по гражданскому праву и предпринимательскому праву в Уральском федеральном университете им. первого Президента РФ Б. Н. Ельцина и использованы при подготовке учебно-методических материалов по указанным курсам, а также применялись автором в практической деятельности юрисконсульта в органах судебной и исполнительной власти. Аналитический материал может быть использован для развития гражданского права как отрасли науки, отрасли права и учебной дисциплины.

Структура диссертации обусловлена предметом, целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих по три параграфа, заключения, списка литературы и приложения.

1. ГЕНЕЗИС И ЭВОЛЮЦИЯ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ КАК НРАВСТВЕННО-ПРАВОВОЙ КАТЕГОРИИ И ЕЕ ТРАНСФОРМАЦИЯ В ПРАВОВОЙ ПРИНЦИП

1.1. Правовые, доктринальные и правоприменительные аспекты становления добросовестности как нравственно-правовой категории

Категории «добросовестность», «разумность» и «справедливость» в юриспруденции принято относить к оценочным. Их применение позволяет правоприменителю реагировать на важные в социальном плане изменения, затрагивающие описанные с их помощью феномены¹. Посредством повсеместного введения в правовое регулирование норм нравственного содержания реализуется его ключевая цель – повышение социальной ценности права.

Нравственно-духовные начала справедливости, добросовестности, разумности в определенной мере получили закрепление в нормах римского права². Следует, однако, отметить, что истоки данных категорий восходят к научным трудам философско-правового содержания, а не нормативным правовым актам. Еще со времен Античности мыслителей волновала проблема нравственных основ государства и права. В трактатах «Государство» и «Законы»³ древнегреческий философ Платон писал, что в людях, в отличие от животных, заложено стремление к благу и добродетели⁴.

Значительный вклад в развитие учения о соотношении морали и права внесли представители классической немецкой философии права: И. Кант, Г. В. Ф. Гегель, И. Г. Фихте, Ф. В. Й. Шеллинг и др. И. Кант и Г. В. Ф. Гегель являются основоположниками нравственно-духовных начал в праве.

¹ Лукьяненко М. Ф. Оценочные понятия в гражданском праве: теоретико-правовой анализ и практика правоприменения: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. URL: <https://www.dissercat.com/content/otsenochnye-ponyatiya-grazhdanskogo-prava> (дата обращения 15.07.2021).

² Опыты цивилистического исследования: сб. ст. / рук. авт. кол. и отв. ред. А. М. Ширвиндт, Н. Б. Щербаков. М.: Статут, 2018. Вып. 2. С. 5.

³ Платон. Государство // Платон. Сочинения: в 3 т. М.: Мысль, 1971. Т. 3. Ч. 1; Его же. Законы // Там же. Т. 3. Ч. 2.

⁴ История политических и правовых учений: учеб. для вузов / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2004. С. 59, 63.

В истории философско-правовой мысли И. Канта принято считать автором идеи о нравственном начале в праве, которая послужила основой правовой системы стран романо-германской правовой семьи¹. Одна из важнейших задач философии, по И. Канту, – понимание оснований нравственных правил. Он говорил: «Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, – это звездное небо надо мной и моральный закон во мне»². Вслед за И. Кантом можно прийти к умозаключению о том, что умение мыслить делает человека свободным.

Нравственный закон И. Кант формулировал в виде категорического императива, согласно которому каждый человек поступает так, чтобы правило его личного поведения могло стать мерилom поведения всех. «Добрая воля» – это тот стержень нравственности, который заложен в поступках людей. А совершаются эти поступки не ради выгоды, а во имя нравственного долга³.

Г. В. Ф. Гегель всю систему общественных отношений дедуцировал из свободы воли, которая, по его мнению, может быть направлена на созидание и на разрушение. Неопределенность свободы воли – отрицательная ее сторона, а определенность – положительная. Определение воли означает ее самоограничение. Отсюда Г. В. Ф. Гегель выводил связь свободы с законом и личности с обществом. Понятие права рассматривается им через понятие свободы и включает, в том числе, нравственность⁴.

Гегель считал принудительность главным отличием права от морали. Если право являет для личности внешнюю сферу реализации свободы, то мораль, согласно учению философа, есть область внутреннего самоопределения. Основными формами объективации нравственности являются семья, гражданское общество,

¹ Саидов А. Х. Сравнительное правоведение и юридическая география мира. М.: ИГПРАН, 1993. С. 401

² Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов. СПб.: Наука, 1995. С. 310.

³ Там же.

⁴ Гегель Г. В. Ф. Позитивность христианской религии // Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет: в 2 т. М.: Мысль, 1971. Т. 1. С. 174.

государство¹. Согласно концепции Г. В. Ф. Гегеля нравственное и разумное тождественны².

Таким образом, согласно учению Г. В. Ф. Гегеля нравственно-духовное начало заключено в свободе воли индивидуума, которая может как побуждать к разумному и добросовестному поведению, так и стать источником различных злоупотреблений. Философ не ставил знак равенства между нормами морали и нормами права. Вместе с тем разумность поведения индивида определяется на уровне государства посредством правовых норм, а значит, по сути своей является объективным явлением, в отличие от добросовестности.

Идея нравственной свободы издавна была в центре внимания европейской общественной мысли. В философско-правовой мысли XVII–XVIII столетий следует выделить работы Р. Декарта, который определял мораль и добро через истину³. Отдельного внимания заслуживает идея тождества добра и «истинного разума» В. Лейбница⁴. Б. Спиноза писал, что «справедливость... есть твердая и постоянная воля признавать за каждым его право»⁵.

По вопросу соотнесения поведения индивидуума с моральными ценностными установками представители европейской общественной мысли выражали разные точки зрения. Например, Ж.-Ж. Руссо был глубоко убежден в том, что быть нравственным и добродетельным есть природное состояние человека, данное ему от рождения. Французские материалисты XVIII в. полагали, что поведение человека в обществе по отношению к другим индивидам определяют жизненные обстоятельства⁶.

Вместе с тем представитель английской философско-правовой мысли Ф. Бэкон рассматривал справедливость и общественную пользу как базовые ценности, которые выступают не только источниками права, но и критериями оценки

¹ Гегель Г. В. Ф. Сочинения: в 14 т. М.; Л.: Гос. изд-во, [1929]–. Т. 7: Философия права. 1934. С. 260.

² Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 524.

³ Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней: в 4 т. СПб.: Петрополис, 1997. Т. 3. С. 214–215.

⁴ Там же. С. 293.

⁵ Спиноза Б. Избранные произведения: в 2 т. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 2: Богословско-политический трактат. С. 203–204.

⁶ Ойзерман Т. И. Учение Канта об изначальном зле в человеческой природе // Лучшие публикации «Кантовского сборника» 1975–2001 / под ред. В. Ю. Курпакова, Л. А. Калиникова. Калининград: Изд-во Калинингр. гос. ун-та, 2002. С. 82.

законов¹. «Там, где нет общей власти, нет закона, а там, где нет закона, нет справедливости», – утверждал последователь Ф. Бэкона Т. Гоббс².

Многие идеи европейской философско-правовой мысли были восприняты и нашли отражение в юридической мысли США. Так, американский философ права Л. Фуллер в своем фундаментальном труде «Мораль права» ориентировался на концептуальное объединение права и морали. Право, согласно Л. Фуллеру, имеет своим основанием общность труда и четко отражает цели, значимые для человеческого сообщества³.

Русская философия права нравственные основы государства и права всегда рассматривала как значимую и актуальную проблему. Стремление к сближению государства, права и нравственности наблюдается с самого зарождения отечественной юридической науки. Данную тему разрабатывали: В. С. Соловьев, Ф. М. Достоевский, К. А. Невалин, Б. Н. Чичерин, Н. Н. Алексеев, Л. И. Петражицкий и др. Современные представления о нравственных началах в праве находят отражение в трудах С. С. Алексеева, Е. Ю. Матросовой, Е. А. Прибытковой, Н. В. Катериной, М. Н. Семякина, Ф. И. Хамидуллиной, П. В. Челышевой и др.

В формирование религиозно-нравственной традиции русской философии права немалый вклад внес Ф. М. Достоевский. Он признавал заповеди христианства высшей нормой, на которую должны опираться государство и право. Нравственно-правовые принципы были описаны Ф. М. Достоевским в таких произведениях, как «Записки из мертвого дома», «Записные тетради», «Преступление и наказание», «Дневник писателя», «Сон смешного человека», «Легенда о Великом инквизиторе», «Братья Карамазовы», а также в публичных ответах в контексте полемики с А. Д. Градовским, К. Д. Кавелиным и др.⁴

У истоков русского «духовного возрождения» начала XX в. стоял религиозный мыслитель В. С. Соловьев. В его трудах сама идея права получила моральное

¹ Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1977. Т. 1: О достоинстве и приумножении наук. С. 484.

² Гоббс Т. Левиафан. Сочинения.: в 2 т. М.: Мысль, 1991. Т. 2. С. 95.

³ Фуллер Л. Мораль права / пер. с англ. Т. Даниловой. М.: ИРИСЭН, 2007. См. также: Лапаева В. В. Соотношение права и морали в правовой концепции Л. Фуллера // Правоведение. 2013. № 2. С. 244–247.

⁴ Прибыткова Е. А. Ф. М. Достоевский как родоначальник религиозно-нравственной традиции русской философии права // Соловьевские исследования. 2013. № 1. С. 124.

обоснование. По мнению философа, право находится между идеальным добром и злой действительностью¹. Через принудительную организацию общественной жизни лежит путь к всеобщему благу. Нравственность невозможна без права и государства и остается лишь благим пожеланием, но и право без нравственности стало бы похожим больше на произвол².

Последователем идей В. С. Соловьева является П. И. Новгородцев, правовед, философ, общественный и политический деятель, один из представителей либерализма в России. Он был апологетом этического идеализма. Споря с В. С. Соловьевым, ученый подчеркивал нетождественность права и нравственности и обосновывал их связь на почве естественно-правовой идеи. Это, по его мнению, послужило поводом к формированию принципов нравственной критики позитивного права. С точки зрения ученого, юридические предписания по сравнению с нравственными нормами более ограничены. Нравственность предоставляет человеку возможность самостоятельно выбрать способ исполнения ее заветов, не устанавливает точные формы служения людям. В отличие от нравственности, право предлагает человеку точные, конкретные предписания³. Аналогичного мнения на этот счет придерживался С. А. Беляцкий, характеризуя взаимоотношение права и морали в ракурсе справедливости⁴.

Основоположник психологической теории права Л. И. Петражицкий к решению вопроса о природе права и нравственности подходил системно. Он описывал некие мотивационные процессы, которые «побуждают к разным положительным и отрицательным действиям (воздержаниям)»⁵. Сущность права Л. И. Петражицкий усматривал в содержащемся в нем психическом переживании. Интуитивное право включает в себе некий информационный код – смысловую субстанцию права. Оно есть система ценностных, этических ориентаций, типов

¹ Соловьев В. Право и нравственность. Очерки из прикладной этики. СПб.: Изд. Я. Канторовича, 1899. С. 28.

² Соловьев В. С. Оправдание добра. Нравственная философия // Соловьев В. С. Сочинения в 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 47–548; Соловьев В. С. Мнимая критика (ответ Б. Н. Чичерину) // Чичерин Б. Н. Избранные труды / под ред. А. В. Полякова, Е. В. Тимошиной. СПб.: Изд. дом СПбГУ, 1998. С. 516–550.

³ Новгородцев П. И. Нравственный идеализм в философии права // Проблемы идеализма: сб. ст. / под ред. П. И. Новгородцева. М.: Моск. психол. общество, 1902. С. 306.

⁴ Беляцкий С. А. Частное право в основных принципах: Курс гражданского права. Каунас: б. и., 1928. С. 2–7.

⁵ Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности: в 2 т. М.: РОССПЭН, 2010. Т. 2. С. 37.

переживаний конкретной социальной группы. Мораль же – одностороннее переживание, ограниченное императивным характером. Осознание своего права составляет основу правосознания, слабое развитие которого является недостатком русского менталитета¹. Теория Л. И. Петражицкого, пожалуй, лучше других может способствовать определению субъективной составляющей категорий добро-совестности, разумности, справедливости.

Политические преобразования Великой Октябрьской революции привели к выстраиванию новой правовой системы. Под влиянием идей марксизма расширилась проблематика отечественных исследований, посвященных соотношению морали и права. Вместе с тем в работах советского времени морально-правовые вопросы раскрываются преимущественно с позиций диалектического материализма.

Так, В. А. Василенко полагал, что мораль есть способ гармонизации отношений личности и общества, иных социальных субъектов в целях сохранения общественного целого как необходимого условия жизнедеятельности людей и обеспечения их блага².

С. С. Алексеев отмечал, что «...право по своей органике представляет собой явление глубоко морального порядка и его функционирование оказывается невозможным без прямого включения в ткань права моральных критериев и оценок»³. Данную закономерность подтверждает высказывание В. А. Туманова: «Внутренняя моральность права – одно из важнейших условий его эффективности»⁴.

В. С. Нерсисянц полагает, что нравственность может утверждаться в форме правового закона, но никак не путем подмены принципов права требованиями морали, нравственности, религии. отождествление права и нравственности ученый не допускал, считая, что это может привести к произволу и насилию над личностью⁵.

¹ Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 2. С. 38.

² Василенко В. А. Мораль и общественная практика. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. С. 83.

³ Алексеев С. С. Философия права. М.: Норма, 1999. С. 336.

⁴ Туманов В. А. Правовой нигилизм в историко-идеологическом ракурсе // Государство и право. 1993. № 8. С. 56.

⁵ Нерсисянц В. С. Философия права: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма : Инфра-М, 2015. С. 53

Происходящие в России на современном этапе перемены «потребовали переосмысления утвердившихся представлений о соотношении права и морали. Такого переосмысления, которое отвечало бы объективно назревшим и объективно происходящим процессам возвышения права в жизни общества»¹.

Как справедливо отмечает М. Н. Семякин, в современном Российском государстве рыночный механизм хозяйствования, вбирающий в себя различные инструменты и институты и базирующийся на частноправовом интересе, во многом предопределен процессом глобализации общемировой системы хозяйствования². Глобализация, охватившая правовое пространство, и сопутствующие ей как положительные, так и отрицательные факторы ставят во главу угла проблему нравственных ориентиров и ценностей.

С точки зрения Г. В. Мальцева, сегодня в российском обществе происходит расширение нравственно-этических начал в праве, искоренение противоречий между моралью и правом, их сближение³. В современной действительности к числу представлений о справедливости, содержащихся в праве, по мнению А. И. Экимова, «относятся стремление к высокому качеству жизни, соблюдение норм нравственности, устойчивое, разумное развитие общества. Будущее российского права, видимо, за соединением традиционных либеральных ценностей с нашими исторически сложившимися представлениями о справедливости»⁴.

Н. И. Матузов, апеллируя к нравственному закону И. Канта, отмечает, что «честь дороже жизни... Представления о честном и бесчестном – еще один стержень морали. Высшим законом и высшим судом для личности будет собственная совесть, которая по праву считается самым полным и самым глубоким выражением нравственной сущности человека»⁵.

Согласно концепции, М. Н. Семякина индивид наделен определенным «притязанием» на материальные и духовные блага. Однако само по себе «притя-

¹ Алексеев С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М.: Норма, 2001. С. 204.

² Семякин М. Н. Экономика и проблемы формирования современной концепции экономического права // Гражданское законодательство: Статьи. Комментарии. Практика / отв. ред. А. Г. Диденко. Алматы: ЮРИСТ, 2005. Вып. 22. С. 12.

³ Мальцев Г. В. Понимание права. Подходы и проблемы. М.: Прометей, 1999. С. 404.

⁴ Право как ценность: материалы дискуссии / отв. ред. Л. О. Иванов. М.: Гардарики, 2002. С. 42. См. также: Экимов А. И. Право в контексте справедливости: к методологии исследования // Правоведение. 2013. № 2. С. 51–61.

⁵ Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права. М.: Юрист, 2005. С. 155.

знание», подчеркивает ученый, не может выступать в качестве нормативного элемента, потому как отсутствует четкий критерий, разграничивающий «притязания» в виде правомерных действий, гарантированные государством, и область субъективных устремлений лица, основанных на его личном понимании социальной справедливости, равенства, собственных заслуг¹.

Концептуальная власть юриспруденции, по словам В. В. Сорокина, есть новое духовно-нравственное жречество, задача которого – изучать законы духовной жизни и то, как они соотносятся с позитивным законодательством, хозяйственной деятельностью, политикой и государственным управлением обществом².

С. И. Архиповым предложена идея активной, деятельностно-рациональной свободы в праве, согласно которой личность рассматривается в качестве центра правовой системы, исходного начала для всего правового. Ученый отмечает зависимость между состоянием социума и активностью человека, личности³. Однако, по мнению О. И. Баженова, предлагаемые философией права духовные, нравственные начала, начала справедливости не могут быть оставлены за пределами познания права и его субъектов, между ними не может быть проведено резкой черты, если стремиться к максимально полному учету разнообразных форм регуляции жизни, принимать во внимание их неизбежное, объективное взаимопроникновение⁴.

Известный позитивист современности Г. Харт, вступая в полемику с Л. Фуллером, говорил, что право и мораль регулируют поведение людей по отношению к человеческим ценностям и уже в силу этого они будут пересекаться, поскольку вынуждены заниматься одними и теми же темами⁵.

А. Менегетти в своем труде «Система и личность» предложил психологическое обоснование соотношения правовых и моральных норм, которое может быть «золотой серединой» и решением данной проблемы. Индивид самостоятельно

¹ Семякин М. Н. Философия понимания частного права, его структура и место в системе российского права // Актуальные проблемы частного права: межвуз. сб. науч. тр. / ред. Е. П. Чернохол. Екатеринбург: Изд-во Урал. ин-та РАНХиГС, 2012. Вып. 5–6. С. 11.

² Сорокин В. В. Дух права и буква закона: вопросы понимания, толкования и действия: моногр. М.: Юрлитинформ, 2019. С. 20.

³ Архипов С. И. Субъект права. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. С. 104–106.

⁴ Баженова О. И. Муниципальное образование как субъект права. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. С. 43.

⁵ Харт Г. Л. А. Позитивизм и разграничение права и морали // Правоведение. 2005. № 5. С. 104–136.

должен анализировать свою жизнь и менять ее в лучшую сторону. Гарантией гуманности права, как считает А. Менегетти, является его рациональность, и в этом его позиция согласуется с мнением Гегеля, обоснованного в «Философии права»¹.

Развитие моральной и правовой культуры человечества, в том числе российского общества, всегда тяготело к глубокому осмыслению и переосмыслению сложившейся системы ценностей, нравственных идеалов права. Изложенные выше философско-правовые воззрения мыслителей – яркое тому подтверждение. Глубинный подход русской правовой идеологии во многом определялся ее отношением к древнегреческой, немецкой, французской и английской философско-правовой традиции, но в контексте исторических, культурных и ментальных особенностей российской государственности и русского человека. Таким образом, истоки становления оценочной категории «добросовестность», равно как и взаимосвязанных с ней категорий справедливости и разумности, в отечественном праве восходят к трактатам древнегреческих, немецких, французских и английских мыслителей, получивших критическое переосмысление и развитие в научных трудах российских философов и правоведов, которые по-разному объясняли соотношение морали и права, но, исходя из самобытности российского общества и социальной ценности человека, неизменно считали внутреннюю свободу индивидуума нравственно-этическим началом правовой материи².

С лингвистической точки зрения слово «добросовестность» производно от слов «добро» и «совесть». Добро есть базовая философская категория. Еще Платон определял добро как идею в царстве абсолютных сущностей³. В разные периоды добро понималось как нечто высоконравственное и достойное для подражания. Слово «совесть», также будучи философской категорией, связывается в своем происхождении со словами «знать», «ведать»⁴. Это субъективное понима-

¹ Менегетти А. Система и личность. М.: НФ «Антонио Менегетти», 2015. URL: <http://pda.litres.ru/antonio-menegetti/sistema-ilichnost/> (дата обращения 01.05.2021).

² Черкасова, О. В. Нравственно-духовные начала в истории русской правовой мысли / О. В. Черкасова // Право в современном мире: состояние и вектор развития: материалы VII Международной научно-практической конференции (г. Екатеринбург, 7 декабря 2017 года) / отв. ред. Е. П. Чорновол. – Екатеринбург: Изд-во УИУ (ф) РАН-ХиГС, 2018. – С. 234–238.

³ Бердяев Н. С. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. С. 403.

⁴ Словарь философских терминов / под ред. В. Г. Кузнецова. М.: ИНФРА-М, 2005. С. 524.

ние индивидом обязательств перед социумом¹. Следовательно, добросовестность есть совокупность индивидуальных представлений о должном и нравственном поведении субъекта права, его внутренний регулятор.

Прежде чем сформулировать дефиницию добросовестности как гражданско-правовой категории, важно определить, каким образом возникло понятие добросовестности в контексте не только философско-правовых воззрений, но и гражданских правоотношений, каковы этапы его эволюции в контексте исторических событий и гражданско-правовой доктрины.

Как отмечалось выше, истоки нравственно-духовных начал справедливости, добросовестности, разумности восходят к римскому праву. В классическом римском праве «*bona fides*» (добрая совесть) – одно из фундаментальных понятий. Однако *bona fides* тяготеет к частному праву, и *fides* во многом служит формой реализации *aequitas* (справедливости). Римские юристы толковали договор «по доброй совести» (*bona fides*); отсюда сами договоры, допускавшие такое толкование, стали называться *negotia bonae fidei*, а вытекающие из них иски – *actiones bonae fidei*². И. А. Покровский писал «о постепенном ослаблении значения формалистического подхода в римском праве и о появлении наряду с прежними строгими договорами договоров доброй совести, содержание которых определялось намерениями сторон или обычаями делового оборота»³. При толковании исков доброй совести судья не был связан буквой договора, но должен был выяснить истинную волю сторон (*voluntas*) и стремиться к вынесению справедливого решения (*aequitas*). При принятии решения судья мог учесть все возражения ответчика, основанные на принципе добросовестности, что было недопустимо при рассмотрении исков строгого права⁴.

Понятие «*bona fides*» использовалось не только в договорном, но и в вещном праве. Институты Гая содержат правило о возмещении издержек переработавшему чужую вещь, «если только он был добросовестным владельцем (*bona*

¹ Словарь по этике / под ред. И. С. Кона. М.: Политиздат, 1983. С. 326.

² Новицкий И. Б. Римское право: учеб. М.: Зерцало, 2003. С. 157–158.

³ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2001. С. 259.

⁴ Дигесты Юстиниана / пер. с лат.; отв. ред. Л. Л. Кофанов. М.: Статут, 2008. С. 571.

fide possessor)»¹. Применительно к давности владения *bona fides* была одним из необходимых требований². Более того, при виндикации претор интердиктом предоставлял защиту всякому добросовестному владельцу³.

Таким образом, категория *bona fides*, которая по происхождению могла называться лишь правовым обычаем, в процессе своего становления в дигестах и институциях римских юристов, а также в эдиктах преторов стала применяться в подавляющем большинстве правоотношений⁴.

В результате рецепции римского частного права положения о добросовестности и справедливости нашли отражение в гражданском законодательстве европейских государств, относящихся к романской и германской правовым семьям⁵.

Французский гражданский кодекс 1804 г. (ФГК)⁶, оказавший огромное воздействие на развитие романской и в целом континентальной правовой системы, одним из первых закрепил принцип добросовестности. В соответствии с § 3 ст. 1134 ФГК соглашения должны исполняться добросовестно⁷.

В немецком праве добросовестность в субъективном смысле обозначается термином «*guter Glaube*», относится к вещному праву и рассматривается как незнание о каких-либо обстоятельствах. Применительно к обязательственному праву добросовестность есть нравственная норма, подразумевающая определенное поведение, которое можно ожидать при конкретных обстоятельствах от честных и порядочных людей⁸. Согласно § 242 Германского гражданского уложения (ГГУ)

¹ Гай. Институции. Книга II / пер. с лат. Ф. Дыдынского; под ред. В. А. Савельева, Л. Л. Кофанова. М.: Юрист, 1997. URL: <http://ancientrome.ru/ius/i.htm?a=1446002000> (дата обращения: 01.05.2021).

² Омельченко О. А. Римское право: учеб. М.: ТОН-Острожье, 2001. С. 161; Пухан И., Полинак-Акимовская М. Римское право / под ред. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2000. С. 155; Римское частное право: учеб. / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. М.: Юрист, 2004. С. 194–195; Санфилиппо Ч. Курс римского частного права / под ред. Д. В. Дождева. М.: БЕК, 2000. С. 177.

³ Черниловский З. М. Римское частное право. М.: Проспект, 2001. С. 119, 121.

⁴ Бартошек М. Римское право: понятие, термины, определения / пер. с чешск. М.: Юрид. лит., 1989. URL: <http://ancientrome.ru/dictio/bart/01.htm> (дата обращения: 05.11.2020).

⁵ О доктринальных критериях вычленения отдельных правовых семей см.: Гасанов Г. И. Основные правовые семьи народов мира // Системные технологии. 2014. № 10. С. 1–5.

⁶ Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона). М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 4–592.

⁷ Beale H. et al. Case, Materials and Text on Contract Law. Oxford: Hart Publishing, 2002. P. 239.

⁸ Good Faith in European Contract Law / ed. by R. Zimmermann, S. Whittaker. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 30, 31.

«должник обязан производить исполнение добросовестно, сообразуясь с обычаями гражданского оборота»¹.

Интерес представляет и немецкая судебная практика, которая применяет категорию «добрые нравы». Подвергая анализу немецкую судебную практику Я.А. Канторович дает свою интерпретацию категории «добрые нравы»: «с точки зрения Кассационного суда, мерилом добрых нравов должно служить «чувство приличия всех разумно и справедливо мыслящих людей. Вот потому противными добрым нравам, суд считает действия, расходящиеся с принципом честности, не соответствующие средним нормам добросовестности и порядочности»².

Гражданский кодекс Италии 1942 г., который был разработан на основе сложившейся судебной практики по § 242 ГГУ, упоминает понятие добросовестности в ряде статей, основной из которых является ст. 1375, предписывающая, что «договор должен исполняться по доброй совести»³.

В контексте договорного права добросовестность закреплена в гражданском законодательстве Бельгии, Греции, Испании, Люксембурга и Португалии⁴.

Добросовестность в качестве основополагающего начала предусмотрена в Гражданском кодексе Швейцарии, согласно ст. 3 которого добросовестность выступает как единая мера для оценки возникновения и применения любых гражданских прав⁵.

В определенной степени прогрессивным представляется Гражданский кодекс Нидерландов, в ст. 6:2 которого устанавливается, что «правило, обязывающее стороны в силу обычая, закона или другого акта, не применяется в той степени, в какой согласно обстоятельствам оно будет неприемлемо с точки зрения ра-

¹ Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению. 4-е изд., перераб. М.: Инфотропик Медиа, 2015. С. VIII–XIX, 1–715.

² Канторович Я.А. Основные идеи гражданского права. М.: ЮрИнфоР-МГУ. 2009. С. 329.

³ Musy A. The good faith principle in contract law and the precontractual duty to disclose: comparative analysis of new differences in legal cultures // Global Jurist Advances. 2001. № 1. P. 1–21.

⁴ The principles of European contract law. Part I: Performance, non-performance and remedies / ed. by O. Lando, H. Beale. Dordrecht: Martinus Nijhoff, 1995. P. 113–114.

⁵ Гражданский кодекс Швейцарии от 10 декабря 1907 г. (по состоянию на 01.01.2017) // Портал ИС ВОИС. URL: <https://wipo.int/ru/legislation/details/17179> (дата обращения 03.03.2021).

зумности и справедливости»¹. Следовательно, разумность и справедливость выполняют роль критериев, характеризующих добросовестность.

Английское право не предусматривает общего действия принципа добросовестности. Так, требование о добросовестном поведении возлагается на руководителя юридического лица, на доверительного управляющего и т. д. Но во многих других случаях справедливость достигается посредством использования специально разработанных правовых институтов: недействительности договора, заключенного под влиянием обмана; ответственности за передачу товара ненадлежащего качества и др.²

Правовая система США является примером активного признания общего принципа добросовестности в доктрине и его широкого применения в судебной практике. В ст. 205 Свода норм о договорах США 1981 г. предписано: «Каждый договор налагает на каждую из сторон обязанность добросовестности в его исполнении и принудительном проведении в жизнь»³.

Общее правило об обязанности каждого лица осуществлять свои гражданские права в соответствии с требованиями добросовестности закреплено и в ст. 6 Гражданского кодекса Квебека⁴.

Понятие добросовестности отражено также в международно-правовых актах, прежде всего тех, которые касаются коммерческого оборота, в частности в Принципах международных коммерческих договоров⁵. Согласно ст. 1.7 этого документа «каждая сторона обязана действовать в соответствии с принятыми в практике международной торговли добросовестностью и честной деловой практикой». При этом положения ст. 1.7 Принципов в большей степени отвечают экономическим реалиям, чем положения ст. 7 Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров, касающиеся добросовестности преимуще-

¹ Farnsworth A. Duties of good faith and fair dealing under the UNIDROIT principles, relevant international conventions and national laws // *Tulane Journal of International and Comparative Law*. 1995. No. 3. P. 50–51.

² Goode R. The concept of good faith in English law. Rome: Centro di studi e ricerche di diritto comparato e straniero, 1992. P. 2–3.

³ Poole C. A business manager's guide to the bona fide needs rule // *Acquisition Directions Advisory*. 2003. No. 8. P. 1–7.

⁴ Гражданский кодекс Квебека = *Code civil du Québec* / науч. ред. и авт. предисл.: О. М. Козырь, А. А. Маковская. М.: Статут, 1999. С. 40.

⁵ Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА) // Закон. 1995. № 12. С. 82–92.

ственно в аспекте ее толкования, потому как оказывают содействие развитию конструктивного торгового оборота¹.

Результатом работы по обобщению богатого опыта договорного права европейских стран стали Принципы европейского договорного права². Статья 1:201 Принципов рассматривает добросовестность как неотъемлемый атрибут поведения договаривающихся сторон.

В отечественном гражданском праве категория добросовестности использовалась в Русской Правде для ограждения владельца вещи от обвинения в краже³. Так, ст. 37 Русской Правды предусматривает, что «в случае реализации продавцом не принадлежащего ему челядина объект купли-продажи возвращался собственнику. Добросовестный покупатель мог предъявить иск о возмещении убытков продавцу, который наряду с гражданской мог быть подвергнут уголовно-правовой ответственности»⁴. При этом, как отмечает М. Н. Семякин, «многие правовые установления того периода носили „смешанный“, уголовно-частноправовой характер, и говорить об их какой-либо отраслевой принадлежности достаточно трудно»⁵.

Дальнейшее развитие данное понятие нашло в Соборном уложении 1649 г.⁶, в ст. 9 гл. VII которого добрая воля употребляется в связи с возможностью оспорить заключение сделки.

Согласно ст. 609 X тома Свода законов Российской империи⁷ добросовестный владелец отвечал перед собственником менее строго, чем недобросовестный, он имел право не возвращать полученные от такого владения доходы до того, как ему стала известна незаконность владения⁸.

¹ Кукин А. Соотношение Принципов УНИДРУА и Венской Конвенции международной купли-продажи товаров // Законодательство и экономика. 2000. № 4. С. 48.

² Принципы европейского договорного права (подготовлены Комиссией по европейскому договорному праву) // Вестн. ВАС РФ. 2005. № 3. С. 125–128.

³ Скловский К. Применение норм о доброй совести в гражданском праве России // Хоз-во и право. 2002. № 9. С. 83.

⁴ Исаев М. А. История Российского государства и права: учеб. М.: Статут, 2012. С. 840.

⁵ Семякин М. Н. Частное право: философские и исторические основания (критерии) и проблемы современной цивилистической доктрины. Екатеринбург: Изд-во Урал. ин-та – филиала РАНХиГС, 2013. Ч. 1. С. 86.

⁶ Соборное уложение 1649 года: текст, комментарии. Л.: Наука, 1987. С. 205.

⁷ Тютрюмов И. М. Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего Сената и комментариями русских юристов. М.: Статут, 2004. С. 364.

⁸ Там же. С. 336.

Понятие доброй совести как регулятора правомерного поведения закреплено также в Проекте гражданского уложения¹, который разрабатывался с 1882 по 1905 г.² Согласно ст. 50 данного документа недействительными признавались договоры, нарушающие добрые нравы. А ст. 31 Проекта уложения давала возможность оспорить договор, «когда кто-либо, злоупотребляя принадлежащей ему властью или оказываемым ему доверием либо пользуясь нуждой или несчастьем другого, заключит с ним чрезмерно невыгодный для него договор». В этой же статье фиксировались правила о признании недействительной сделки по причине ее кабальности и противности общественному укладу.

В гражданском праве советского периода понятие добросовестности употреблялось только применительно к институту виндикации в контексте защиты добросовестного приобретателя. В ст. 60 ГК РСФСР 1922 г. сказано: «Приобретатель признается добросовестным, если он не знал и не должен был знать, что лицо, от которого он приобретает вещь, не имело право его отчуждать». Данное положение воспроизводилось и в последующих кодификациях гражданского законодательства, а именно в Основах гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик 1961 г.³, ГК РСФСР 1964 г., а сегодня закреплено в ст. 302 ГК РФ.

В ГК РСФСР 1964 г. добросовестность участников гражданского оборота как самостоятельная гражданско-правовая категория не упоминалась. Однако в ст. 5 этого кодекса предусмотрено, что «при осуществлении прав и исполнении обязанностей субъекты гражданских правоотношений обязаны уважать правила социалистического общежития и моральные принципы общества».

Категория добросовестности впервые получила закрепление в ст. 5 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 г., в которой был

¹ Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестн. граждан. права. 2006. Т. 6. № 1. С. 124.

² Свод законов Российской Империи. СПб.: б. и., 1900. Т. 10. Ч. 1: 1. Свод законов гражданских. 2. Положение о казенных подрядах и поставках; Свод законов Российской Империи. СПб.: б. и., 1914. Т. 10. Ч. 1: Свод законов гражданских; Кодификация российского гражданского права: Свод законов гражданских Российской Империи, проект уложения Российской Империи, Гражданский кодекс РСФСР 1922 года, Гражданский кодекс РСФСР 1964 года. Екатеринбург: Изд-во Ин-та част. права, 2003.

³ Об утверждении Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик: Закон СССР от 8 декабря 1961 г. (с изм. на 12 июня 1990 г.) (утратил силу с 01.01.1992 на основании постановления Верховного Совета СССР от 31 мая 1991 г.) // Ведомости ВС СССР. 1961. № 50. Ст. 525.

установлен запрет на совершение недобросовестных действий, направленных на ущемление законных интересов лица.

В пп. 3–4 ст. 1 ГК РФ законодатель лишь обозначил категорию добросовестности, но не дал ее легальной дефиниции. Согласно данным положениям при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно; никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения.

В гражданских кодексах стран СНГ добросовестность закреплена в качестве либо общего правила осуществления прав и исполнения обязанностей, либо принципа, либо основных начал гражданского законодательства (см., например, ст. 3 ГК Украины¹, ст. 2 ГК Республики Беларусь², ст. 9 ГК Республики Узбекистан³, ч. 4 ст. 10 ГК Республики Таджикистан⁴, п. 4 ст. 8 ГК Республики Казахстан⁵, ст. 9 ГК Республики Молдова⁶, п. 5 ст. 9 ГК Кыргызской Республики⁷, п. 5 ст. 9 Гражданского кодекса Туркменистана⁸), хотя в Модельном Гражданском кодексе СНГ о ней идет речь лишь применительно к осуществлению гражданских прав (ст. 10)⁹.

Основанием периодизации научной мысли по вопросу становления и развития принципа добросовестности в отечественном гражданском праве является общая история цивилистики, воспринятая наукой гражданского права с подразде-

¹ Цивільний кодекс України // Відомості Верховної Ради України (ВВР). 2003. № 40–44. Ст. 356. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/435-15#Text> (дата обращения 03.05.2021).

² Гражданский кодекс Республики Беларусь // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9800218> (дата обращения 03.05.2021).

³ Гражданский кодекс Республики Узбекистан // Все законодательство Узбекистана: информ.-поиск. и эксперт. системы. URL: https://nrm.uz/contentf?doc=1370_grajdanskiy_kodeks_oglavlenie (дата обращения: 03.05.2021).

⁴ Гражданский кодекс Республики Таджикистан (Часть первая) // ИС «Параграф-Юрист». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30447927 (дата обращения: 03.05.2021).

⁵ Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) // ИС «Параграф-Юрист». URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1006061 (дата обращения 03.05.2021).

⁶ Гражданский кодекс Республики Молдова (Книга первая. Общие положения) // ИС «Континент». URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30397878 (дата обращения: 03.05.2021).

⁷ Гражданский кодекс Кыргызской Республики // Министерство юстиции Кыргызской Республики: офиц. сайт. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/4> (дата обращения: 03.05.2021).

⁸ Гражданский кодекс Туркменистана // Портал ИС ВОИС: офиц. сайт. URL: <https://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/ru/tm/tm037ru.pdf> (дата обращения: 03.05.2021).

⁹ Модельный Гражданский кодекс для государств – участников СНГ (часть первая): принят на пятом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств 29.10.1994 // Информ. бюл. Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ. 1995. № 6.

лением на до- и послереволюционную¹. Однако она носит общий характер, что обусловлено единством социально-экономического и государственно-политического процессов общественного развития и формирования права. Кроме того, подходы и точки зрения относительно природы добросовестности как правовой категории, как принципа гражданского права в разные исторический периоды пестрят разнообразием и носят точечный характер. В связи с чем диссертантом предлагается следующая периодизация становления добросовестности как правовой категории в отечественной доктрине гражданского права:

I. Дореволюционный этап, в пределах которого добросовестность возведена до уровня духовной ценности и культурного блага, что находит подтверждение в научных трудах А. С. Беляцкого, Н. Л. Дювернуа, Б. А. Кистяковского, Д. И. Мейера, И. Б. Новицкого, Л. И. Петражицкого, К. П. Победоносцева, И. А. Покровского, В. И. Синайского, Е. В. Спекторского, Г. Ф. Шершеневича и др.

II. Советский этап, в пределах которого добросовестность рассматривается как ограниченно функционирующий постулат в контексте социальной догмы в научных трудах таких исследователей как М. М. Агаркова, А. М. Васильева, В. П. Грибанова, О. А. Красавчикова, А. А. Чукреева и др.

III. Современный этап, в пределах которого добросовестность трактуется как объективно-субъективная категория, выполняющая роль поведенческого стандарта субъектов права, и признается обществом как нравственно-духовное начало и критерий применения норм права вообще и корпоративного права в частности, что нашло отражение в исследованиях Е. Е. Богдановой, В. В. Витрянского, Д. В. Дождева, Т. И. Илларионовой, А. Л. Маковского, М. Н. Семякина, С. В. Сарбаш, К. И. Скловского и др.².

Как отмечает И. А. Покровский, «на более высоких ступенях развития усиливается сознание самобытности и особенности каждой отдельной личности...

¹ См., напр.: Гражданское право. Часть первая: учебник / под ред. А.Г. Калпина, А.И. Масляева. М., 1997. С. 27–30 (автор раздела – В.В. Долинская).

² Черкасова, О. В. Становление принципа добросовестности в отечественном гражданском праве: исторический, доктринальный, и правоприменительный аспекты / О. В. Черкасова // Genesis: исторические исследования. – 2020. – № 2. – С. 15–27.

чем далее, тем определеннее наблюдается движение по пути охраны человеческой личности как таковой во всей совокупности ее индивидуальных интересов и особенностей»¹. Исторический подход требует хотя бы краткого обзора эволюции добросовестности в отечественной доктрине гражданского права, что позволит более глубоко познать сущность данного явления как правовой категории и обнаружить перспективы его развития.

Дореволюционный период для гражданского права – это этап истории Российского государства, «начавшийся реформами 1860-х гг. и оборванный мировой войной и революционной катастрофой 1917 г.»². Данный период, как отмечает Р. С. Тараборин, «оказался в известном смысле „золотым веком“ российской цивилистики, равно как и временем расцвета для отечественной юридической науки в целом, что позволило ей к началу XX в. выйти на уровень, вполне сопоставимый с ведущими европейскими юридическими школами»³. Интерес представителей дореволюционной гражданско-правовой доктрины к принципу добросовестности был обусловлен попыткой его законодательного закрепления как частного правового принципа в проекте Гражданского уложения.

Еще Д. И. Мейер в дореформенный период описывал добросовестное владение как «то, которое основывается на искреннем, хотя и ложном представлении владельца о праве владения»⁴.

Л. И. Петражицкий говорил, что «*bona fides*» – незнание (извинительное заблуждение), а «*mala fides*» – знание, т. е. обе категории «этически безразличные, бесцветные»⁵.

Современник Л. И. Петражицкого Е. В. Спекторский отличал юридическую жизнь человека от физической и психической. «Право – это особый юридический мир, который есть лишь часть более широкого мира человека – морального мира.

¹ Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. С. 99–100.

² Тараборин Р. С. Гражданское законодательство Российской империи в дореволюционной правовой мысли: к историографии вопроса // Проблемы экономики и юридической практики. 2013. № 1. С. 25.

³ Там же. С. 25.

⁴ Мейер Д. И. Русское гражданское право. М.: Статут, 1997. С. 9–10.

⁵ Петражицкий Л. И. Права добросовестного владельца на доходы с точек зрения догмы и политики гражданского права. М.: Статут, 2002. С. 126.

В этом мире личность человека с особой моральной волей подчинена этическим в широком смысле законам»¹.

Б. А. Кистяковский отождествлял морально-этические категории с произведениями литературы и искусства, называя и те и другие духовными благами².

В. И. Синайский, не соглашаясь с представленными выше взглядами, писал: «Положительное право есть синоним установленного порядка общественной жизни людей (правопорядка), поддерживаемого не только сознанием его необходимости (правовыми переживаниями), правосознанием, но и особыми учреждениями (институтами), – этой своего рода кристаллизацией правосознания». Кроме того, ученый полагал, что «если же возникают „важные сомнения“ в надлежащем выражении воли, то сделки (договоры) „должны быть изъясняемы по намерению и их доброй совести“ (ст. 1539). Таким образом, суду предоставлено право, хотя и ограниченное, толковать сделку лишь в случаях важных сомнений, руководствуясь двумя совершенно различными принципами – намерениями сторон (Willenstheorie) и доброй совестью, т. е. воззрениями оборота (Vertauenstheorie) (ст. 72)»³.

И. А. Покровский говорил: «Запрещение пользоваться своим правом без всякого интереса для себя с исключительной целью причинить другому вред столь же естественно, как запрещение умышленного правонарушения вообще... Намерение причинить зло, *animus nocendi*, является, поэтому, неизменным и единственно надежным критерием шиканы»⁴.

В российской цивилистике сложилось традиционное теоретическое обоснование объективной и субъективной добросовестности, которое одним из первых осуществил Б. И. Новицкий. Говоря о добросовестности как известном субъективном состоянии лица, автор определял это явление через знание или незнание фактов⁵. Ученый отмечал: «Все идеалы, как известно, имеют ту особенность, что они далеки от осуществления, они, как маяки, указывают нам надлежащую доро-

¹ Спекторский Е. К вопросу о реальности права // Юрид. вестн. 1914. Кн. 5 (1). С. 15.

² Кистяковский Б. Кризис юриспруденции и дилетантизм в философии // Юрид. вестн. 1914. Кн. 5 (1). С. 35.

³ Синайский В. И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2002. С. 53.

⁴ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. С. 118.

⁵ Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте гражданского уложения // Вестн. граждан. права. 1916. № 6. С. 58.

гу, но сами пока недостижимы. Между тем добрая совесть и вытекающие из нее частные указания и положения принадлежат к числу обиходных понятий, касаются повседневных явлений жизни»¹. Б. И. Новицкий признавал добросовестность одним из оценочных критериев судейского усмотрения. Обращаясь к вопросу доброй совести договаривающихся сторон, он подчеркивал: «Договоры должны быть изъясняемы по точному их смыслу, по доброй совести и намерению лиц, их заключающих»².

По утверждению Г. Ф. Шершеневича, в русском законодательстве, когда речь шла об объеме ответственности незаконного владельца перед собственником имущества, происходило смешение вплоть до отождествления поведения добросовестного и правомерного. Ученый отмечал: «Если суд или администрация должны руководствоваться не законом, а своим представлением о справедливости, то пусть они мне разъяснят, для какой надобности существуют законы и не проще ли было бы вменить всем органам власти руководствоваться одною только справедливостью»³.

Таким образом, в доктрине дореволюционного периода был сформулирован важный тезис о трактовке добросовестности в субъективном и объективном смыслах, а также положение о том, что данная категория является оценочной, что на практике дает возможность судьям, руководствуясь собственным представлением о нравственно-этическом поведении индивида, определять судьбу гражданско-правового спора. Кроме того, представители цивилистической науки дореволюционного периода осуществили глубокое теоретическое осмысление категории добросовестности, где мерилom выступают намерение и воля субъекта правоотношения, его психическое состояние. Особую ценность, на наш взгляд, представляет то, что добросовестность возведена до уровня духовной ценности и культурного блага.

¹ Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте гражданского уложения // Вестн. граждан. права. 1916. № 6. С. 59.

² Там же. С. 59.

³ Шершеневич Г. Ф. Моим критикам (по поводу лекции «О чувстве законности») // Казанский телеграф. 1898. № 1585. С. 3.

В советской цивилистике наблюдалось относительное затишье в исследовании понятия добросовестности. На эволюцию гражданского права в целом огромное влияние оказали слова В. И. Ленина о том, что большевики ничего частного в области права не признают, что для них все право – это право публичное¹. Заимствованное некогда в римской юриспруденции деление на частное и публичное право на долгие годы ушло с научной и правоприменительной арены. Это обусловлено тем, что, как отмечает М. Н. Семякин, «была поставлена задача старую правовую форму „наполнять“ новым содержанием, постепенно вытесняя „буржуазное“ гражданское законодательство, заменяя на новое – социалистическое»².

Однако часть цивилистов советского периода (М. М. Агарков, Б. Б. Черепахин) по-прежнему в своих исследованиях активно выступали в пользу частноправового характера гражданского права. Е. А. Суханов по этому поводу высказал примечательную мысль: «Наше гражданское право, в сущности, никогда не утрачивало своих частноправовых начал: равенства участников, их инициативы и диспозитивности в осуществлении прав. Они были закреплены в гражданских кодексах 1922 и 1964 гг., Основых гражданского законодательства 1961 и 1991 гг. Другое дело, что в сфере хозяйственной деятельности они были значительно искажены и ограничены»³. Соответственно, в доктрине советского гражданского права можно выделить ряд мнений, которые оказали влияние на формирование гражданско-правовой категории добросовестности.

М. М. Агарков выделял признаки личной свободы и социального служения, свойственные как частному, так и публичному праву. Ученый полагал, что «начала доброй совести, поставленные в надлежащие рамки, означают не что иное, как честность в отношениях между людьми»⁴. Примечательно, что доктринальные воззрения дореволюционного периода как раз опровергали честность как критерий добросовестного поведения индивида. Это, на наш взгляд, является правиль-

¹ Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. 5-е изд. М.: Политиздат, 1970. Т. 44: Июнь 1921 – март 1922. С. 726.

² Семякин М. Н. Частное право: философские и исторические основания (критерии) и проблемы современной цивилистической доктрины. С. 86.

³ Суханов Е. А. Система частного права // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11: Право. 1994. № 4. С. 26.

⁴ Агарков М. М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Агарков М. М. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2002. Т. 2. С. 375–376.

ным, потому как «честность» и синонимичное ему понятие «порядочность» – не правовые категории. При определении добросовестности через такого рода понятия есть риск еще больше запутаться в дефинициях.

С точки зрения В. П. Грибанова, суть принципа добросовестности заключается в соблюдении участником имущественного оборота моральных и других социальных норм, в ненарушении им правил социалистического общежития¹.

Можно констатировать, что в советский период доктрина признавала необходимость категории добросовестности, однако понимала ее усеченно, руководствуясь социалистическими догмами. По-прежнему было неясно, что подразумевалось под социальными нормами и правилами социалистического общежития. Определение добросовестности больше напоминало нравоучение, призыв, лозунг, который не имел под собой обоснования с точки зрения ни теории права, ни правоприменительной практики.

С прекращением существования Союза ССР российская государственность претерпела серьезные социальные, политические и экономические трансформации, связанные, в том числе, с переходом к рыночной экономике. Это вызвало необходимость разработки нового законодательства, регулирующего отношения экономического оборота, без чего невозможно было создание рыночной экономики².

Вследствие этого обнаружилось несовершенство ряда традиционных гражданско-правовых институтов, неприемлемое в новых условиях³. Потребовалось проведение реформ гражданского законодательства, которые затронули и основополагающие начала гражданского права. В Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 18 июля 2008 г. № 1108, обозначена цель внедрения добросовестности в гражданское законодательство, которая заключалась в усилении нравственных начал гражданско-правового регулирования. Тем самым еще совсем недавно занимавшие скромное место морально-этические начала, относящиеся скорее к общепра-

¹ Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2001. С. 237.

² Яковлев Г. Ф. Гражданский кодекс и государство // Вестн. ВАС РФ. 1997. № 6. С. 133.

³ Гребенкина И. А. Принцип добросовестности в российском гражданском праве // Бюл. нотариальной практики. 2011. № 11. С. 16.

вовым, нежели к отраслевым, заняли главенствующее место в системе принципов гражданского права.

Разработке категории добросовестности на современном этапе науки гражданского права посвятили свои диссертационные исследования такие ученые, как Т. Ю. Дроздова, Д. Л. Кондратюк, Т. В. Новикова, Е. Е. Богданова¹. Тем не менее среди цивилистов не сложилось единого мнения относительно сущности данной категории.

И. Г. Федин отмечает многоаспектный характер категории «добросовестность», которая может применяться исследователями в разном качестве: как мера, идея, начало, презумпция, оценочное понятие. В силу своей многоаспектности эта категория как инструмент юридической техники востребована во всех отраслях отечественного права².

По словам С. К. Соломина, разброс в теоретических подходах к пониманию добросовестности в объективном смысле приводит к тому, что термином «добросовестность» начинают обозначать разные понятия, тем самым поднимая проблему «многоликости» добросовестности, «размытости» данного понятия³.

Л. В. Щенникова определяет разумность и добросовестность как законодательные требования⁴, З. И. Цыбуленко⁵ и Т. И. Илларионова⁶ – как законодательные критерии. Е. Е. Богданова подчеркивает сверхимперативный характер катего-

¹ Дроздова Т. Ю. Добросовестность в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2004; Кондратюк Д. Л. Нравственно-правовые принципы в гражданском праве России: на примере справедливости, гуманизма, разумности и добросовестности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006; Новикова Т. В. Понятие добросовестности в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2009; Богданова Е. Е. Добросовестность участников договорных отношений и проблемы защиты их субъективных гражданских прав: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010.

² Федин И. Г. Многоаспектность категории добросовестность в российском праве // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2015 г.). Казань: Бук, 2015. URL: <https://moluch.ru/conf/law/archive/141/8028/> (дата обращения: 10.11.2020). См. также: Его же. Добросовестность как правовая категория // Актуальные проблемы рос. права. 2018. № 4. С. 22.

³ Соломин С. К., Соломина Н. Г. Добросовестность в гражданском праве: моногр. М.: Юстицинформ, 2018.

⁴ Щенникова Л. В. Справедливость и добросовестность в гражданском праве России // Государство и право. 1997. № 6. С. 119.

⁵ Гражданское право России. Часть первая: учеб. / под ред. З. И. Цыбуленко. М.: Юрист, 1998. С. 33 и др.

⁶ Гражданское право: учеб. для вузов / под ред. Т. И. Илларионовой, Б. М. Гонгало, В. А. Плетнева. М.: Норма-Инфра-М, 1998. Ч. 1. С. 34; Гражданское право. Часть первая: учеб. / под ред. А. Г. Калпина, А. И. Масляева. М.: Юрист, 1997. С. 20.

рии добросовестности и ее необходимость для укрепления нравственных основ гражданского оборота¹.

В современных научных исследованиях были продолжены идеи дореволюционного периода, определяющие добросовестность в объективном и субъективном смыслах. Т. Ю. Дроздова полагает, что добросовестность в объективном смысле – это «принцип гражданского права, действие которого проявляется при возникновении и осуществлении гражданских прав и обязанностей и направлено на достижение равновесия интересов между субъектами отношений»². По мнению М. В. Новикова, «объективная сторона добросовестности выступает в виде правил поведения субъектов гражданских правоотношений, устанавливающих баланс взаимных интересов, основанных на доверии друг к другу»³.

А. Л. Маковский приводит в пример позицию Минэкономразвития, которое высказало сомнения в правильности подхода, когда оценка поведенческих критериев субъектов права отдается на усмотрение суда, и указало, что введение принципа добросовестности в материю гражданского права – это шаг назад и признак недостаточной зрелости законодательных норм. Вместе с тем ученый отмечает, что «сегодня, когда принцип добросовестности так или иначе в праве или в законе, а чаще всего в законе, фигурирует в правовых актах практически всех стран с развитой рыночной экономикой», отказ от него как основополагающего начала гражданского права не представляется возможным⁴.

Указывая на проблему расширения сферы судебного усмотрения, В. В. Витрянский полагает, что она «может быть решена путем формирования единообразной судебной практики, связанной с применением, в частности, принципа добросовестности к различным гражданским правоотношениям». Вместе с тем ученый отмечает и положительные примеры успешного судебного толкования отдельных правовых норм, «в соответствии с которыми юридические послед-

¹ Богданова Е. Е. Принцип добросовестности и эволюция защиты гражданских прав в договорных отношениях: моногр. М.: Юрлитинформ, 2014. С. 20–28.

² Дроздова Т. Ю. Добросовестность в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. С. 19.

³ Новиков М. В. Понятие добросовестности в гражданском праве: теоретический анализ // Молодой ученый. 2012. Т. 2. № 1. С. 42.

⁴ Маковский А. Л. Об уроках реформирования Гражданского кодекса России // Вестн. граждан. права. 2013. № 5. С. 157.

ствия наступают в зависимости от добросовестности (или недобросовестности) поведения участников гражданского оборота»¹.

Юридическая наука должна быть подспорьем в выработке подходов, приемов и способов применения гражданско-правовых норм. Как отметил С. В. Сарбаш, в случае неточности или неясности закона исправить ситуацию в силах только судья, а неизменным помощником ему в этом служит доктрина². Есть основания полагать, что приведенные положения в равной мере относятся и к реализации принципа добросовестности.

Не сложилось единого мнения о сущности категории добросовестности также среди современных зарубежных правоведов. В итальянской доктрине гражданского права отмечается, что добросовестность следует понимать как объективную концепцию, призванную быть руководством к действию для добропорядочных предпринимателей³. Вместе с тем среди итальянских ученых немало заступников категории доброй совести. В частности, М. Бессонн, Дж. Бильянци, У. Натולי выступали в поддержку широкого судебного усмотрения при использовании общего принципа справедливости, который они отождествляли с категорией доброй совести⁴. Противоречие во взглядах серьезно осложняло развитие итальянской судебной практики.

Представитель германской гражданско-правовой доктрины Р. Циммерманн обращает внимание на узость применения ст. 242 ГГУ лишь по отношению к исполнению обязательств⁵. Огромный вклад в систематизацию функционального применения ст. 242 ГГУ внес Ф. Виакер⁶. Благодаря ему в германской доктрине и судебной практике положения ст. 242 ГГУ стали применяться при привлечении к ответственности при ведении переговоров (*culpa in*

¹ Витрянский В. В. Реформа гражданского законодательства: промежуточные итоги. М.: Статут, 2017. С. 58.

² Сарбаш С. В. Единственный доктор для закона – это судья // Закон. 2017. № 4. С. 12.

³ Musy A. M. The good faith principle in contract law and the precontractual duty to disclose: comparative analysis of new differences in legal cultures. P. 4.

⁴ Ibid. P. 4, 9–10.

⁵ Good Faith in European Contract Law. P. 18; Erler A. Treu und Glauben // Handwoerterbuch zur deutschen Rechtsgeschichte. Berlin: Schmidt, 1992. Teil 34. Kols. 317 ff; Behrends O. Treu und Glauben: Zu den christlichen Grundlagen der Willenstheorie im heutigen Vertragsrecht // Christentum und modernes Recht: Beitr. zum Problem der Säkularisation / Hrsg. von Gerhard Dilcher u. Ilse Staff. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1984. Kol. 277 ff.; Strätz H.-W. Treu und Glauben. Band 1 : Beiträge und Materialien zur Entwicklung von Treu und Glauben in Privatrechtsquellen deutschen vom 13. bis zur Mitte 17. Jahrhunderts. 1997. Paderborn: Schöningh, 1974. S. 287–323.

⁶ Wieacker F. Privatrechtsgeschichte der Neuzeit. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1967. S. 517.

contrahendo) в случае защиты от ненадлежащего исполнения обязательства; кроме того, ст. 242 стала распространяться на отдельные обязательства, возникающие из причинения вреда¹.

Французский ученый Ж. Жестин, анализируя судебную практику, полагает, что к категории доброй совести (*bonne foi*) необходимо относиться с осторожностью, не давая возможности для широкого судебного усмотрения². В европейской гражданско-правовой доктрине такой подход обозначают как минималистичный³.

В английской доктрине гражданского права категория добросовестности была и остается дискуссионной, особенно применительно к договорному праву. Существуют подходы, в рамках которых добросовестность рассматривается как «чуждое правило» и утверждается, что принятие данного принципа потребует изменений в английском праве⁴. М. Бридж указывал, что «добросовестность – несовершенный перевод этического стандарта в правовую идеологию и нормы права»⁵. В целом можно констатировать, что у английских юристов существует «недоверие» к категории добросовестности и последняя зачастую встречает отказ в применении судами, так как в ее содержании много неопределенного.

На актуальность реализации категории добросовестности и ее тесную взаимосвязь с деятельностью органов судебной власти указывает председатель Верховного Суда РФ В. М. Лебедев. По его мнению, в настоящее время существует высокая потребность во введении принципа процессуальной добросовестности по аналогии с нормами материального права в целях исключения злоупотребления процессуальными правами⁶.

Свою позицию относительно понимания категории добросовестности Верховный Суд РФ обозначил в постановлении Пленума от 23 июня 2015 г. № 25

¹ Musy A. M. The good faith principle in contract law and the precontractual duty to disclose: comparative analysis of new differences in legal cultures. P. 5.

² Гражданский кодекс французов 1804 года (Кодекс Наполеона) // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / сост. Н. А. Крашенинникова. М.: Зерцало, 2000. С. 351.

³ The principles of European contract law. Part I: Performance, non-performance and remedies. P. 118.

⁴ Ж. Стэплтон отмечает, что данное суждение отражает подход «радикалов» относительно необходимости принципа добросовестности в договорном праве Англии. См.: Stapleton J. Good Faith in private law // Current Legal Problems. 1999. Vol. 52. Iss. P. 2–3.

⁵ Bridge M. G. Does Anglo-Canadian Contract Law Need a Doctrine of Good Faith? // Canadian Business Law Journal. 1984. Vol. 9. P. 385, 412.

⁶ Пашина Е. Лебедев предложил изменить ГПК и АПК // Право.ру. 2017. 26 мая. URL: <https://pravo.ru/news/view/141199/> (дата обращения: 01.10.2020).

«О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации», в соответствии с абз. 4 п. 1 которого «поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения. В этом случае суд при рассмотрении дела выносит на обсуждение обстоятельства, явно свидетельствующие о таком недобросовестном поведении, даже если стороны на них не ссылались»¹. В концепции добросовестности, предложенной Верховным Судом РФ, доминируют оценочные понятия, такие как «очевидное отклонение», «обстоятельства, явно свидетельствующие», что в очередной раз порождает правовую неопределенность в понимании добросовестного и недобросовестного поведения субъектов гражданских правоотношений. Это обстоятельство, в свою очередь, расширяет рамки судебного усмотрения, которое заключается в том, что судебные органы вправе «принимать, сообразуясь с конкретными условиями, такое решение по вопросам права, возможность которого вытекает из общих и лишь относительно определенных указаний закона»². Примером тому служит определение Верховного Суда РФ от 24 января 2020 г. № 310-ЭС17-8905 по делу № А35-5002/2016, при разрешении которого судья исходил из формально-определенной позиции Верховного Суда РФ – «отсутствия явных обстоятельств», свидетельствующих о злоупотреблении правом³.

¹ О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Бюл. Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

² Комиссаров К. И. Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства. Свердловск: б. и., 1971. С. 26. Иной взгляд на усмотрение в праве, в частности судебное усмотрение, см.: Папкина О. А. Усмотрение суда. М.: Статут, 2005. С. 5. Дискуссия о судебном усмотрении, порожденная проблемой формальной определенности норм права, восходит к идеям школы свободного права; среди зарубежных и отечественных правоведов до сих пор не сложилось единого мнения на этот счет. См., например: Galligan D. J. Discretionary powers: a legal study of official discretion. Oxford: Clarendon Press, 1986; Davis K. C. Discretionary justice: a preliminary inquiry. Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1969; Dworkin R. M. Taking rights seriously. Cambridge: Louisiana State University Press, 1977; The uses of discretion / ed. by K. Hawkins. Oxford: Clarendon Press, 1992; Криличевский С. А. Судебное усмотрение в исках о доходах и убытках и кассационное обжалование. Пг.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1914; Покровский И. А. Обязательства из деликтов в проекте гражданского уложения. Киев: Тип. Имп. Ун-та св. Владимира, 1901; Боннер А. Т. Законность и справедливость в правоприменительной деятельности. М.: Рос. право, 1992; Барак А. Судейское усмотрение / пер. с англ.; науч. ред. В. А. Кикоть, Б. А. Страшун; вступ. ст. М. В. Баглая. М.: Норма, 1999; Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. 3-е изд., стереотип. М.: Статут, 2001. Кн. 1. С. 70–71.

³ Определение Верховного Суда РФ от 24 января 2020 г. № 310-ЭС17-8905 по делу № А35-5002/2016 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.07.2021).

Приведенные выше суждения представителей различных направлений философско-правовой мысли, нашедшие отражение в узаконениях гражданского права на различных этапах функционирования и практики применения его норм, обусловили внедрение в его правовую ткань нравственных начал, в том числе добросовестности изначально как гражданско-правовой категории, а с принятием Федерального закона от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» – как принципа, которого должны придерживаться участники гражданских правоотношений при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей. При этом добросовестность должна позиционироваться как объективно-субъективный принцип гражданского права вообще и корпоративного в частности.

С учетом этого принцип добросовестности имеет определяющее значение для реализации таких гражданско-правовых категорий, как аналогия права, пресечение недобросовестной конкуренции, определение пределов осуществления гражданских прав, недопустимость злоупотребления правом, виндикация и др.¹

В связи с этим, руководствуясь вышеизложенным, принцип добросовестности предлагается определять как базовую, универсальную нравственно-этическую парадигму гражданско-правового регулирования и судебного усмотрения, имеющую основополагающее значение для упорядочения следующих корпоративных правоотношений коммерческих юридических лиц: реализации членами корпораций абсолютного права на участие; реализации членами корпораций как через общее собрание участников, так и посредством выборных руководящих органов права на управление; заключения от имени корпораций гражданско-правовых сделок.

Резюмируя изложенное, можно сформулировать следующие выводы.

¹ Подробнее об этом см.: Телюкина М.В. Значение принципа добросовестности на современном этапе развития российского гражданского права // Фундаментальные проблемы и перспективы гражданского и предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса в современных экономических условиях: Материалы Первой Международной конференции. ИГП РАН. Москва, 18 ноября 2019 г. М.: Институт государства и права РАН, 2020. С. 86-91.

1. Истоки становления оценочной категории «добросовестность», равно как и взаимосвязанных с ней категорий справедливости и разумности, в отечественном праве восходят к трактатам древнегреческих, немецких, французских и английских мыслителей, получивших критическое переосмысление и развитие в научных трудах российских философов и правоведов, которые по-разному объясняли соотношение морали и права, но, исходя из самобытности российского общества и социальной ценности человека, неизменно считали внутреннюю свободу индивидуума нравственно-этическим началом правовой материи.

2. Становления добросовестности как правовой категории в отечественной доктрине гражданского права диссертантом рассматривается в контексте трех, исторически сложившихся периодов - дореволюционный, советский и современный.

2. В ракурсе современной доктрины гражданского права категория добросовестности как нравственно-духовное начало и как принцип гражданского права обеспечивает баланс публичных и частных интересов в сфере гражданского оборота, определяет такое поведение субъектов гражданских правоотношений, которое формируется в условиях взаимного доверия контрагентов и учета интересов страны.

Исходя из нравственного закона И. Канта и понимания добросовестности в отечественной доктрине права через свободу индивидуума, ограниченную правом, представляется целесообразным ст. 1 ГК РФ дополнить пунктом 3.1 следующего содержания: **«Участник гражданских правоотношений не должен рассматривать другого участника как средство извлечения выгоды».**

3. Гражданско-правовой принцип добросовестности, несмотря на универсальность и сквозной характер, изначально предусмотренный Концепцией развития гражданского законодательства Российской Федерации, нуждается в конкретизации применительно к различным гражданским правоотношениям с учетом их специфики, в частности применительно к корпоративным правоотношениям коммерческих юридических лиц с участием как членов корпораций, так и их органов управления.

Поскольку только в контексте определенного субъективного права и субъективной обязанности возможна реализация указанной категории, постольку п. 3 ст. 1 ГК РФ необходимо изложить в следующей редакции: **«При установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно, с учетом особенностей конкретных субъективных прав и субъективных обязанностей».**

4. Реализация принципа добросовестности возможна только во взаимосвязи с иными оценочными категориями и принципами гражданского права, такими как разумность, справедливость, недопущение злоупотребления правом, чему посвящен следующий раздел настоящей работы.

1.2. Добросовестность как правовой принцип

и ее соотношение со смежными принципами гражданского права

В доктрине гражданского права представлены различные трактовки гражданско-правовых принципов. Исследование данного вопроса видится актуальным в связи с реформой гражданского законодательства, одним из достижений которой стало возведение категории добросовестности в ранг основополагающего начала отрасли.

Нельзя не отметить, что значительное внимание исследованию принципов гражданского права уделили еще дореволюционные ученые¹, но, как отмечал в конце XIX в. С. В. Пахман, это та тема, которая «изображает собой знак вопроса; материала по принципам, имеющим положительную научную основу, накоплено много; отдельные вопросы до известной степени разработаны, а общие начала составляют как бы камень преткновения»². Собственно теория принципов права, в том числе гражданского, была создана лишь в XX в. усилиями советских правоведов³. Учеными внесен существенный вклад в исследование вопроса о правовой природе принципов современного гражданского права⁴. Однако единогласие в

¹ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. С. 60–76; Синайский В. И. Русское гражданское право. С. 60–63.

² Пахман С. В. Обычное гражданское право в России / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М.: Зерцало, 2003. С. 3–7.

³ Агарков М. М. Основные принципы советского гражданского права // Агарков М. М. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2002. Т. 2. С. 396; Братусь С. Н. Предмет и система советского гражданского права. М.: Госюриздат, 1963. С. 135; Свердлов Г. А. Принципы советского гражданского права. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. С. 17; Калмыков Ю. Х. Принципы советского гражданского права // Правоведение. 1980. № 3; Его же. Принцип всемерной охраны социалистической собственности в гражданском праве. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1987; Садиков О. Н. Принципы нового гражданского законодательства СССР // Сов. государство и право. 1991. № 10; Толстой Ю. К. Принципы гражданского права // Правоведение. 1992. № 2.

⁴ Макрецова А. А. Принципы гражданского права переходного периода: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996; Калмыков Ю. Х. О значении общих положений гражданского законодательства // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика: сб. памяти С. А. Хохлова / отв. ред. А. Л. Маковский М.: Междунар. центр фин.-экон. развития, 1998. С. 46–50; Яковлев В. Ф. Россия: экономика, гражданское право (вопросы теории и практики). М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2000. С. 38–46; Ершов Ю. Л. Принцип свободы договора и его реализация в гражданском праве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001; Асланян Н. П. Основные начала российского частного права : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001; Комиссарова Е. Г. Принципы в праве и основные начала гражданского законодательства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2002; Щенникова Л. В. Принципы гражданского права: достижения цивилистики и законодательный эффект // Цивилистические записки: межвуз. сб. науч. тр. М.: Статут; Екатеринбург; Институт частного права, 2002. Вып. 2. С. 41–59; Гонгало Б. М. Идеи частного права: должное и сущее // Цивилистические записки: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 3: К 80-летию С. С. Алексеева. М.: Статут; Екатеринбург: Ин-т частного права, 2004. С. 74–97; Климова А. Н. Принципы гражданского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005; Кузнецова О. А. Принципы гражданского права: вопросы теории и практики // Правоведение. 2005. № 2; Семякин М. Н. Источники российского гражданского права: проблемы теории и практики. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 47–93; Вавилин Е. В. Принципы

этом направлении науки гражданского права по-прежнему отсутствует. Самая распространенная точка зрения гласит о необходимости разделения принципов на начала законодательства и права¹ либо начала и принципы права². Примечательно, что используемые в кодифицированных актах понятия, такие как «основные начала законодательства» (например, в ст. 1 ГК РФ, ст. 3 НК РФ, ст. 1 СК РФ, ст. 1 ЗК РФ), «принципы законодательства» (например, в ст. 1 ЛК РФ), «начала законодательства» (например, в гл. 1 ТК РФ) и даже «принципы кодекса» (например, в гл. 1 УК РФ), трактуются учеными как принципы отраслей права, в частности гражданского права³ или его подотраслей⁴, семейного права⁵, жилищного права⁶, либо институтов отдельных отраслей права⁷.

М. М. Агарков полагал, что принципы можно обнаружить непосредственно в содержании советского гражданского права, они предопределяют его «правовой облик» и отличие от буржуазного гражданского права⁸.

По мнению С. С. Алексеева, правовые принципы – это «выраженные в праве исходные нормативно-руководящие начала, характеризующие его содержание (основы) и закреплённые в нем закономерности общественной жизни»⁹.

С точки зрения Г. А. Свердлыка, принцип права – это «закреплённые или отраженные в преамбулах нормативных актов, а также в гражданско-правовых нормах и выражающие объективные закономерности развития имущественных,

гражданского права. Механизм осуществления и защиты гражданских прав: моногр. Саратов: Сарат. гос. юрид. акад., 2012; Принципы гражданского права и их реализация: моногр. / под ред. Т. П. Подшивалова, Г. С. Демидовой. М.: Проспект, 2017; Принципы частного права: моногр. / под ред. Т. П. Подшивалова, В. В. Кваниной, М. С. Сагандыкова. М.: Проспект, 2018.

¹ Комиссарова Е. Г. Принципы в праве и основные начала гражданского законодательства. С. 7–8.

² Александров Ю. А. К вопросу о соотношении начал и принципов права // Изв. Иркут. гос. экон. акад. 2014. № 6. URL: <http://brj-bguer.ru/reader/article.aspx?id=19121> (дата обращения: 01.05.2021).

³ Калмыков Ю. Х. О значении общих положений гражданского законодательства. С. 46–48; Яковлев В. Ф. Россия: экономика, гражданское право. С. 31, 38.

⁴ Чорновол Е. П. К вопросу о принципах предпринимательского права // Актуальные проблемы частного права: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Е. П. Чорновол. Екатеринбург: Изд-во УрАГС, 2007. Вып. 1. С. 3–19; Волос А. А. Понятие принципов обязательственного права // Вестн. Сарат. гос. юрид. акад. 2014. № 3 (98). С. 162–166.

⁵ Пчелинцева Л. М. Семейное право России: учеб. для вузов. М.: Норма; ИНФРА-М, 1999. С. 20; Гонгало Б. Основные начала семейного законодательства // Семейное и жилищное право. 2006. № 2.

⁶ Гонгало Б. М. Основные начала российского жилищного законодательства (комментарий законодательства) // Нотариус. 2005. № 3.

⁷ Чорновол Е. П. Характеристика принципов правового института реабилитации жертв политических репрессий // Социальное и пенсионное право. 2019. № 4. С. 50–56; Чорновол Е. П., Чельшева Н. Ю. Место принципов третейского разбирательства в системе принципов третейского права // Научный вестник Ужгородского национального университета. Сер.: Право. 2012. Вып. 20. Ч. 2. Т. 2. С. 49–52.

⁸ Агарков М. М. Основные принципы советского гражданского права. С. 396.

⁹ Алексеев С. С. Проблемы теории права: курс лекций: в 2 т. Свердловск: б. и., 1972. Т. 1. С. 102–112.

связанных и не связанных с ними личных неимущественных и базирующихся на началах координации организационных отношений стабильные нормативно-руководящие положения, в соответствии с которыми строится нормативная база гражданско-правового регулирования, регламентация поведения субъектов гражданского права и правоприменение»¹. В данной позиции отражена общая концепция, согласно которой принципы права не являются чем-то абстрактным и оторванным от реальной жизни. В. Ф. Яковлев полагает, что «принципы гражданского права в концентрированном виде отражают социально-экономическую сущность регулируемых отношений и экономической политики, осуществляемой государством применительно к этим отношениям через нормы гражданского права»². При этом, как отмечает В. Н. Хропанюк, «принципы могут составлять саму материю права, проникая во внутреннее содержание правовых норм»³.

В юридической доктрине ставится вопрос о том, какие правовые положения можно относить к принципам. Так, С. С. Алексеев предлагал выделять два вида принципов (под которыми он понимал «сквозные идеи»): заполняющие пустоты писаного права, но не входящие в объективную материю права; прямо входящие в правовую систему⁴. Те принципы права, которые входят в правовую систему, О. А. Кузнецова определяла как нормы-принципы; остальные, по ее мнению, существуют в виде принципов-идей⁵. При этом принципы права «...не могут быть полностью отделены от действующего текстуального законодательства»⁶. Аналогичной позиции придерживается О. А. Потапова, выделяющая принципы, прямо сформулированные в законодательстве, и принципы, содержание которых выводится из смысла норм⁷. Такие понятия, как «справедливость» или «соразмерность», могут применяться без соответствующих ссылок на закон либо наполняются содержанием, которое не вытекает напрямую из закона.

¹ Свердлык Г. А. Принципы советского гражданского права. С. 17.

² Яковлев В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. Свердловск: Изд-во Свердлов. юрид. ин-та им. Р. А. Руденко, 1972. С. 212.

³ Хропанюк В. Н. Теория государства и права. М.: Юрид. лит., 1995. С. 215–216.

⁴ Алексеев С. С. Право на пороге нового тысячелетия: некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи. М.: Статут, 2000. С. 145–146.

⁵ Кузнецова О. А. Нормы-принципы российского гражданского права. М.: Статут, 2006. С. 42.

⁶ Там же.

⁷ Потапова О. А. Принципы гражданского права: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2002. С. 39.

Несмотря на то, что в современном Гражданском кодексе России термин «принцип» используется, лишь когда речь идет о гуманности (ст. 137 ГК РФ), гуманности и морали (подп. 4 п. 4 ст. 1349, п. 2 ст. 1419, подп. 5 п. 4 ст. 1473, подп. 2 п. 3 ст. 1483 ГК РФ), добросовестности и разумности (п. 3 ст. 602, абз. 2 ст. 662 ГК РФ), а также в выражении «нравственные принципы общества» (п. 3 ст. 1064 ГК РФ и др.), категория добросовестности выступает в качестве нормы-принципа, поскольку непосредственно отражена в пп. 3–4 ст. 1 ГК РФ. При этом принцип добросовестности участников гражданских правоотношений должен, как указывает В. Ф. Яковлев, присутствовать во всех основных гражданских правоотношениях, т. е. быть сквозным¹. Следовательно, принципы гражданского права – это закрепленные в нормах права основополагающие начала, отражающие объективные закономерности становления и развития нормативно-правовой основы и регулирования отношений, составляющих предмет гражданского права, в соответствии с политическими, экономическими и социальными условиями жизнедеятельности российского общества.

Однако к настоящему времени в отечественной цивилистике не сформировалась единая нравственно-правовая концепция, адекватно объясняющая соотношение нравственных категорий и принципов гражданского права. В дореволюционной, советской, постсоветской науке гражданского права исследовались отдельно взятые его принципы: справедливости, добросовестности, разумности, недопустимости злоупотребления правом.

Характеризуя принцип добросовестности в ракурсе оценочных категорий и принципов гражданского права, следует согласиться с позицией Д. Л. Кондратюк, которая пишет: «Нравственно-правовые принципы образуют социально-целостную основу гражданско-правовых отношений, являются свидетельством связи морального и правового в гражданском праве. Их наличие позволяет сформировать позитивное отношение к реализации норм гражданского права в массовом правовом сознании»².

¹ Яковлев В. Ф. О кодификации гражданского законодательства современной России // Основные проблемы частного права: сб. ст. / отв. ред. В. В. Витрянский и Е. А. Суханов. М.: Статут, 2010. С. 392–393.

² Кондратюк Д. Л. Нравственно-правовые принципы в гражданском праве России: на примере справедливости, гуманизма, разумности и добросовестности: дис. ... канд. юрид. наук. С. 7.

Однако, на наш взгляд, без четкого представления о соотношении смежных по содержанию нравственно-этических категорий и принципов гражданского права невозможно обеспечить последовательную, непротиворечивую практику правоприменения. Еще в рамках обсуждения Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации развернулась дискуссия вокруг актуальности рассмотрения в совокупности категорий доброй совести, справедливости, разумности, нравственности и злоупотребления правом, их значимости как нормативных регуляторов поведения индивида, причин и целесообразности их использования в гражданском праве России.

Исходя из вышесказанного, добросовестность, разумность, справедливость, злоупотребление правом надлежит рассматривать в первую очередь как правовые категории, поскольку с их помощью происходит познание правовых явлений, связанных с поведением участников гражданского оборота. Они являются инструментом научного познания этических представлений в гражданско-правовой материи, методологическим приемом познания объектов правовой действительности. Как справедливо отмечает А. С. Автономов, «определение категорий имеет огромное значение для любой науки, поскольку именно с их помощью осуществляется процесс познания законов существования и развития конкретной действительности»¹.

Аксиомой представляется то, что принцип добросовестности находится в тесной взаимосвязи с гражданско-правовыми категориями разумности и справедливости.

К. И. Скловский писал, что добрая совесть может означать осмотрительность, разумную осторожность, уважительное отношение к праву и контрагенту, исправное исполнение своих обязанностей². Если добросовестность можно определить как «стремление участника гражданского оборота максимально исключать возможность нарушения его поведением субъективных прав и законных интере-

¹ Автономов А. С. Системность категорий конституционного права : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. С.93.

² Скловский К. И. Собственность в гражданском праве. 4-е изд. М.: Статут, 2008. С. 777.

сов других лиц»¹, то под справедливостью понимаются господствующие в обществе представления о соответствии деяния и воздаяния (действует правило «Каждому по его заслугам»).

О. Е. Чорновол справедливо отмечает, что «гражданско-правовой эффект данных принципов в значительной мере зависит от эмпирического выбора законодателем их применения к тем или иным ситуациям, поэтому они сопротивляются единообразным обобщениям»². Сказанное применимо и к корпоративным правоотношениям коммерческих юридических лиц. Эффективность реализации принципа добросовестности, равно как и других оценочных принципов гражданского права, может выявляться в ракурсе как основных, так и производных корпоративных правоотношений и должна определяться не только применительно к участнику (члену) коммерческого юридического лица, но и применительно к его руководящему органу, а также в контексте заключения организацией сделок.

Приведем пример из зарубежной судебной практики, который демонстрирует торжество принципа доброй совести во благо справедливости. В первой половине XX в., в период социально-экономической катастрофы, суды Германии активно использовали концепцию доброй совести, отождествляя ее, по сути, с родственной категорией справедливости. В одном из решений Высшего суда Германии сказано: «Решение основано на великой концепции доброй совести, которая определяет наш правовой порядок и подтверждается тем, что, последовательно поддерживая идею равенства марки марке, мы бы совершили великую несправедливость, которая невозможна в правовом государстве (*Rechtstaat*)... концепция доброй совести выделяется из отдельных законов или конкретных положений позитивного права. Ни один правовой порядок, который заслуживает таковым именоваться, не может существовать без этого фундаментального принципа»³.

¹ Коновалов А. В. Принцип добросовестности в новой редакции Гражданского кодекса Российской Федерации и в судебной практике // Право. Журн. Высш. шк. экономики. 2016. № 4. С. 6.

² Чорновол О. Е. Обязательства по компенсации морального вреда в современном российском гражданском праве. Екатеринбург: Уральский ин-т – фил. РАНХиГС, 2012. С. 67.

³ Markesinis B. S. The German Law of Contract: A Comparative Treatise / B. S. Markesinis, H. Unberath, A. Johnston. 2nd ed. Portland: Hart Publishing, 2006. P. 330. Цит. по: Очхаев Т. Г. Изменение и расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 174–175.

Пример, демонстрирующий взаимосвязь справедливости, разумности и добросовестности, приводит В. А. Вайпан. Он утверждает, что «легальное понятие недобросовестной конкуренции в ст. 4 Федеральный закон [от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ „О защите конкуренции“] предполагает разного рода действия по получению преимуществ в сфере предпринимательской деятельности, не только противоречащие действующему законодательству, но и требованиям справедливости, которые наряду с обычаями делового оборота, требованиями добропорядочности, разумности лежат в основе добросовестной конкуренции. Соответственно, их нарушение способно причинить убытки конкурентам, равно как и прочим хозяйствующим субъектам, или нанести вред их деловой репутации, что будет противоречить принципу социальной справедливости»¹. Кроме того, ученый отмечает, что справедливость в гражданском праве – это «некий компромисс интересов отдельных людей, социальных групп», соответственно, нахождение такого компромисса и есть «сущность управления обществом»².

Безусловно, значительное влияние на реализацию рассматриваемого принципа вместе с тем, по справедливому замечанию М.В. Телюкиной, оказывает характер нормы права, в которой он закреплен³, еных оно . Значительное

Таким образом, справедливость – это правовая категория, которая объясняет сущность и предназначение всего права, при этом добросовестность призвана быть ключевым инструментом справедливости.

Тесная взаимосвязь категорий разумности, добросовестности и справедливости прослеживается в ряде положений ГК РФ, а именно в ст. 6 ГК РФ, касающейся аналогии права («При невозможности использования аналогии закона права и обязанности сторон определяются исходя из... требований добросовестности, разумности и справедливости»); в ст. 10 ГК РФ о пределах осуществления гражданских прав («Добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность

¹ Вайпан В. А. Теория справедливости: право и экономика: моногр. М.: Юстицинформ, 2017. С. 69–70.

² Там же.

³ См.: Телюкина М. В. Проблема соотношения принципа добросовестности и императивных норм законодательства (на примере определения ВС РФ от 09.12.19 Г. N 306-ЭС17-22275(2) // Современное право России: проблемы и перспективы: Материалы IV международной научно-практической конференции Москва, 05 декабря 2019 года: сборник статей. М. Издательство: Институт мировых цивилизаций, 2020. С. 462-469.

их действий предполагаются»); в ст. 53 ГК РФ, посвященной органам юридического лица («Лицо... должно действовать в интересах представляемого им юридического лица добросовестно и разумно»); в ст. 602 ГК РФ, устанавливающей критерии для определения размера содержания в рентных правоотношениях («...суд должен руководствоваться принципами добросовестности и разумности»).

«Нравственное и разумное тождественны», – гласит учение Г. В. Ф. Гегеля, о чем уже было упомянуто в предыдущем параграфе. Разумность в праве – рациональная категория, она способствует установлению юридически значимых обстоятельств. На наш взгляд, через разумность, в том числе, определяется и добросовестность.

Так, в силу подп. 2 п. 2 ст. 434.1 ГК РФ недобросовестными действиями при проведении переговоров являются, наряду с прочим, внезапное и неоправданное прекращение переговоров о заключении договора при таких обстоятельствах, при которых другая сторона переговоров не могла разумно этого ожидать. Законодательные новеллы, нашедшие отражение в норме ст. 434.1 ГК РФ, совпадают с отдельными положениями международных правовых актов, а именно со ст. 2.301 Принципов европейского контрактного права, где указано, что «сторона, которая вела преддоговорные переговоры и прервала их вопреки принципам доброй совести и честной деловой практики, отвечает за убытки, причиненные другой стороне»¹.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать вывод, что категория разумности выступает одним из критериев добросовестности. Сообразно этому добросовестное поведение субъектов гражданского оборота должно быть не только законным и согласованным с интересами иных лиц, но и разумным.

Однако в юридической литературе представлены точки зрения, согласно которым добросовестность есть совокупность внутренних субъективных представлений индивида о должном поведении, в то время как разумность есть категория рационального свойства. М. Н. Семякин рассматривает разумность, добросовест-

¹ Принципы европейского контрактного права (с изм. и доп. 1998 г.) // Международные коммерческие транзакции. Публикация ИСС №. 711. 4-е изд. / пер. с англ. под ред. Н. Г. Вилковой. М.: Инфотропик Медиа, 2011. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.07.2021).

ность и справедливость схематично – как пересекающиеся друг с другом сферы, не утрачивающие при этом своего автономного функционального предназначения в гражданских правоотношениях¹. Однако в рамках диссертационного исследования предлагается рассматривать добросовестность, разумность и справедливость как систему нравственно-этических категорий и принципов гражданского права, пусть и смежных, и взаимосвязанных, но самостоятельных и независимых.

Добросовестность – это не только субъективные представления участника гражданского оборота, но и объективные поведенческие стандарты, в которых требование о разумности видится одним из ключевых в определении критериев добросовестного поведения. Например, поведение руководителя коммерческой корпорации только тогда будет признано добросовестным, когда он будет принимать решения в пределах разумного предпринимательского риска².

Законодательный подход, в соответствии с которым разумность, добросовестность и справедливость представлены как единое целое, как некая триада, нашел отражение и в отечественной судебной практике. Из определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26 мая 2017 г. № 306-ЭС16-20056(6) по делу № А12-45751/2015 следует, что «при представлении доказательств аффилированности должника с участником процесса (в частности, с лицом, заявившим о включении требований в реестр, либо с ответчиком по требованию о признании сделки недействительной) на последнего переходит бремя по опровержению соответствующего обстоятельства. В частности, судом на такое лицо может быть возложена обязанность раскрыть разумные экономические мотивы совершения сделки либо мотивы поведения в процессе исполнения уже заключенного соглашения»³. В спорном случае «наличие внутригрупповых отношений и, как следствие, общности хозяйственных интересов имеет существенное значение для правильного разрешения спора в деле о банкротстве юридического

¹ Семякин М. Н. Основные тенденции современного реформирования гражданского законодательства РФ: промежуточные итоги, достоинства и недостатки. М.: Юрайт, 2021. С. 69.

² Черкасова, О. В. Соотношение принципа добросовестности со смежными принципами гражданского права / О. В. Черкасова // Актуальные проблемы частного права: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Е. П. Чорновол. – Екатеринбург: Изд-во УИУ (ф) РАНХиГС, 2019. – Вып. 10. – С. 23–30.

³ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26 мая 2017 г. № 306-ЭС16-20056(6) по делу № А12-45751/2015 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.07.2021).

лица, поскольку установление подобного факта позволяет дать надлежащую оценку добросовестности действий как кредитора, заявившего о включении своих требований в реестр, так и должника, обязанность которого при нормальном функционировании гражданского оборота состояла в своевременном внесении арендных платежей»¹. Данный судебный акт демонстрирует, что отсутствие «разумных экономических мотивов» будет характеризовать кредитора или должника в деле о банкротстве как недобросовестного, а наличие таких мотивов – как добросовестного.

В определении Верховного Суда РФ от 29 июля 2008 г. № 21-В08-6 справедливость прямо названа принципом права². Пункт 6 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» гласит, что «размер подлежащих возмещению убытков определяется судом с учетом всех обстоятельств дела, исходя из принципа справедливости и соразмерности ответственности»³. В п. 2 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2003 г. № 6-П указано, что «в силу ч. 3 ст. 17, ч. 1 и ч. 2 ст. 19 ч. 1 и ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации и исходя из общеправового принципа справедливости защита права собственности и иных вещных прав, а также прав и обязанностей сторон в договоре должна осуществляться на основе соразмерности и пропорциональности с тем, чтобы был обеспечен баланс прав и законных интересов всех участников гражданского оборота – собственников, сторон в договоре, третьих лиц»⁴.

Таким образом, сравнительный анализ нормативно-правовых положений и практики судебных органов показывает безусловный оценочный характер принципов добросовестности, разумности и справедливости, однако это вовсе не свидетель-

¹ Там же.

² Определение Верховного Суда РФ от 29 июля 2008 г. № 21-В08-6 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.07.2021).

³ О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 г. № 62 // Вестн. ВАС РФ. 2013. № 10.

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2003 г. № 6-П по делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О. М. Мариничевой, А. В. Немировской, З. А. Скляновой, Р. М. Скляновой и В. М. Ширяева // Рос. газ. 2003. 26 апр.

ствуется об их равенстве и тем более тождественности. У каждой категории – свое содержание, имеющее конкретное функциональное предназначение для регулирования гражданского оборота.

Разумность можно определить, как гражданско-правовую категорию, которая определяет объективные волевые предпосылки для реализации всех гражданско-правовых институтов и может выполнять роль самостоятельного правового принципа. Справедливость в отсутствие норм прямого действия выступает, согласно п. 2 ст. 6 ГК РФ, главным основанием оценки действий субъектов и в судебной практике признается принципом гражданско-правового регулирования. Безусловно, по этой причине категории разумности и справедливости заслуживают быть самостоятельными принципами гражданского права, закрепленными наряду с иными его основными началами в ст. 1 ГК РФ¹.

Таким образом, исходя из системного понимания добросовестности, разумности и справедливости, предлагается дополнить ст. 1 ГК РФ нормами прямого действия, закрепляющими категории справедливости и разумности в качестве основных отраслевых принципов. Для этого необходимо:

а) п. 3 ст. 1 ГК РФ изложить в следующей редакции: **«При установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно и разумно, с учетом особенностей конкретных субъективных прав и обязанностей»;**

б) ст. 1 ГК РФ дополнить пунктом 6 следующего содержания: **«Для достижения справедливого компромисса интересов отдельных субъектов гражданских правоотношений при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений признаются равноправными».**

Соотношение категорий добросовестности и недопущения злоупотребления правом – вопрос, который представляется актуальным и, вместе с тем, дискусси-

¹ Коновалов А. В. Понятие справедливости в гражданском праве // Lex Russica. 2019. № 8; Виниченко Ю. В. Разумность и справедливость как принципы гражданского права и начала функционирования системы гражданского оборота // Вестн. Перм. ун-та. Юрид. науки. 2014. № 3.

онным. В связи с закреплением принципа добросовестности как общего начала гражданского права ст. 10 ГК РФ претерпела некоторые изменения: пределы осуществления гражданских прав были существенно конкретизированы, а запретные действия расширены до обхода закона с противоправной целью как формы злоупотребления правом. Безусловно, обновленные законодательные положения о злоупотреблении правом тесно переплетены с установленным в ст. 1 ГК РФ принципом добросовестности. Однако, как справедливо отмечает А. В. Волков, соотношение этих двух ключевых принципов гражданского права совершенно не изучено¹.

Положения о добросовестности как о пределе осуществления гражданских прав по-прежнему остались в ст. 10 ГК РФ, несмотря на включение указаний о нем в пп. 3 и 4 ст. 1 ГК РФ. В п. 1 ст. 10 ГК РФ установлено, что не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом). При этом в п. 5 указанной статьи определено, что добросовестность участников гражданских правоотношений и разумность их действий предполагаются. В связи с чем, в современной науке гражданского права принято говорить о презумпции добросовестности и разумности участников гражданского оборота.

В комментарии к ст. 1.7 Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА 2010 г.² указывается, что для злоупотребления правом характерно «злонамеренное поведение стороны, которое имеет место, например, когда сторона использует свое право только для того, чтобы причинить ущерб другой стороне, или с целью иной, чем та, для которой это право было предоставлено, или когда использование права несоизмеримо с первоначально предполагавшимся результатом»³.

¹ Волков А. В. Соотношение принципа добросовестности и принципа недопустимости злоупотребления правом // Юрист. 2013. № 8. С. 37.

² Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2010 / пер. с англ. С. А. Комарова. М.: Статут, 2013. С. 450–552.

³ Там же. С. 20.

Н. В. Рабинович подчеркивала, что при злонамеренном соглашении порок сделки определяется не только расхождением между волей представляемого и волеизъявлением представителя, но и злонамеренным сговором представителя с контрагентом по сделке и, на основе этого сговора, нарушением интересов представляемого; «это умышленное, намеренное злоупотребление доверием»¹. Так, под данное описание подходит многократно обсуждаемая в арбитражной практике² ситуация, смоделированная ч. 2 ст. 174 ГК РФ, согласно которой сделка, совершенная представителем юридического лица, в том числе его единоличным или коллегиальным исполнительным органом, может быть признана недействительной ввиду намеренного злоупотребления, когда руководитель юридического лица знал или должен был знать о явном ущербе либо находился в сговоре с другой стороной сделки, что нанесло ущерб организации.

На наш взгляд, «злонамеренность» – подходящее слово для характеристики недобросовестного поведения субъекта гражданского оборота, достаточно точно определяющее его через такие понятия, как «зло» и «намерение» (последнее близко по значению к понятиям воли и волеизъявления).

Отдельные ученые полагают, что категорию вины в гражданском праве следует использовать в том значении, в котором она фигурирует в уголовном праве; при этом добросовестным нужно признать лицо, в действиях которого отсутствует умысел на причинение вреда, а также легкомыслие и небрежность³. Не соглашаясь с данной точкой зрения, С. В. Михайлов пишет, что такое решение не будет отвечать особенностям и потребностям гражданского оборота, где ориентиром служат именно внешние проявления воли его участников⁴. На наш взгляд, вина – это одно из оснований для признания действия субъекта гражданского правоотношения в качестве противоправного. Ставить знак равенства между недобросо-

¹ Рабинович Н. В. Недействительность сделок и ее последствия. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1960. С. 93.

² Перечень позиций высших судов к ст. 174 ГК РФ «Последствия нарушения представителем или органом юридического лица условий осуществления полномочий либо интересов представляемого или интересов юридического лица» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.07.2021).

³ Емельянов В. И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. М.: Лекс-Книга, 2002. С. 91.

⁴ Михайлов С. Принцип добросовестности в договорных отношениях // Хоз-во и право. 2004. № 4. С. 88–89.

вестным и противоправным действием не представляется возможным, потому как это приведет к размыванию понятий.

В юридической доктрине существует авторитетное мнение по вопросу толкования злоупотребления как правонарушения. В. М. Корельский и В. Д. Перевалов считают, что понимание злоупотребления правом в качестве правонарушения не вполне адекватно отражает его содержание¹. Правонарушение – это виновное противоправное общественно вредное деяние. Однако, злоупотребляя правом, субъект действует в рамках предоставленного ему субъективного права, противоправность как основной юридический признак здесь отсутствует. Причем злоупотребление по смыслу ст. 10 ГК РФ не связано с нарушением конкретных запретов, невыполнением обязанностей, что характерно для правонарушения. «Отрицание противоправности злоупотребления правом, – как отмечают указанные авторы, – не дает оснований и для характеристики его как поведения правомерного, ибо последнее всегда социально полезно»². Учитывая данный парадокс, злоупотребление правом следует рассматривать как самостоятельный вид правового поведения, которое, согласно п. 2 ст. 10 ГК РФ, может повлечь неблагоприятные последствия в виде утраты права на судебную защиту или в виде дополнительного обстоятельства, которое должно учитываться при возмещении убытков.

Возможно ли говорить о тождестве принципов добросовестности и недопущения злоупотребления правом? Вопрос неоднозначный. В.Ф. Антонов, рассматривая понятия добросовестности и недобросовестности в договорном праве, приходит к выводу, что «добросовестность проявляется в обязанности должника руководствоваться подразумеваемыми условиями гражданского оборота и соответствующими нравственными представлениями», а недобросовестность – это когда должник «злоупотребляет отношениями личного доверия, возникающими в процессе исполнения договорного обязательства»³.

¹ Корельский В. М., Перевалов В. Д. Теория права и государства. М.: Инфра-М, 1997. С. 414.

² Там же. С. 415.

³ Антонов В. Ф. Принцип добросовестности в современном гражданском праве: теоретический аспект // Законодательство и экономика. 2016. № 1. С. 20–26.

На наш взгляд, мы имеем дело все же с двумя равнозначными категориями и принципами гражданского права, поскольку и добросовестность, и недопущение злоупотребления правом устанавливают пределы поведения сторон гражданских правоотношений, это законы для законов, которые способствуют восполнению пробелов в праве, принимая на себя роль резервных правил.

Полагаем, что с точки зрения содержания злоупотребление правом правильно рассматривать как противоположное добросовестности понятие, т. е. как недобросовестность. Для понимания юридической природы последней необходимо иметь четкое представление о критериях добросовестного поведения. Таким образом, недопущение злоупотребления правом – это гражданско-правовая категория, возведенная в принцип гражданского права, согласно которому участники гражданского оборота обязаны действовать в пределах добросовестного поведения.

Наиболее социально опасной формой злоупотребления правом является, как отмечалось выше, обход закона с противоправной целью – оценочное понятие, новое для гражданского законодательства, но давно известное правоприменительной практике. В соответствии с п. 3 ст. 10 ГК РФ к действиям, направленным на обход закона с противоправной целью, теперь должны применяться те же последствия, что и при злоупотреблении правом, если иное не указано в ГК РФ.

По мнению В. П. Камышанского, «введение понятия „обход закона“ в текст ГК РФ в силу его неопределенности нельзя рассматривать на современном этапе развития российского общества как благо, как успех законодателя. Понятие „обход закона“, в отличие от значительной части других понятий гражданского права, обладает весьма смутным содержанием, лишенным ясных представлений о его юридической конструкции»¹.

Анализ судебной практики показывает², что на протяжении достаточно длительного периода времени суды, не имея надлежащей нормативно-правовой базы

¹ Камышанский В. П. Категория «обход закона» в российском гражданском праве // Науч. журн. КубГАУ. 2014. № 101 (07). С. 5. URL: <http://ej.kubagro.ru/2014/07/pdf/120.pdf> (дата обращения: 06.05.2021).

² См., например: определения Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 января 2009 г. № 8207/08 по делу № А40-48536/07-53-426; от 10 августа 2010 г. № ВАС-7580/10 по делу № А50-2691/2009; от 12 августа 2010 г. № ВАС-10044/10 по делу № А40-1345/09-73-2Б // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.08.2021); постановления Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 29 ноября 2005 г. № Ф08-5602/2005 по делу №

относительно категории «обхода закона», фактически вели борьбу с обходом законодательных требований. В целях пресечения действий, направленных на обход закона, они применяли ст. 10 ГК РФ, тем самым признавая подобные действия злоупотреблением правом, отказывая в защите субъективных прав.

Действия в обход закона с противоправной целью чаще встречаются при совершении хозяйствующими субъектами крупных сделок и сделок с заинтересованностью¹. Вместе с тем нельзя не отметить, что наличие противоправной цели является обязательным юридическим фактом, без которого неблагоприятные правовые последствия для недобросовестного лица не наступят. Уже имеющаяся в ГК РФ ст. 169 о признании недействительными сделок, не соответствующих закону, вполне обеспечивала практические запросы. Однако понимание сущности данной категории сегодня направлено на стимулирование добросовестного поведения участников гражданского оборота. Вопросу применения категории «обход закона с противоправной целью» в сделках с заинтересованностью будет уделено внимание во второй главе диссертационного исследования. Здесь же еще раз подчеркнем, что, исходя из толкования п. 1 ст. 10 ГК РФ и судебной практики, обход закона с противоправной целью представляется правильным рассматривать как разновидность злоупотребления правом, а значит, как разновидность недобросовестного поведения участников гражданского оборота.

Конституционный Суд РФ, уделяя особое внимание принципу добросовестности и недопущению недобросовестной реализации участниками правоотношений своих прав, неоднократно подчеркивал взаимосвязь оценочных категорий «злоупотребление правом», «добросовестность» и «разумность» с иными оценочными понятиями, такими как «надлежащая заботливость» и «разумная осмотрительность» участников гражданского оборота². Очевидно, тем самым Суд обра-

А63-546/2005-С2; от 6 мая 2004 г. № Ф08-1625/04 по делу № А63-1448/03-С2 // Электронное правосудие. Карточка арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 01.08.2021).

¹ См., например: постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 22 декабря 2015 г. № Ф02-5641/2015 по делу № А10-809/2015; постановление Арбитражного суда Московского округа от 14 марта 2018 г. № Ф05-2119/2018 по делу № А41-14909/17; постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 15 декабря 2017 г. № Ф08-8643/2017 по делу № А61-635/2017 // Электронное правосудие. Карточка арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 01.08.2021).

² Постановление Конституционного Суда РФ от 24 марта 2015 г. № 5-П по делу о проверке конституционности статьи 19 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» в связи с жа-

щает внимание на важность не только разграничения и надлежащего толкования нравственных категорий в праве, но и их правильного использования в неразрывной связи друг с другом. Именно такой вывод нашел отражение в постановлении от 22 апреля 2013 г. № 8-П, в котором Конституционный Суд РФ определяет злоупотребление правом через связь с принципами равенства и соразмерности, используя такие категории, как «чрезмерность», «необходимость», «значимость», «ценность»¹.

При определении содержания принципа добросовестности нельзя не обратиться к практике международных судов, в частности Европейского Суда по правам человека (далее – ЕСПЧ). Конституционный Суд РФ по этому поводу озвучил следующую позицию: «...только диалог между различными правовыми системами является основой их надлежащего равновесия»². Однако, как показывает практика, диалог российского и международного права не всегда удается выстроить. Что демонстрирует следующий пример.

В деле «ОАО Нефтяная компания „ЮКОС“ против России» (жалоба № 14902/04)³ ЕСПЧ, по сути, не согласился с Конституционным Судом РФ по вопросу о толковании и применении национальным судом правового принципа недопущения злоупотребления правом. С одной стороны, ЕСПЧ поддержал доводы о недобросовестности компании «ЮКОС» и принял во внимание вывод россий-

любой гражданина А. М. Богатырева // Собр. законодательства РФ. 2015. № 14. Ст. 2197.

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 22 апреля 2013 г. № 8-П по делу о проверке конституционности статей 3, 4, пункта 1 части первой статьи 134, статьи 220, части первой статьи 259, части второй статьи 333 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, подпункта «з» пункта 9 статьи 30, пункта 10 статьи 75, пунктов 2 и 3 статьи 77 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», частей 4 и 5 статьи 92 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с жалобами граждан А. В. Андропова, О. О. Андроновой, О. Б. Белова и других, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и регионального отделения политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ в Воронежской области // Вестн. Конституционного Суда РФ. 2013. № 5.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П по делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы // Собр. законодательства РФ. 2015. № 30. Ст. 4658.

³ Постановление Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 г. по делу «ОАО Нефтяная компания „ЮКОС“ против России» (OAO Neftyanaya Kompaniya Yukos v. Russia) (жалоба № 14902/04) // Бюл. Европейского Суда по правам человека. 2014. № 11.

ских судов об использовании компанией-ответчиком различных схем ухода от уплаты налогов с целью незаконного извлечения дохода, а также вывод о том, что компания активно препятствовала проведению соответствующих налоговых проверок. С другой стороны, по мнению ЕСПЧ, вопреки толкованию, предложенному Конституционным Судом РФ, отечественное законодательство не отличалось ясностью, оно не позволяло юристам и руководству компании разумно предвидеть возможность продления трехлетнего срока давности привлечения к налоговой ответственности даже в ситуации, когда налогоплательщик умышленно затягивал срок проведения проверки, т. е. действовал недобросовестно и злоупотреблял своим правом на защиту. В итоге ЕСПЧ, по-своему истолковав положения российского законодательства, пришел к выводу, что была нарушена ст. 1 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

При этом нельзя не отметить, что Постоянная палата третейского суда в Гааге присудила акционерам компании «ЮКОС» в совокупности большие суммы компенсаций. Сложилась ситуация, при которой акционеры получили двойное возмещение за одно и то же нарушение. ЕСПЧ не учел также, что в странах континентальной правовой системы в случае банкротства возможность получения компенсации акционерами возникает только после удовлетворения всех требований кредиторов. В данном деле задолженность перед различными кредиторами составляла значительные суммы¹.

Представляется, что взаимодействие ЕСПЧ и национальной судебной системы России по вопросам выявления и пресечения злоупотреблений правом должно базироваться на единых подходах с учетом унифицированных критериев нравственно-этического содержания, к которым смело можно отнести осмотрительность, заботливость, явную очевидность, намерение и стремление добиваться устойчивого и успешного развития общества, уважение к другим участникам экономического пространства и др.

Резюмируя изложенное, можно сделать следующие выводы.

¹ Малан А. Неожиданный аспект дела ЮКОСа: статус федеральных государственных унитарных предприятий Российской Федерации в судах Французской Республики // Российская хроника Европейского Суда. 2019. № 4. С. 134–138.

1. Принципы гражданского права – это закрепленные в нормах права основополагающие начала, отражающие объективные закономерности становления и развития нормативно-правовой основы и регулирования отношений, составляющих предмет гражданского права, в соответствии с политическими, экономическими и социальными условиями жизнедеятельности российского общества.

2. Одной из приоритетных задач доктрины гражданского права является определение точных критериев разграничения смежных категорий добросовестности, разумности, справедливости и злоупотребления правом.

3. Российская Федерация должна искать пути взаимодействия с международными судебными органами в целях гармонизации правоприменения российского гражданского права и приведения российского гражданского права в соответствие с международными стандартами, а международным судебным органам следует учитывать самобытность российского правового порядка. С учетом этого Конституционному Суду РФ необходимо выработать правовую позицию о реализации в практике российских судебных органов принципов добросовестности, разумности, справедливости и недопущения злоупотребления правом.

1.3. Юридическая природа корпоративных правоотношений и особенности реализации принципа добросовестности в корпоративных правоотношениях коммерческих юридических лиц

Традиционно юридическая природа корпоративных правоотношений определяется исходя из понятия корпорации, которое в отдельные исторические периоды по-разному толковалось в доктрине права.

Как свидетельствует отечественная цивилистическая доктрина дореволюционного периода, отчасти созвучная с концепцией германского частного права, «корпорация» – это родовое понятие по отношению к группе юридических лиц, подразделяемых на два вида: публичные и частные корпорации¹. Как отмечал Г. Ф. Шершеневич, акционерные предприятия в России создавались по образцу голландских, датских и шведских компаний².

По сути, Россия перенимала опыт западноевропейских стран, связанный с деятельностью акционерных компаний. В Российской империи большой популярностью пользовались работы К. Гарейса, в которых было подробно описано германское торговое законодательство³. Вместе с тем значительный вклад в развитие доктрины корпоративного права внесли русские правоведы, в частности П. А. Писемский⁴ и А. Тютрюмов⁵.

В советское время, как отмечает Е. А. Суханов, существовали только две формы корпораций: кооперативы (производственные и потребительские) и общественные организации (профессиональные и творческие союзы и т. п.). При этом, как указывает автор, они, за исключением сельскохозяйственных производственных кооперативов (колхозов), не имели существенного экономического значения. Их статус входил в предмет такой специфической отрасли права, как колхозное право. С экономической точки зрения он во многом совпадал со статусом госу-

¹ Могилевский С. Д., Самойлов И. А. Корпорации в России. Правовой статус и основы деятельности. М.: Дело, 2006. С. 13, 14.

² Шершеневич Г. Ф. О юридической силе уставов акционерных товариществ // Журн. граждан. и уголов. права. 1889. № 3. С. 119–130.

³ Гарейс К. Германское торговое право. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1893.

⁴ Писемский П. А. Акционерные компании с точки зрения гражданского права. М.: Тип. Грачева и К°, 1876. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003544763> (дата обращения: 01.11.2020).

⁵ Тютрюмов А. Товарищества на вере по русскому и иностранному торговому праву // Журн. граждан. и уголов. права. 1881. Кн. 3. С. 85–116.

дарственных предприятий¹, юридический статус которых подробно осветил А. В. Венедиктов. С его точки зрения, в России создавались монополистические по своей сущности объединения; эта позиция нашла отражение в его работах, посвященных государственному акционерному обществу, или юридическому лицу административного права².

Впервые термин «корпорация» в российском законодательстве современного периода был закреплен Федеральным законом от 8 июля 1999 г. № 140-ФЗ «О внесении дополнения в Федеральный закон „О некоммерческих организациях“»³, когда была введена новая организационно-правовая форма некоммерческой организации – государственная корпорация. То есть изначально под корпорацией понималось юридическое лицо, создаваемое в публичных целях⁴.

На сегодняшний день в гражданском законодательстве представлено многообразие форм как коммерческих, так и некоммерческих корпоративных образований (общества с ограниченной ответственностью, акционерные общества, ассоциации и союзы, некоммерческие партнерства и др.), но, несмотря на это, с точки зрения экономической действительности внимание привлекают, прежде всего, различного рода предпринимательские объединения. Очевидно, поэтому В. А. Белов придерживается мнения, что к корпорациям могут относиться только хозяйственные товарищества и общества⁵.

А. В. Яковлев, определяя корпорацию с точки зрения управления, видит в ней «группу юридических лиц, объединивших свои капиталы в составе холдинга, который отвечает за стратегическое развитие аффилированных лиц и осуществляет коммерческую деятельность»⁶.

¹ Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. С. 40.

² Венедиктов А. В. Картели и синдикаты // Вестн. граждан. права. 1915. № 4–5. С. 117–145.

³ О внесении дополнения в Федеральный закон «О некоммерческих организациях»: Федеральный закон от 8 июля 1999 г. № 140-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 1999. № 28. Ст. 3473.

⁴ Следует согласиться с В.А. Болдыревым о том, что «Государственная корпорация – спорная альтернатива унитарному предприятию, а решение о введении данной конструкции в отечественное право недостаточно органично вписывается в отечественное законодательство с точки зрения построения системы юридических лиц, их классификации, существования организационно-правовой формы акционерного общества (континентального европейского аналога корпорации)» (Болдырев В.А. Хозяйственные общества и государственные корпорации в системе субъектов гражданского права // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2014. № 4 (41). С. 144).

⁵ Степанов Д. И. Новые положения Гражданского кодекса о юридических лицах // Закон. 2014. № 7. С. 31–55.

⁶ Яковлев А. В. Корпорация, корпоративное образование и их особенности // Изв. высш. учеб. заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2009. № 4. С. 106–111.

Вместе с тем представляется, что говорить об абсолютном преобладании среди корпораций хозяйственных товариществ и обществ не совсем корректно. Такой подход противоречит положениям абз. 1 ст. 65.1 ГК РФ, согласно которому кроме хозяйственных товариществ и обществ к корпорациям относится ряд некоммерческих организаций, а также крестьянские (фермерские) хозяйства, хозяйственные партнерства, производственные и потребительские кооперативы, общественные организации и др.¹

Данное в п. 1 ст. 65.1 ГК РФ определение корпоративного юридического лица широко распространено в странах общего права. Деление юридических лиц на корпоративные и унитарные получило широкое распространение в континентальном праве, в том числе в праве стран СНГ. Ю. Г. Басин еще в 1999 г. писал: «В зависимости от характера прав учредителя на имущество образованных им юридических лиц, как предусматривает ст. 36 ГК РФ, последние могут быть разделены на учреждаемые и самоучреждающиеся (за рубежом можно встретить деление на учреждения и корпорации). К первому виду относятся юридические лица, собственником имущества которых остается учредитель»².

Следует отметить, что современное российское корпоративное право, развивающееся по модели континентальной правовой системы, своими истоками восходит к началам отдельных национальных правопорядков государств-членов Европейского союза, в первую очередь Германии и Франции. Е. А. Суханов пишет: «Возвращение на традиционные пути законодательного развития, включая и сферу корпоративных отношений, должно осуществляться, прежде всего, с учетом опыта высокоразвитых европейских континентальных правопорядков, а не достаточно чужеродного (хотя и активно навязываемого, в том числе со стороны авторитетных институтов публичной власти) опыта англо-американского права»³.

¹ Черкасова О. В. Юридическая природа корпоративных отношений в доктрине гражданского права / О. В. Черкасова // Актуальные проблемы частного права: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Е. П. Чорновол. – Екатеринбург: Изд-во УИУ (ф) РАНХиГС, 2017. – Вып. 9. – С. 17–22.

² Басин Ю. Г. Юридические лица по гражданскому законодательству Республики Казахстан: учеб. пособие. 2-е изд. Алматы: ВШП Адилет, 2000. С. 26.

³ Суханов Е. А. Очерк сравнительного корпоративного права // Проблемы развития частного права. М.: Статут, 2011. С. 161.

Вместе с тем, с точки зрения И. С. Шиткиной, «совмещение систем континентального и англосаксонского права – характерное явление для большинства зарубежных правовых порядков: законодательство стран традиционно континентального права воспринимает отдельные модели общего права»¹. С подобным утверждением нельзя не согласиться, поскольку в России, с одной стороны, имеет место свобода договорного регулирования в акционерных соглашениях, а с другой – в отдельных случаях корпоративные правоотношения регламентируются специальными законами, что характерно для англосаксонского права (например, Закон о компаниях Великобритании 2006 г.²). Тем не менее, обращает на себя внимание отсутствие в России дуализма частного права, что свойственно англо-американской правовой системе. Экономическая интеграция, создание транснациональных корпораций служат отправной точкой для смешения и обоюдного проникновения континентальной и англосаксонской систем в относительно молодое российское гражданское право, формирующееся в условиях становления в стране рыночной экономики.

Вышеназванные факторы послужили предпосылками для формирования различных доктринальных подходов, по-разному объясняющих юридическую природу корпоративных правоотношений.

В. П. Степанов отмечал, что в основе корпоративных правоотношений лежат экономические отношения коллективной собственности, т. е. отношения по присвоению материальных благ коллективом³. По мнению В. Ф. Яковлева, корпоративные правоотношения – это часть общественных связей в сфере экономики. Отношения собственности являются главным содержанием экономической жизни, и именно в них «рождаются» основы корпоративных отношений⁴. Между тем Е. С. Антонова придерживается мнения, что современной действительности в

¹ Корпоративное право: учеб. / А. В. Габов, Е. П. Губин, С. А. Карелина и др.; отв. ред. И. С. Шиткина. М.: Статут, 2019. С.54.

² United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland Companies Act 2006 // The National Archives. URL: <http://legislation.gov.uk> (дата обращения: 20.01.2019).

³ Степанов В. П. Корпоративные отношения в коммерческих организациях как составная часть предмета гражданского права: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1999. С. 28.

⁴ Яковлев В. Ф. Россия: экономика, гражданское право (вопросы теории и практики). С. 24.

наибольшей степени соответствует определение корпорации и корпоративных правоотношений с акцентом именно на объединение капиталов¹.

В п. 1 ст. 2 ГК РФ указано, что корпоративными называются «отношения, связанные с участием в корпорациях или управлением ими». Общие положения данной нормы были расширены ст. 65.1 ГК РФ, устанавливающей, что «юридические лица, учредители (участники) которых обладают правом участия (членства) в них и формируют их высший орган в соответствии с п. 1 ст. 65.3 настоящего Кодекса, являются корпоративными юридическими лицами (корпорациями)». Данный тезис представляется обоснованным, поскольку соответствует предписанию ст. 2 ГК РФ и отвечает юридической сущности корпоративных правоотношений, заключающихся в правовой систематизации и упорядочении связей внутри коммерческой организации. Упорядочение структурных связей еще до создания корпорации обеспечивается посредством заключения корпоративных договоров, решений и уставов. Между тем объединение капитала – это лишь одна из целей создания коммерческой организации, что обуславливает формирование вертикальной структуры корпоративных правоотношений.

В. А. Белов дает следующую дефиницию корпоративных отношений: это «общественные отношения, направленные на организацию и осуществление деятельности по совместному достижению общей цели – союзной или корпоративной деятельности»².

Безусловно, корпоративные отношения не укладываются в рамки традиционной классификации отношений, составляющих предмет гражданского права, в силу своего комплексного характера.

Вместе с тем, нельзя не обратить внимания на замечания В.А. Болдырева о том, что «термины "корпоративное право", "корпоративные правоотношения" были выбраны не совсем удачно для обозначения больших (по содержанию) феноменов правовой действительности, связанных с юридическими лицами как таковыми (а не корпорациями). В дальнейшем проявилась обратная связь: сам термин

¹ Антонова Е. С. Понятие, содержание и особенности корпоративных прав // Юрид. мир. 2000. № 11. С. 24.

² Корпоративное право. Актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. М.: Юрайт, 2009. С. 21–22.

стал задавать направление анализа явления. В итоге границы научного исследования оказались зауженными. Исследованию организационных отношений с участием унитарных организаций (в том числе юридических лиц - несобственников) стало уделяться меньшее внимание, в результате чего потеряна целостность научного осмысления конструкции юридического лица как таковой»¹. Можно полагать, подобная ситуация в данном случае сложилась, как отмечают А.В. Попова и С.А. Комаров, вследствие дискуссионности ученых относительно категорий права и законодательства и их соотношения².

Тем не менее, исходя из позиции законодателя, внутри автономной группы корпоративных правоотношений можно выделить несколько их разновидностей. Д. В. Ломакин утверждает, что необходимы ясные критерии классификации корпоративных правоотношений; в противном случае научная ценность этого понятия будет поставлена под сомнение³.

В. В. Долинская приводит следующую классификацию: внутренние акционерные правоотношения – между самим обществом как юридическим лицом, органами акционерного общества, акционерами; внешние акционерные правоотношения – между акционерным обществом и акционерами⁴. Отсюда следует, что В. В. Долинская органы акционерного общества позиционирует в качестве субъектов акционерного правоотношения.

Аналогичного мнения придерживается М. А. Рожкова, которая под корпоративными правоотношениями понимает «урегулированную нормами права юридическую связь членов корпорации и (или) создаваемых ими органов корпорации, которая выражается в наличии субъективных прав и обязанностей, возникающих при управлении и ведении дел корпорации»⁵. Тем самым, по мнению ученого, ор-

¹ Болдырев В.А. Корпоративные отношения и корпоративные споры // Юрист. 2013. № 16. С. 33.

² См.: Попова А.В., Комаров С.А. Соотношение системы законодательства и системы права // Отрасли законодательства и отрасли права РФ: общетеоретически, межотраслевой, отраслевой и историко-правовой аспекты. Монография / отв. ред. Р.Л. Хачатуров. М.: Издательство "Юрлитинформ", 2017. С. 138-155.

³ Ломакин Д. В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах. С. 123–130.

⁴ Долинская В. В. Общее собрание акционеров: монография. М.: Норма : Инфра-М, 2016. С.54.

⁵ Рожкова М. А. Корпоративные отношения и возникающие из них споры // Вестн. ВАС РФ. 2005. № 9. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.07.2021).

ганы корпорации – ревизионные комиссии, советы директоров, единоличный исполнительный орган – наделяются статусом субъекта правоотношения.

Интересным представляется тезис Д. В. Ломакина, обосновывающий деление корпоративных правоотношений на основные и производные: «Категория „корпоративное правоотношение“ является собирательной и охватывает два вида правоотношений: правоотношения участия (членства), опосредующие имущественное и неимущественное участие в деятельности корпорации ее участников (членов), которые являются основными, и производные от них – зависимые правоотношения. Для возникновения зависимых правоотношений, помимо наличия основного правоотношения, требуются дополнительные юридические факты, которыми, как правило, являются акты органов управления корпорации. В отличие от зависимых корпоративных правоотношений правоотношение участия (членства) возникает в момент приобретения лицом статуса участника (члена) корпорации, никакие дополнительные юридические факты при этом не требуются»¹.

М. Н. Семякин включение корпоративных отношений в предмет гражданского права называет положительным явлением; вместе с тем он отмечает, что «в ст. 2 ГК РФ в формуле, характеризующей корпоративные отношения, правильным было бы вместо разделительного союза „или“ употребить соединительный союз „и“... если лицо привлечено в корпорацию исключительно в качестве „управленца“, когда оно не является учредителем (участником) корпорации, то такое лицо не может быть субъектом корпоративного отношения»².

Одним из критериев классификации корпоративных правоотношений, с нашей точки зрения, можно назвать правовое положение участников и единоличного исполнительного органа корпораций; причем названные субъекты необязательно совпадают. Корпоративные правоотношения могут складываться, например, между органами корпорации, между участниками корпорации и ее органами. Вместе с тем нельзя не согласиться с мнением О. В. Гутникова о том, что «органы не способны нести какую-либо гражданско-правовую ответственность, поскольку

¹ Ломакин Д. В. Эволюция системы юридических лиц в постсоветской России // Предпринимательское право: современный взгляд: моногр. / отв. ред. С. А. Карелина, П. Г. Лахно, И. С. Шиткина. М.: Юстицинформ, 2019. С. 65. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.01.2022).

² Семякин М. Н. Основные тенденции современного реформирования гражданского законодательства РФ. С. 70.

не обладают имущественной обособленностью. Такую ответственность могут нести физические лица – члены органов управления юридического лица, а также лица, осуществляющие управление юридическим лицом по договору с ним (управляющая организация, управляющий) либо в силу фактических обстоятельств»¹. Обширная судебная практика является свидетельством того, что спорные, трудноразрешимые ситуации все чаще связаны со злоупотреблениями со стороны мажоритарных и миноритарных акционеров, недобросовестным и неразумным поведением директора (бывшего директора) коммерческой корпорации, что порождает многочисленные корпоративные конфликты. В связи с чем в диссертации внимание будет сосредоточено на названных лицах. Хотя в некоторых случаях (но значительно реже) арбитражные суды констатируют злоупотребление правом со стороны члена совета директоров, поведением которого, например, создавалась невозможность принятия решения в силу неучастия его в заседании².

Кроме того, разделяя позицию Д. В. Ломакина, В. В. Долинской, М. А. Рожковой о юридической природе корпоративных правоотношений и руководствуясь практическим подходом, в рамках настоящего диссертационного исследования полагаем обоснованным рассматривать принцип добросовестности в широком (собирательном) смысле, т. е. в ракурсе как основных, так и производных корпоративных правоотношений. В связи с чем в настоящем исследовании проведен анализ реализации принципа добросовестности не только применительно к участнику (члену) коммерческого юридического лица, но и применительно к его единоличному исполнительному органу, а также в контексте заключения сделок и их оспаривания по корпоративным основаниям. На основе этого анализа предложен неисчерпывающий перечень видов злоупотреблений со стороны недобросовестного контрагента. Такой расширительный подход в наибольшей степени отвечает запросам правоприменительной практики³.

¹ Гутников О. В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: монография. М.: ИЗиСП : Контракт, 2019. С. 70.

² Фогельсон Ю. Б. Принцип добросовестности в российской судебной практике // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 9. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 04.01.2022).

³ Черкасова О. В. Правовой статус субъектов корпоративных отношений: доктринальные и правоприменительные аспекты // Арбитраж. и граждан. процесс. 2021. № 2. С. 3–7.

В процессе реформирования российской экономики в последнее десятилетие XX в. большие надежды возлагались на переход к акционерной форме собственности и либерализации торговли, где принцип добросовестности для корпоративных правоотношений стал приобретать немаловажное, а порой ключевое значение.

Примечательно, что в корпоративном праве принцип добросовестности появился задолго до внесения Федеральным законом от 30 декабря 2012 г. № 302 изменений в подп. 3–4 ст. 1, п. 5 ст. 10 ГК РФ, которые возвели принцип добросовестности в ранг общих начал гражданского права. Изначально добросовестность применительно к таким субъектам гражданского правоотношения, как юридические лица, была закреплена в п. 3 ст. 53 ГК РФ, согласно которому «лицо, которое в силу закона или учредительных документов юридического лица выступает от его имени, должно действовать в интересах представляемого им юридического лица добросовестно и разумно». Положения данной нормы ГК РФ были детализированы в федеральных законах «Об акционерных обществах» (п. 1. ст. 71) и «Об обществах с ограниченной ответственностью» (п. 1 ст. 44).

Для выявления особенностей реализации принципа добросовестности в корпоративных правоотношениях необходимо разрешить теоретическую проблему – о том, как соотносятся три ключевых понятия: «право на участие в корпорации», «право на членство», «право на управление корпорацией», так как среди ученых-юристов не сложилось единого мнения на этот счет.

В доктрине российского гражданского права укоренилась позиция, впоследствии получившая закрепление в п. 1 ст. 65.1 ГК РФ, согласно которой корпорация представляет собой юридическое лицо, основанное на членстве. Н. С. Суворов, исследуя истоки возникновения юридического лица, берущие начало в римском праве, ссылаясь на немецкого ученого О. Гирке, который, по его мнению, одним из первых подробно рассмотрел сущность и природу корпораций, установил, что между самой корпорацией и ее членами существует устойчивая правовая связь, именуемая членством. О. Гирке рассматривал корпорацию как

«союзную личность»¹. В то же время унитарная организация сохраняет качества субъекта права и может, будучи собственником имущества, управлять юридическим лицом при помощи административных приказов, т. е. средствами внешнего управления. В корпорации учредители могут управлять деятельностью юридического лица лишь при помощи решения общего собрания, правления, наблюдательного совета, т. е. средствами внутреннего управления.

В советский период корпоративные отношения также определялись как отношения, основанные на членстве. «Эти отношения уже тогда единодушно признавались *гражданско-правовыми* „отношениями членства“, которые состояли из „членско-организационных“ (неимущественных), „членско-паевых“ (имущественных) и „членско-жилищных“ отношений (по использованию кооперативного имущества членами кооператива)»². Данная позиция получила поддержку и развитие также в работах современных ученых³.

Так, М. М. Агарков писал, что права членства в корпорации стоят наравне с вещными и обязательственными правами, но не приравниваются к ним, «отношения между акционером и акционерным обществом не могут быть отнесены к чисто обязательственным правоотношениям. Акционеру принадлежат, прежде всего, корпоративные права – права участия в общем собрании и т. д.»⁴.

Небесспорной является точка зрения, согласно которой право участия в обществе отождествляется с организационным правом (ее автором считается О. А. Красавчиков⁵).

По мнению Н. Ю. Чельшевой, «нельзя отрицать, что, сделав вклад в капитал корпорации, ее участник сохраняет не только экономическую, но и правовую связь с имуществом корпорации. В частности, каждый участник имеет право участия в принятии управленческих решений, право отчуждать и перераспределять доли участия, право выхода из корпорации с выделением долей или компенсацией

¹ Суворов Н. С. Об юридических лицах по римскому праву. М.: Статут, 2000. С. 97.

² Там же. С. 41. См. также: Гендзехадзе Е. Н. Жилищно-строительные кооперативы в городе и селе. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. С. 51–59.

³ Самаркин К. И. Осуществление гражданами права на жилище в жилищных и жилищно-строительных кооперативах: моногр. / под ред. Е. П. Чорновола. Екатеринбург: Изд-во Урал. ин-та – филиала РАНХиГС, 2012. С. 81–96.

⁴ Корпоративное право: Актуальные проблемы теории и практики. С. 164.

⁵ Красавчиков О. А. Гражданские организационно-правовые отношения // Сов. государство и право. 1966. № 10.

их стоимости, наконец, право ликвидировать корпорацию и распределить ее имущество между собой»¹.

Н. Г. Фроловский под участием понимает «правовую связь, возникающую и существующую между корпоративной организацией и ее участниками по поводу приобретения участниками благ в результате деятельности корпоративной организации. Субъективная обязанность участника корпоративного отношения заключается во внесении имущественных взносов и личном участии в деятельности организации. Обязанность может быть реализована только путем имущественных вложений, без личного участия, и наоборот»².

Аналогичного мнения на этот счет придерживается В. В. Долинская, которая полагает, что участие – это документально закреплённая в специально предусмотренном порядке правовая связь между юридическим лицом и его учредителями и теми лицами, которые вошли в состав юридического лица после его создания. При этом под членством она понимает личное и имущественное участие в юридическом лице его учредителей, а также вошедших в его состав лиц³.

Между тем в п. 1 ст. 65.2 ГК РФ установлено, что участниками корпорации являются и участники, и члены, и акционеры соответствующей организации. Законодатель ни в нормах ГК РФ, ни в законах о соответствующих юридических лицах не раскрывает понятия участника и члена корпорации.

Е. А. Крашенинников и Ю. В. Байгушева, анализируя взгляды немецких ученых на природу права членства, утверждают, что «право членства связывает управомоченного с поименно определенным лицом (например, корпорацией) или несколькими поименно определенными лицами (например, остальными участниками договора простого товарищества)»⁴.

А. А. Кулик отмечает, что «в компетенцию участника входят положительные действия управомоченных лиц по реализации таких корпоративных прав, как

¹ Чельшева Н. Ю. Юридическая природа корпоративной собственности и ее отражение в гражданском праве России // Сборник научных статей IV Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом». РАНХиГС при Президенте РФ (25 апреля 2017 г., Москва) / под ред. С. Д. Могилевского и М. А. Егоровой. М.: Юстицинформ, 2017. С. 55.

² Фроловский Н. Г. Управление предпринимательскими корпорациями в Российской Федерации (правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2004. С. 15, 47.

³ Долинская В. В. Акционерное право: основные положения и тенденции. С. 201.

⁴ Крашенинников Е. А., Байгушева Ю. В. Право членства // Вестн. ВАС РФ. 2013. № 12. С. 73.

право на получение информации, право на дивиденд, право на ликвидационную квоту, право корпоративной организации на получение вкладов от ее участников и право хозяйственного общества на конфиденциальность информации о его деятельности»¹.

М. А. Егорова под правом на участие понимает «абсолютное неимущественное право, содержание которого определяется имущественным эквивалентным участием лица в собственности корпорации, выраженным в абсолютных значениях... и объемом властных компетенций участника в отношении управления делами корпорации, соответствующим размеру этого эквивалента». Право членства она трактует как «абсолютное неимущественное право, чье содержание определяет организационный эквивалент участия лица в управлении корпорацией»².

Аккумулируя вышеизложенные определения, под правом на участие в корпорации предлагаем понимать абсолютное право (потому как есть один управомоченный субъект в лице учредителя корпорации), содержание которого определяется имущественным эквивалентом участия лица в собственности корпорации и объемом его властных полномочий в отношении управления делами корпорации, пропорциональным имущественному вкладу, а также личному вкладу участника корпорации, эквивалентным его умениям, знаниям и трудовым ресурсам³.

Статья 65.3 ГК РФ не раскрывает понятие управления корпорацией, а лишь в общих чертах обозначает компетенцию органов корпорации.

В. С. Ем отмечал нехарактерную для гражданско-правового регулирования ситуацию: наличие корпоративных прав дает членам корпорации возможность влиять на формирование воли компании⁴.

Право управления, по мнению М. А. Егоровой, представляет собой «относительное обязательственное право в субординационном организационном отно-

¹ Кулик А. А. Корпоративные права в системе гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 10.

² Координация экономической деятельности в российском правовом пространстве / К. М. Беликова, А. В. Габов, Д. А. Гаврилов и др.; отв. ред. М. А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2015. С. 160.

³ Черкасова, О. В. Экономическая и юридическая сущность корпоративных отношений: доктринальные и правовые аспекты / О. В. Черкасова // Право и экономика. – 2021. – № 4. – С. 19–26.

⁴ Российское гражданское право. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права: в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Статут, 2011. Т. 1. С. 125 (автор главы 3 – В. С. Ем).

шении по управлению корпорацией, основанное на реализации объема властных компетенций, предусмотренных содержанием норм права, а также права „участия“ или права „членства“»¹.

Вместе с тем, как верно отмечает С. Ю. Морозов, «чтобы субъект управления был наделен властными полномочиями, необходимо выражение согласия подчиненным лицом. До вступления в корпоративные отношения в части управления возможности их участников являются одинаковыми»².

В основе всякого «управления» в общенаучном смысле лежат субъект-объектные отношения, где управление не может существовать без управляющего субъекта, который в рамках предоставленных полномочий приводит объект управления в требуемое ему состояние. Однако, как справедливо отмечает А. В. Габов, «управление в публично-правовых системах (государственное управление) и управление в частноправовых системах не одно и то же»³. Вместе с тем между этими видами управления не исключается некоторое сходство – в любом случае речь идет об отношениях власти-подчинения.

Между тем в юридической литературе имеют место суждения об отождествлении права на участие и права на управление, суть которых заключается в следующем: «Право участия в корпорации или право управления юридическим лицом, как правило, обусловлено исполнением обязанностей в отношении как юридического лица (ст. 65.2, п. 3 ст. 53, ст. 53.1 ГК РФ), так и третьих лиц (пп. 3, 4 ст. 1, ст. 10 ГК РФ). Объем корпоративных прав и обязанностей связаны между собой»⁴. Соглашаясь с таким подходом лишь отчасти, предлагаем рассматривать право на управление корпорацией лишь как одно из направлений деятельности участника наряду с иными правами, в том числе правом на получение дивидендов.

¹ Координация экономической деятельности в российском правовом пространстве. С. 161.

² Морозов С. Ю. Метод юридического равенства сторон и принцип подчинения в корпоративном праве России // Вестн. Перм. ун-та. Юрид. науки. 2017. Вып. 36. С. 186–187.

³ Габов А. В. Сделки с заинтересованностью в практике акционерных обществ: проблемы правового регулирования. М.: Статут, 2005. С. 144.

⁴ Цепов Г. В. Бьют не по паспорту, или Понятия фиктивной организации, подставного лица и фактического руководителя в российской судебной практике // Закон. 2017. № 6. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.07.2021).

Руководствуясь единообразным подходом к толкованию триады понятий – «право на членство», «право на участие» и «право на управление корпорацией», можно прийти к следующим умозаключениям. Понятие «членство» раскрывается через понятие «участие», выполняя функцию родового понятия. Право на участие в корпорации, в свою очередь, наделяет его носителя комплексом имущественных и неимущественных прав и обязанностей. С точки зрения субъектного состава корпоративные правоотношения можно определить как обоюдную деятельность заинтересованных лиц, облаченную в законодательную форму и направленную на достижение не только частных интересов, но и социально значимых целей. Организационно-правовая форма корпорации выступает фундаментом правового статуса участников корпоративных отношений, включающего в себя: право на участие в управлении корпорацией; право на получение информации о деятельности корпорации; право на получение части имущества при ликвидации корпорации; право на получение части прибыли от деятельности корпорации и др.

Изложенные умозаключения предлагается реализовать в правовую материю, а именно дополнить п. 1 ст. 65.2 ГК РФ следующими абзацами, дающими толкование понятий «члены корпораций», «право на участие в корпорации», «право на управление корпорацией»:

«Члены корпорации – это лица, между которыми складываются определенные связи, характер которых зависит от организационно-правовой формы корпорации, на основе чего формируется право на участие в корпоративных отношениях.

Под правом на участие в корпорации понимаются право на управление корпорацией, право на получение информации о деятельности корпорации, право на получение части имущества при ликвидации корпорации, право на получение части прибыли от деятельности корпорации и другие полномочия, предусмотренные локальными актами организации.

Под правом на управление корпорацией понимается совокупность полномочий, связанных с возможностью принятия стратегических решений в интересах компании и участников корпорации, при соблюдении справедли-

вого баланса, в том числе по заключению гражданско-правовых сделок с целью получения прибыли».

Исходя из предложенного выше правового основания, реализацию принципа добросовестности в корпоративных правоотношениях целесообразно рассматривать в трех ипостасях: в ракурсе реализации абсолютного права на участие, субъектами которого являются члены корпораций; в ракурсе реализации права на управление, осуществляемое как через общее собрание участников, так и посредством выборных руководящих органов; в ракурсе заключения от имени коммерческого юридического лица гражданско-правовых сделок.

Кроме того, в процессе применения гражданско-правовой категории добросовестности в корпоративных правоотношениях необходимо исходить из понимания ее в объективном и субъективном смыслах, о котором шла речь в первом параграфе настоящей главы.

Напомним, что в субъективном смысле добросовестность рассматривается как средство правовой защиты в случае порока воли и волеизъявления, когда применяется формула «Знал или должен был знать». С одной стороны, добросовестность может послужить основанием для предъявления требований или притязаний в адрес другого лица, а с другой стороны, применение добросовестности дает защиту против требования, основанного на обстоятельствах, о которых ответчик не был осведомлен. Поскольку в основе подчинения в корпоративных отношениях лежит акт согласования воли субъектов, специфика применения субъективной добросовестности в корпоративных правоотношениях обусловлена тем, что такие отношения возникают по обоюдному согласию его субъектов¹. Иначе говоря, уместным будет корпоративное право обозначить как «право частнопровового сотрудничества»².

Отдельно следует отметить, что формулировка «знал или должен был знать» или «не знал и не должен был знать» традиционно применялась и приме-

¹ Пахомова Н. Н. Цивилистическая теория корпоративных отношений. Екатеринбург: Налоги и финансовое право, 2005.

² Gierke O. V. Das deutsche Genossenschaftsrecht. 4 Bde. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1868–1913. URL: <https://books.google.ru/books?id=tnpBAAAAYAAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 20.10.2020).

няется цивилистами для характеристики субъективной добросовестности¹. «Добросовестность в субъективном смысле имеет осязаемый критерий, суть которого – в неосведомленности стороны об определенных обстоятельствах, в ее извинительном незнании. Если неосведомленная сторона докажет суду, что не действовала против правил добросовестности, находясь в состоянии „не знал и не должен был знать“, она признается действовавшей добросовестно»².

Например, в п. 2 ст. 51 ГК РФ предусмотрен принцип публичной достоверности Единого государственного реестра юридических лиц, используемый в качестве средства защиты контрагента в сделке, совершаемой от имени корпорации. Добросовестные контрагенты, которые полагаются на сведения реестра, не несут ответственности за то, что в реестр по какой-то причине попали недостоверные сведения. Защитить можно также добросовестного руководителя либо коммерческую организацию, в том случае, если контрагент все-таки получил возможность ознакомиться с выпиской из Единого государственного реестра юридических лиц и с уставом организации. Все будет зависеть от того, имели ли место воля и волеизъявление со стороны субъекта, в чьей добросовестности есть основания сомневаться. Бывают ситуации, когда в результате мошеннических действий в реестр попадают недостоверные сведения, когда имела место подделка протокола собрания, которое в действительности не проводилось. При таких обстоятельствах участники не будут считаться недобросовестными, потому как это произошло помимо их воли.

Еще одна область применения субъективной составляющей принципа добросовестности в корпоративных правоотношениях связана с реформой законодательства в части заключения крупных сделок и сделок с заинтересованностью хозяйственными обществами. Принципиальным является вопрос о том, каким образом при оспаривании экстраординарных сделок применяется презумпция добросовестности, обозначенная в п. 5 ст. 10 ГК РФ, и как распределяется бремя дока-

¹ Амфитеатров Г. Н. Вопросы виндикации в советском праве // Сов. государство и право. 1941. № 2. С. 38–47; Агарков М. М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Агарков М. М. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2002. Т. 2. С. 83.

² Голубцов В. Г. Субъективная добросовестность в структуре общего понятия добросовестности // Вестн. Перм. ун-та. Юрид. науки. 2019. № 3. С. 497–498.

звания недобросовестности контрагента. Как справедливо отмечает Д. И. Степанов, «многосторонний характер отношений, типичных для корпоративных сделок и соответствующих им обязательств, дает добросовестности не слишком много места в корпоративном праве, иначе от многосторонности тут ничего не останется. Корпоративное право обладает своей спецификой, и простой перенос на него тех же подходов, что работают для обычных сделок или обязательств из двусторонних договоров, может убить специфичность таких отношений. Так что инструментарий судейского контроля, основанный на широком применении принципа добросовестности, может быть слишком грубым для корпоративного права, особенно когда речь идет об оценке ранее принятого корпоративного решения. Соответственно, принцип добросовестности в корпоративном праве должен иметь самое ограниченное применение – совершенно точно не такое широкое, как в общегражданском обязательственном и сделочном праве»¹. Данный тезис еще раз подтверждает позицию о том, что, несмотря на универсальность и сквозной характер принципа добросовестности применительно ко всем гражданским правоотношениям, необходимо учитывать специфику его реализации применительно к таким нестандартным правоотношениям, как корпоративные. Вот почему в судебном процессе важно анализировать все сопутствующие делу обстоятельства, создающие полную картину происходящих в корпорации процессов, в том числе в пределах разумного предпринимательского риска.

Что же касается реализации принципа добросовестности в объективном смысле, то в данном случае речь следует вести о поведенческих стандартах, которым должны соответствовать субъекты корпоративных правоотношений при реализации своих прав и обязанностей. Например, предстоит достичь понимания по вопросу о том, что подразумевают под собой стандарты добросовестности участника коммерческого юридического лица или стандарты добросовестности его единоличного исполнительного органа.

¹ Степанов Д. И. Дедлоки в непубличных корпорациях: возможные варианты развития законодательства и судебной практики // Вестн. экон. правосудия Рос. Федерации. 2015. № 9. С. 68.

В практике зарубежных государств их называют фидуциарными обязанностями. По справедливому суждению Д. В. Ломакина, «вопрос о необходимости возложения на отдельных участников корпоративных отношений особых фидуциарных обязанностей давно обсуждается в доктрине отечественного корпоративного права. При этом до настоящего времени нет единого мнения ни о перечне субъектов – носителей таких обязанностей, ни об их правовой природе»¹. Отчасти это обусловлено отсутствием универсальных подходов к определению понятия фидуциарности в гражданском праве, которое применяется к различным гражданско-правовым институтам дифференцированно.

Еще в римском праве, когда должник в обеспечение долга передавал кредитору право собственности на его вещь, в случае невозврата долга эта вещь в действительности переходила кредитору и он в полной мере получал право распоряжения ею. Такие отношения были известны в римском праве как *fiducia cum creditore*, когда основную выгоду от соответствующих фидуциарных отношений получал кредитор. В англо-американском праве условно такой подход называется «трастовым» (от *trust* – «доверять»), а фидуциарными являются отношения, в силу которых одно лицо (фидуциант) вверяет другому лицу (фидуциарию) свое имущество с тем, чтобы последний управлял этим имуществом в интересах фидуцианта. Что позволяет сделать вывод о том, что термины «фидуциарность», «фидуциарные обязанности» своим происхождением в первую очередь обязаны англо-американской правовой истории, и для стран континентальной правовой семьи они также не являются чужеродными.

Сегодня в российской правовой действительности категория фидуциарных обязанностей широко применяется не только в науке отечественного корпоративного права. Так, Росимущество и Банк России определили фидуциарные обязанности директоров акционерного общества как обязанности действовать добросовестно и разумно в интересах всех акционеров². Судебная практика также нередко

¹ Ломакин Д. В. Еще раз о фидуциарности в гражданском праве // Хоз-во и право. 2019. № 1. С. 23

² Методические рекомендации по организации работы Совета директоров в акционерном обществе: утв. приказом Росимущества от 21 ноября 2013 № 357; О руководстве для членов совета директоров (наблюдательного совета) финансовой организации: информ. письмо Банка России от 28 февраля 2019 г. № ИН-06-28/18 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.01.2022).

использует данный термин, в том числе применительно к участникам корпорации¹.

Наиболее правильное, на наш взгляд, определение фидуциарных обязанностей дает О. В. Гутников: это отношения, «в силу которых фидуциару доверяется вести „чужие“ для него дела корпорации и он приобретает над юридическим лицом в силу этого особую корпоративную власть с максимально широким дискреционным усмотрением. В корпоративных отношениях директор наделяется соответствующими правомочиями в интересах самого юридического лица и все выгоды от установления фидуциарных отношений получает корпорация (фидуциант)»².

Таким образом, среди признаков фидуциарных обязанностей субъектов корпоративных правоотношений можно выделить, во-первых, возможность действовать в интересах корпорации; во-вторых, наличие корпоративного контроля.

Применительно к российскому корпоративному праву, скорее, мы можем говорить об особой модели должного поведения субъектов корпоративных правоотношений, нарушение которого влечет неблагоприятные последствия имущественного характера для правонарушителя. Хотя, в отличие от англо-американского права, категория фидуциарной ответственности в российском корпоративном праве не применяется.

Отчасти такие стандарты закреплены на уровне норм ГК РФ, а именно в ст. 53.1, где сказано, что лица, выступающие от имени юридического лица в качестве органов, должны действовать добросовестно и разумно в интересах юридического лица. Как было отмечено Д. В. Новак, «здесь речь не идет о субъективной добросовестности в том смысле, что директор не знал и не должен был знать о чем-то, а имеется в виду тоже определенный стандарт поведения, согласно которому он должен действовать так, как ожидается от хорошего руководителя, т. е. в целом имеется в виду объективное проявление добросовестности»³.

¹ Постановление ФАС Московского округа от 11 ноября 2013 г. по делу № А40-116202/12-114-1110; постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 30 июня 2020 г. № Ф04-6045/2019 по делу № А70-7199/2019 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.01.2022).

² Гутников О. В. Фидуциарные обязанности в российском корпоративном праве // Граждан. право. 2019. № 6. С. 34.

³ Новак Д. В. Добросовестность в корпоративном праве // Вестн. граждан. права. 2017. № 2. С. 18.

Применительно к участнику стандарты добросовестности нашли закрепление в ст. 65.2 ГК РФ, в которой изложены общие положения о правах и обязанностях участников корпоративных организаций, появившиеся в результате законодательной реформы, которая нашла отражение в Федеральном законе от 05.05.2014 № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации»¹. В разрезе реализации принципа добросовестности можно выделить следующие компетенции участника корпорации: «обязанность не разглашать конфиденциальную информацию о деятельности корпорации; участвовать в принятии необходимых корпоративных решений, без которых она не может продолжать свою деятельность; не совершать действий, заведомо направленных на причинение вреда корпорации, и не совершать действий (бездействия), которые существенно затрудняют или делают невозможным достижение целей, ради которых создана корпорация»². Или, например, в п. 2 ст. 53.1 ГК РФ есть правило о том, что «не только единоличный орган несет ответственность за убытки, причиненные неисполнением своих обязанностей, но и члены коллегиальных органов солидарно несут такую ответственность»; однако есть одно исключение – «они освобождаются от ответственности, если не принимали участия в голосовании по тому решению, которым причинены убытки». Кроме того, для освобождения от ответственности надо все-таки привести уважительную причину, по которой лицо не смогло поучаствовать в голосовании. Это тоже пример объективной добросовестности в широком понимании, о которой идет речь в п. 3 ст. 1 ГК РФ.

Подводя итоги изложенному, можно выделить следующие особенности реализации принципа добросовестности в корпоративных правоотношениях:

1. При реализации принципа добросовестности необходимо исходить из юридической природы корпоративных правоотношений. Корпоративные правоотношения коммерческих юридических лиц по своему содержанию являются не-

¹ О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2014. № 19. Ст. 2304.

² Там же.

однородными, поскольку последние (коммерческие юридические лица) могут быть представлены в различных комбинациях субъектного состава. Сообразно этому к числу таковых относятся правоотношения: между самим обществом как юридическим лицом, акционерами и органами акционерного общества (внутренние акционерные правоотношения); между акционерным обществом и акционерами (внешние акционерные правоотношения), между акционерами в рамках корпоративного договора.

2. В рамках настоящего диссертационного исследования принцип добросовестности будет рассмотрен в широком (собирательном) смысле, т. е. в ракурсе как основных, так и производных корпоративных правоотношений. В связи с этим в особенной его части будет проведен анализ реализации принципа добросовестности не только применительно к участнику коммерческого юридического лица, основанного на членстве, но и применительно к его руководящему органу, а также в контексте заключения сделок и их оспаривания по корпоративным основаниям.

3. Реализацию принципа добросовестности целесообразно рассматривать в трех ипостасях: в ракурсе реализации абсолютного права на участие, субъектами которого являются члены корпорации; в ракурсе реализации права на управление, реализуемое как через общее собрание участников, так и посредством выборных руководящих органов; в ракурсе заключения от имени коммерческого юридического лица корпоративных гражданско-правовых сделок.

4. Выделяя особенности применения гражданско-правовой категории добросовестности в корпоративных правоотношениях, необходимо исходить из понимания ее в объективном и субъективном смыслах:

— реализация добросовестности в корпоративных правоотношениях в субъективном смысле в части оспаривания сделок исходит из следующего критерия: субъект корпоративного правоотношения «знал или должен был знать». В основе корпоративных правоотношений лежит акт согласования воли субъектов, «акт частноправового сотрудничества»;

– реализация добросовестности в корпоративных правоотношениях в объективном смысле подразумевает некий поведенческий стандарт, набор фидуциарных прав и обязанностей, которые участник и руководитель коммерческого юридического лица должны исполнять.

Детализация реализации добросовестности в корпоративных правоотношениях как субъективно-объективного феномена, будет предметом исследования второй главы настоящей работы.

2. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ КОММЕРЧЕСКИХ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

2.1. Реализация принципа добросовестности при осуществлении права на участие в корпоративных правоотношениях коммерческих юридических лиц

В юридической литературе не сложилось единого мнения относительно характера корпоративных правоотношений. Так, М. А. Егорова полагает, что ГК РФ в отношении участников корпорации закрепляет права и обязанности, а не управленческие компетенции, поэтому право участия в ней не следует трактовать как «абсолютное неимущественное право, содержание которого определяется имущественным эквивалентом участия лица в собственности корпорации, выраженным в абсолютных значениях»¹.

Но с подобным суждением трудно согласиться. Представляется, что по характеру взаимосвязи управомоченного и обязанного субъектов корпоративные правоотношения относятся к числу абсолютных, поскольку в них определена только управомоченная сторона – участник корпорации, именно ему, согласно ст. 65.1 ГК РФ, принадлежит право участия в корпорации. В связи с тем, что воля корпорации формируется в результате волеизъявления ее участников, постольку каждый из них, принимая участие в управлении корпорацией, реализует свое абсолютное право. Быть участником корпорации – это, прежде всего, реализовывать по своей воле и в своем интересе личные замыслы, связанные с принятием управленческих решений. Степень влияния такого решения участника зависит от доли его участия в корпорации.

Как верно отмечает Р. Р. Ушницкий, «...,участие в корпорации» как объект права получило свое формальное признание, а „право участия в корпорации“ при-

¹ Егорова М. А. К вопросу о содержании корпоративных правомочий // Граждан. право. 2014. № 4. С. 17.

обрело гражданско-правовое значение абсолютного права»¹. Такой подход поддерживает В. А. Белов, по мнению которого, «участие в управлении корпорацией – это формирование ее воли. Формирование воли корпорации происходит в результате волеизъявления участниками корпорации, они осуществляют это правомочие своей волей и в своем интересе. Несмотря на общность, видимую множественность, это происходит у каждого участника индивидуально. Есть ли в этом акте признаки относительности? Считаем, что нет. Участвуя в управлении, каждый из участников корпорации реализует, осуществляет свое абсолютное право»².

Позиция названных ученых заслуживает поддержки. Ибо право на участие в корпорации является абсолютным, потому как участник реализует свое право в своей воле и в своем интересе выполнить совокупность собственных действий (соразмерных доле участия), направленных, например, на управление корпорацией. И никто не вправе ограничить участника или воспрепятствовать ему в реализации этого права.

В связи с преобладанием доли личного интереса над интересом хозяйственного общества в последнее время все чаще возникают ситуации злоупотребления участниками хозяйственных обществ своими правами, что является причиной многочисленных корпоративных конфликтов. А в арбитражных судах судебных разбирательств по корпоративным спорам, рассматриваемым в порядке ст. 225.1 АПК РФ, становится все больше. Нередко судебные органы сталкиваются с трудностями при разрешении вопроса о добросовестности лица в ходе реализации права на участие в корпоративных отношениях.

Многочисленные внутрикорпоративные конфликты, выступающие следствием недобросовестного поведения участников корпорации, оказывают негативное влияние на деятельность хозяйственных обществ. Основной задачей законодателя, как и правоприменителя, является уменьшение количества корпоратив-

¹ Ушницкий Р. Р. Статья 65.2 ГК РФ и природа корпоративного правоотношения // Журн. предпринимат. и корпоратив. права. 2016. № 2. С. 57–60.

² Корпоративное право. Актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. М.: Юрайт, 2015. С. 174–189.

ных споров с участием недобросовестных лиц, что, в свою очередь, будет способствовать формированию безукоризненной репутации национальных корпораций.

Как отмечалось выше, злоупотребление правом можно рассматривать как понятие, противоположное добросовестности, а принцип недопущения злоупотребления правом тесно взаимосвязан с принципом добросовестности. Исходя из этого, проблему реализации принципа добросовестности в ракурсе осуществления права на участие в корпорации представляется возможным рассматривать «от обратного», т. е. через анализ недобросовестного поведения участника.

Акционеры заинтересованы в управлении компанией. В случае неудовлетворенности функциональностью или производительностью компании они берут на себя управление и следят за тем, чтобы оно осуществлялось в интересах компании. Влияние акционеров на корпоративное поведение путем осуществления своих прав в качестве владельцев в зарубежной научной литературе получило название «активизм акционеров»¹. В этом смысле актуально вести речь о фидуциарных обязанностях при осуществлении права на участие, о которых велась речь в третьем параграфе первой главы. Традиционно акционеры рассматривались и в Англии, и в США в качестве пассивных инвесторов, передавших управленческие функции менеджменту компании (корпорации) и действующих исключительно в собственных интересах. Впоследствии ситуация стала постепенно меняться, главным образом применительно к частным компаниям (закрытым корпорациям). В США фидуциарные обязанности сначала стали возлагаться на мажоритарных участников корпорации. Для признания акционера носителем фидуциарных обязанностей нужно было установить, что имеющийся у него пакет акций, составляющий, как правило, более 50 % уставного капитала корпорации, предоставляет ему возможность оказывать существенное влияние на формирование совета директоров². В настоящее время становится возможным возложение фидуциарных обязанностей даже на миноритарных участников корпорации. Данный подход находит поддержку в работах американских ученых, аргументированно доказы-

¹ Barroso Casado R., Burkert M., Dávila A., Oyon D. Shareholder Protection: The Role of Multiple Large Shareholders // Corporate Governance: an international review. 2016. Vol. 24. № 2. P. 105–129. DOI: <https://doi.org/10.1111/corg.12131>.

² Anabtawi I., Stout L. Fiduciary duties for activist shareholders // Stanford Law Review. 2008. Vol. 60. № 5. P. 19.

вающих необходимость возложения на миноритарных участников фидуциарных обязанностей, аналогичных обязанностям мажоритарных участников, в ситуации, когда они становятся фактически контролирующими лицами по тому или иному вопросу¹.

Следует отметить, что категория фидуциарных обязанностей признается и корпоративной доктриной ряда стран континентальной Европы. Наиболее ярким примером выступает Германия, где на отдельных акционеров может возлагаться обязанность проявления лояльности (*Treuepflicht*) как в отношении самого акционерного общества, так и в отношении остальных его участников². Это свидетельствует о том, что категория фидуциарных обязанностей в корпоративном праве Германии не является слепым копированием английской и американской конструкций.

В России, в последние годы в связи с усилением криминализации экономических отношений на законодательном уровне наблюдается все большее ограничение прав акционеров, дабы свести к минимуму такие опасные явления, как корпоративный шантаж и рейдерство. Однако задачей гражданско-правового регулирования, в предмет с недавних пор входят и корпоративные отношения, является сохранение баланса интересов всех участников социальных связей. Вместе с тем, за образец специальных корпоративных законов были взяты американские стату-ты³. Однако и те и другие иностранные источники едины в понимании того, что члены корпорации, ее руководитель должны действовать добросовестно, разумно и в интересах компании⁴.

Создавая корпорацию, участники преследуют цель максимальной реализации общего интереса. Ситуации, когда лицо в обороте выступает «одновременно в нескольких лицах, цели которых при этом не совпадают», рассматриваются в

¹ Hetherington J. A. C. The Minority's Duty of Loyalty in Close Corporations // Duke Law Journal. 1972. Vol. 1972. P. 933–945; Easterbrook F. H., Fischel D. R. The Economic Structure of Corporate Law. Cambridge: Harvard University Press, 1991. P. 248.

² Wirth G., Greene M., Arnold M. Corporate Law in Germany. München: C.H. Beck, 2004. P. 21.

³ Блэк Б., Крэкман Р., Тарасова А. Комментарий Федерального закона об акционерных обществах. М.: COLPI : Лабиринт, 1999. С. 75–76.

⁴ Черкасова О. В. Обоснованный интерес как критерий добросовестного поведения миноритарного участника при осуществлении права на получение информации по корпоративному праву России // Юрид. исслед. 2019. № 12. С. 35–43.

качестве частного случая конфликта интересов¹. Данная формулировка применима и к участнику корпорации, который одновременно сочетает интересы компании и собственные имущественные интересы.

По мнению М. А. Рожковой, необходимо выработать видимую вовне «волю» юридического лица, поскольку «путем участия в управлении и ведении дел корпорации достигается участниками корпорации реализация имущественного интереса»². Но если обратиться к классике цивилистики, а именно известной концепции Ф. К. Савиньи, юридическое лицо – это фикция, ему чужды человеческие потребности, у него отсутствуют собственный интерес и своя воля. Б. Б. Черепахин отмечал в своих исследованиях, что права юридического лица установлены ради людей и предназначены служить их интересам, а не интересу юридического лица³. В. П. Грибанов писал о том, что экономические и иные факторы общественной жизни неизбежно должны пройти через сознание людей, принять вид «сознательных» побуждений. Ведь даже шикана имеет свой ничтожный, но интерес – досадить другому ради собственного блага⁴.

В этом смысле нельзя не согласиться с классиком немецкой философии И. Кантом, который в своем нравственном законе проповедовал, что только о разумном существе можно говорить, что оно проявляет к чему-либо интерес. Знаменитый немецкий философ полагал, что через призму осознанного поведения и самоограничения субъектом права формируется разумный интерес, который не ограничивает интересы других лиц⁵. Диссертант полагает, что данная формулировка должна рассматриваться в качестве базовой в понимании принципа добросовестности не только в сфере корпоративных отношений, но и в контексте гражданского права в целом. Близка к современной действительности и теория юридической фикции, поскольку отражает процесс создания организации исключительно документально, но в угоду интересам тех, кто ее создает. Тем самым, все представленные в доктрине мнения относительно интереса корпорации, а также ее

¹ Дедов Д. И. Конфликт интересов. М.: Волтерс Клувер, 2004. С. 15

² Рожкова М. А. Корпоративные отношения и возникающие из них споры. С. 142, 145.

³ Черепахин Б. Б. Волеобразование и волеизъявление юридического лица // Труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2001. С. 299.

⁴ Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. С. 237.

⁵ Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов. С. 310.

участников имеют право на существование. Посредством их консолидации, можно сформулировать, что под интересом компании следует понимать солидарную волю всех участников, направленную на достижение общей цели¹.

Обобщая представленные в доктрине мнения относительно интереса корпорации, можно сделать вывод о том, что под интересом компании следует понимать солидарную волю всех участников, направленную на достижение общей цели. Как справедливо отмечает Ю. В. Брисов «злоупотребляя правом, акционер использует принадлежащие ему в силу владения акциями права в ущерб интересам иных акционеров и управляющих акционерного общества»².

По мнению Д. В. Гололобова, злоупотребляя правом, акционер использует принадлежащие ему в силу владения акциями права в ущерб интересам иных акционеров и управляющих акционерного общества. Пороговым значением является ситуация, когда размер вреда от недобросовестных действий акционера достигает уровня публичной опасности для акционеров и руководителей корпорации³.

В. В. Долинская отмечает необходимость и даже «потребность правовой науки и правоприменительной практики в четких характеристиках ключевых для экономики и общества фигур (акционеров), в объективном взгляде на наличие или отсутствие противоречий между ними, в первую очередь между мажоритарными и миноритарными акционерами, а также между акционерами и акционерным обществом, в механизмах обеспечения прав акционеров и баланса их интересов независимо от числа и категории принадлежащих им акций»⁴.

А. Мельник под злоупотреблением корпоративными правами предполагает действия мажоритарных акционеров, которые противоречат интересам миноритарных участников. Распространена также ситуация, когда при существовании правила «одна акция – один голос» акционеры с пакетом менее 10 % акций не

¹ Черкасова О. В. Обоснованный интерес как критерий добросовестного поведения миноритарного участника при осуществлении права на получение информации по корпоративному праву России. С. 35–43.

² Брисов Ю. В. Реализация доктрины добросовестности в корпоративных правоотношениях // Актуальные проблемы рос. права. 2019. № 12 (109). С. 70–80; Плешанова О. П. Принцип добросовестности в корпоративном праве: реализация в делах о возмещении убытков // Вестн. граждан. права. 2017. № 2. С. 63–68; Новак Д. В. Добросовестность в корпоративном праве. С. 25–27.

³ Гололобов Д. В. Акционерное общество против акционера: противодействие корпоративному шантажу. М.: Юстицинформ. 2004. С. 24–26.

⁴ Долинская В. В., Фалеев В. В. Миноритарные акционеры: статус, права и их осуществление / отв. ред. В. В. Долинская. М.: Волтерс Клувер, 2010. С. 14.

имеют эффективных инструментов управления организацией¹. Надо сказать, что суждения представителей юридической мысли целиком и полностью находят подтверждение на практике, поскольку недобросовестность акционера выражается в том, что его действия носят формально законные основания, но намерения сопряжены с достижением иных, недобросовестных целей. То есть такие действия классически подпадают под ст. 10 и пп. 3–4 ст. 1 ГК РФ.

В последнее время одним из распространенных казусов является злоупотребление миноритарным участником правом на получение информации о деятельности компании. И это несмотря на то, что Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 209-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об акционерных обществах“»² и ст. 50 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об обществах с ограниченной ответственностью»³ (далее – ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью») предусмотрели новаторский подход к регулированию в части получения документов и иной информации о деятельности компании, определив перечень таких документов (согласно прежнему подходу акционеры и учредители имели широкие возможности для получения конфиденциальной информации о деятельности организации, что создавало благоприятные условия для злоупотреблений в виде распространения коммерческой информации).

Когда мы имеем дело с недобросовестным миноритарным участником, то в основе его поступков заложен исключительно противоправный и необоснованный с точки зрения закона и этических норм интерес. Ведь недобросовестный миноритарий в большинстве случаев преследует цель получения завышенной стоимости за продажу принадлежащего ему пакета акций, угрожая осуществлению нормальной хозяйственной деятельности общества. Встречаются случаи, когда миноритарный акционер, злоупотребляя правом на информацию, использует коммерческую тайну корпорации в целях причинения убытков. Миноритарный участник

¹ Мельник А. Проблема злоупотребления правом в корпоративных конфликтах // Юрид. практика. 2005. № 19. С. 8–10.

² О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах»: Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 209-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2018. № 30. Ст. 4544.

³ Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собр. законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

передает информацию конкурентам или использует ее в своей предпринимательской деятельности. При этом, имущественный интерес недобросовестного участника может выражаться например, в получении отступных за отказ от претензий, либо в продаже акций или доли по необоснованно завышенной цене¹.

При получении информации злоупотребление правом заключается в том, что это лишь предварительная стадия. Впоследствии компания может столкнуться с тем, что на нее будут поданы различные жалобы в контролирующие органы (налоговые инспекции, органы антимонопольной службы, территориальные органы Банка России и пр.), правоохранительные органы. Следствием чего будут многочисленные проверки деятельности корпорации. Не говоря уже о том, что создается отрицательный информационный фон о деятельности общества, что может привести к серьезным репутационным потерям².

Д. В. Ломакин также отмечает, что миноритарные акционеры нередко обнародуют полученную информацию, что влечет за собой неблагоприятные имущественные последствия для общества, или что общество не всегда справляется с объемом работы, связанной с копированием и представлением запрашиваемых материалов. Относительно недобросовестных действий миноритарных акционеров, ученый полагает, что при их совершении акционерные общества в силу п. 2 ст. 67 Гражданского кодекса РФ не лишены возможности защиты своих прав и охраняемых законом интересов. Если эта пассивная обязанность не исполняется, в результате чего юридическому лицу причиняются убытки, то оно вправе требовать их полного возмещения в порядке, предусмотренном п. 1 ст. 15 Гражданского кодекса РФ³. Однако ученый не учел того, что потенциальная возможность взыскания убытков – это недостаточная мера для разрешения проблемы злоупотреблений со стороны миноритариев. Поскольку такая мера всегда сопряжена с длительными судебными тяжбами и непростой процедурой доказывания. В то

¹ Черкасова О. В. Обоснованный интерес как критерий добросовестного поведения миноритарного участника при осуществлении права на получение информации по корпоративному праву России. С. 35–43.

² Там же.

³ Ломакин Д. В. Корпоративный интерес и осуществление права на участие в управлении хозяйственным обществом // Хоз-во и право. 2014. № 4. С. 5.

время как наличие иного, превентивного решения избавило бы компанию от проблемы если не полностью, то в части¹.

В связи с чем А. А. Глушецкий предлагает один из способов предупреждения злоупотреблений в виде компромисса, при котором до акционера доводится не все содержание гражданско-правовых договоров, а только сведения, подтверждающие, что сделка не является ни крупной, ни сделкой с заинтересованностью, что она не наносит убытков обществу. По мнению ученого, всегда может быть найдена разумная форма выдачи вышеуказанной информации². В данном предложении видится рациональное звено, но и в этом случае не исключены злоупотребления уже со стороны мажоритарных участников корпорации.

Т. В. Колосовская считает, что владелец даже одной акции российской компании может представлять угрозу для компании. Тем самым свести риски «корпоративного шантажа» к нулю можно только в случае минимизации в обществе миноритарных акционеров³. Безусловно, соглашаясь отчасти с данной точкой зрения, такая мера возможна, например, при увеличении уставного капитала, которая с неизбежностью приводит к размытию доли корпоративного контроля со стороны миноритарных участников. При этом, вновь будет нарушен баланс интересов всех участников. Поскольку миноритарии будут лишены тех выгод, на которые вправе были рассчитывать при нормальных партнерских отношениях⁴.

По мнению С. А. Чеховской, в основе регулирования реализации акционером права на информацию должен лежать принцип баланса интересов общества и акционера. Для его выработки может быть использован зарубежный опыт⁵. Полностью соглашаясь с таким подходом, хотелось бы заметить, что самым сложным в практике правоприменения как раз и является ответ на вопрос: каким образом

¹ Черкасова О. В. Обоснованный интерес как критерий добросовестного поведения миноритарного участника при осуществлении права на получение информации по корпоративному праву России. С. 35–43.

² Глушецкий А. А. Корпоративный договор участников хозяйственного общества – новации по его регулированию // Акционерное общество. 2014. № 12. С. 3–8.

³ Колосовская Т. В., Жаркая О. А. Актуальные вопросы злоупотребления миноритарными акционерами своими правами // Безопасность бизнеса. 2015. № 4. С. 16–20.

⁴ Черкасова О. В. Обоснованный интерес как критерий добросовестного поведения миноритарного участника при осуществлении права на получение информации по корпоративному праву России. С. 35–43.

⁵ Чеховская С. А. Современное развитие корпоративного законодательства // Право. Журнал высшей школы экономики. 2016. № 2. С. 75.

можно достичь баланса интересов, где та золотая середина, которая будет отвечать потребностям и коммерческой организации, и ее учредителя?

В зарубежных правовых порядках в качестве критериев недопущения злоупотребления правом можно встретить следующие формулировки: «необходимость для рассмотрения вопросов повестки дня общего собрания» в Германии, «надлежащая цель» в Англии, «разумная деловая цель» в США и др.¹. Вместе с тем объем прав акционера на получение информации никак не зависит от доли участия в корпорации². Российское корпоративное законодательство ставит наличие у акционеров определенных прав в зависимости от размера участия в уставном капитале общества: не менее 1 % – для получения доступа к списку лиц, зарегистрированных для участия в общем собрании (п. 4 ст. 51 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об акционерных обществах»³, далее – ФЗ «Об акционерных обществах»), или не менее 25 % – для получения протоколов правления и документов бухгалтерского учета общества (п. 1 ст. 91 ФЗ «Об акционерных обществах»), и др.

Тем самым можно констатировать, что современное российское корпоративное законодательство на первое место выдвигает интересы самой компании, чья информационная база стала менее прозрачной для малых совладельцев, которым теперь при добросовестном анализе процесса управления придется довольствоваться ограниченным доступом к информации. С другой стороны, нельзя не сказать о том, что это благоприятная среда для больших инвесторов. Данная мера видится хотя и весьма радикальной, но оправданной как с экономической, так и с юридической точки зрения⁴.

¹ Третьякова А. С. О некоторых особенностях правового регулирования права акционеров на информацию в Российской Федерации и Германии // Право и современные государства. 2012. № 2. С. 72–73.

² Экспертное заключение по проекту федерального закона «О внесении изменений в федеральные законы „Об акционерных обществах“ и „Об обществах с ограниченной ответственностью“ (в части обеспечения права участников хозяйственных обществ на информацию)» (принято на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 4 июля 2016 г. № 155-4/2016) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.07.2021).

³ Об акционерных обществах: Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собр. законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 1; О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам совершения финансовых сделок с использованием финансовой платформы: Федеральный закон от 20 июля 2020 г. № 212-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2020. № 30. Ст. 4738.

⁴ Черкасова О. В. Обоснованный интерес как критерий добросовестного поведения миноритарного участника при осуществлении права на получение информации по корпоративному праву России. С. 35–43.

Кроме того, в ст. 91 ФЗ «Об акционерных обществах» в редакции ФЗ от 29 июля 2017 г. № 233¹ в качестве оценочного критерия было закреплено такое понятие, как «деловая цель». Согласно п. 4 ст. 91 акционер, не имеющий блокирующего пакета, обязан указать деловую цель, с которой запрашиваются документы. Полагаем, что под деловой целью законодатель подразумевает нечто вроде «обоснованного интереса». В п. 7 ст. 91 ФЗ «Об акционерных обществах» деловая цель определяется как законный интерес акционера в получении сведений и документов, которые объективно необходимы и достаточны для надлежащей реализации прав акционера. Сложившаяся судебная практика о привлечении корпорации к административной ответственности в порядке ч. 1 ст. 15.19 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях² (далее – КоАП РФ) также свидетельствует о том, что в качестве юридически значимого обстоятельства рассматривается обоснованный интерес или деловая цель, что подтверждается следующим судебным делом.

В рамках дела № А40-119359/2017, рассматриваемого в Арбитражном суде Московского округа, было предъявлено требование о признании незаконным решения Центрального банка РФ. Оспариваемым решением производство по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 15.19 КоАП РФ, прекращено в связи с отсутствием в действиях общества события административного правонарушения. В итоге судом требование удовлетворено, поскольку ФЗ «Об акционерных обществах» предоставляет акционерному обществу право выдвигать возражения против выполнения требований акционера. Таким образом, сам по себе факт непредоставления информации акционеру не является достаточным основанием для привлечения общества к административной ответственности. Суд установил, «что, исходя из реализации прав акционера, отсутствия доказательств объективной необходимости в ряде запрашиваемой информации, повторности поведения потерпевшего как миноритарного акционера, возможно сде-

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и статью 50 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»: Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 233-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2017. № 31 (ч. I). Ст. 4782.

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях // Собр. законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.

лать вывод о наличии в действиях акционера признаков злоупотребления правом в виде необоснованного интереса в получении соответствующей информации»¹.

В постановлении Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 8 апреля 2015 г. по делу № А62-6896/2014 отмечено, что «суд первой инстанции пришел к правильному выводу о том, что совокупность установленных по делу обстоятельств свидетельствует о злоупотреблении ООО „МИРИАД РУС“ правами акционера, направленности его действий не на добросовестную защиту собственных интересов, а на создание объективных трудностей, способных отрицательно влиять на хозяйственную деятельность конкретного акционерного общества в целом и на интересы его акционеров. На протяжении двух лет ООО «МИРИАД РУС» было инициатором административных дел в отношении различных компаний по аналогичной статье и обстоятельства дел во многом являются сходными – речь шла о запросе большого количества документов; при этом в рамках одного из дел сделан вывод о наличии в действиях ООО «МИРИАД РУС» признаков злоупотребления правом»².

В свое время к категории интереса обращался и Высший Арбитражный суд, в информационном письме Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18 января 2011 г. № 144 «О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров о предоставлении информации участникам хозяйственных обществ», в котором обозначил, что в случае заявления акционером общества требования о предоставлении информации и документов, относящихся к прошлым периодам деятельности хозяйственного общества и явно не представляющих ценности с точки зрения их анализа (экономического, юридического (в том числе по причине истечения сроков исковой давности) и т.д.), такое поведение следует расценивать как недобросовестное. Высшая судебная инстанция указала нижестоящим судам на то, что «при исследовании вопроса о злоупотреблении акционером правом на информацию, судам необходимо иметь в виду, что о наличии у акционера правомерного и добросовестного интереса в получении информации

¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29 марта 2018 г. по делу № А40-119359/2017 // Электронное правосудие. Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 10.11.2020).

² Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 8 апреля 2015 г. по делу № А62-6896/2014 // Электронное правосудие. Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 10.11.2020).

могут свидетельствовать, например, планирование истцом продажи своих акций или доли в уставном капитале (в том числе в ходе процедур банкротства истца), подготовка к обращению в суд с требованием об оспаривании решения органа или договора хозяйственного общества либо о привлечении к ответственности органов общества, а также подготовка к участию в общем собрании акционеров»¹. Как отмечает Д. И. Степанов «применение указанной логики на деле не должно стать голой формальностью, она должна применяться предельно гибко, обеспечивая баланс интересов акционеров и акционерного общества»².

Таким образом, в качестве важного условия добросовестного поведения миноритарного участника коммерческой корпорации при получении информации возможно и должно рассматривать наличие у него обоснованного интереса.

Следует отметить, что законодателем предложен неисчерпывающий перечень квалифицирующих признаков обоснования деловой цели или обоснованного интереса информационного запроса миноритарного участника. В связи с чем, автор полагает, что в уставах и иных локальных актах организации, руководствуясь общей диспозицией нормы п. 4 ст. 91 Закона об Акционерных обществах, организации могут этот перечень расширить³.

Синтезируя различные критерии, выработанные судебной практикой, а также суждения представителей юридической доктрины об интересе корпорации в контексте реализации принципа добросовестности, предлагаем на уровне Министерства экономического развития Российской Федерации разработать и принять в качестве рекомендательного нормативного правового акта **Типовой кодекс корпоративного управления коммерческих юридических лиц**. Данный кодекс должен включать в себя, помимо раздела 1 «Общие положения» и раздела 2 «Корпорации и принципы корпоративного управления», раздел 3 «Информационная политика корпорации», содержащий, кроме главы 1 «Конфиденциальная ин-

¹ О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров о предоставлении информации участникам хозяйственных обществ: информ. письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18 января 2011 г. № 144 // Вестн. ВАС РФ. 2011. № 3.

² Степанов Д. И. И это только начало. Рецензия на статью Генри Хансмманна и Рейнера Кракмана «Конец истории корпоративного права» // Цивилистические записки: межвуз. сб. науч. тр. Екатеринбург: Ин-т част. права; М.: Статут, 2002. Вып. 4. С. 56.

³ Черкасова, О. В. Обоснованный интерес как критерий добросовестного поведения миноритарного участника при осуществлении права на получение информации по корпоративному праву России. С. 35–43.

формация корпорации», главу 2 «Предоставление информации миноритарным участникам корпорации», определяющую критерии обоснованности их интереса в получении таковой. Положения главы 2 раздела 3 Типового кодекса корпоративного управления коммерческих юридических лиц можно изложить в следующей редакции:

«Глава 2. Предоставление информации миноритарным участникам корпорации

1. Обоснованным интересом при получения миноритарными участниками корпорации информации является такой, который не допускает последующих злоупотреблений и посягательств на солидарный интерес компании в целом и интересы других субъектов корпоративных отношений.

2. О наличии у акционера обоснованного интереса в получении информации могут свидетельствовать:

– планирование продажи своих акций или доли в уставном капитале (в том числе в ходе процедур банкротства);

– подготовка к обращению в суд с требованием об оспаривании решения органа или договора хозяйственного общества либо о привлечении к ответственности органов общества;

– подготовка к участию в общем собрании акционеров.

3. Общество вправе отказать участнику корпорации в предоставлении информации со ссылкой на наличие необоснованного интереса в следующих случаях:

– в случае заявления участником корпорации требования о предоставлении информации и документов, относящихся к прошлым периодам деятельности корпорации;

– в случае запроса документов, явно не представляющих ценности с точки зрения их экономического и юридического анализа (в том числе по причине истечения сроков исковой давности и т. д.);

– в случае отсутствия доказательств объективной необходимости в запрашиваемой информации, повторяемости поведения миноритарного участника корпорации;

– в случае действий, направленных не на добросовестную защиту собственных интересов, а на создание объективных трудностей для ведения хозяйственной деятельности корпорации и осуществления ее участником своих интересов».

Предложенные признаки, безусловно, не являются исчерпывающими и подлежат уточнению и дополнению в зависимости от специфики деятельности коммерческой корпорации. Более пристальное внимание к поставленной проблеме на уровне федерального органа исполнительной власти и локального правового регулирования обеспечит разрешение корпоративных конфликтов, связанных с правом на получение информации миноритарными участниками корпорации, ибо интерес одного из них не должен вступать в противоречие с интересами других¹.

По справедливому суждению О. А. Макаровой, «законодательство создает основу для правового регулирования корпоративных отношений, но оно не может и не должно стремиться урегулировать в деталях все вопросы деятельности корпорации»². В связи с чем нельзя не согласиться с авторитетным мнением ученой о возрастающей роли так называемого мягкого регулирования, или саморегулирования.

Недобросовестность при реализации права на участие в организации и проведении общего собрания – нередкое явление. Недобросовестные акционеры, злоупотребляя предоставленными им п. 2 ст. 47 ФЗ «Об акционерных обществах» правами, могут умышленно создавать препятствия для присутствия на собрании иных акционеров общества, определяя местом проведения собрания, например, паромходы, казино, режимные предприятия, отдаленные от города, и т. д. В постановлении Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 31 марта 2003 г. № А44-1423/02-С12 отмечено: «Определение потенциальных мест прове-

¹ Подробнее см.: Черкасова О. В. Обоснованный интерес как критерий добросовестного поведения миноритарного участника при осуществлении права на получение информации по корпоративному праву России.

² Макарова О. А. Корпоративное право: учеб. и практикум для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2019. С. 57.

дения собраний, находящихся вне пределов Российской Федерации и автономных от места нахождения общества, создает реальное препятствие тем или иным акционерам (прежде всего физическим лицам) участвовать в общих собраниях акционеров и по смыслу ст. 10 ГК РФ является злоупотреблением правом». В таком случае будет нарушено право акционеров на равный доступ к участию в общем собрании акционеров с правом голоса по всем вопросам его компетенции (п. 2 ст. 31 ФЗ «Об акционерных обществах»)¹. Важным обстоятельством, которое было учтено при вынесении судебного акта, послужило то, что «общество и его акционеры не осуществляют какой-либо деятельности в тех иностранных государствах, где расположены соответствующие населенные пункты, в связи с чем определение их в качестве мест проведения общих собраний не связано с особенностями хозяйственной деятельности общества или местом пребывания его акционеров»².

Злоупотребление правом участника корпорации может быть связано также с неявкой на голосование с целью недобора кворума и необоснованным голосованием «за» или «против» конкретного решения.

Из практики Арбитражного суда Свердловской области можно привести следующий пример. Налоговая инспекция предъявила к товариществу с ограниченной ответственностью иск о ликвидации в связи с тем, что учредительные документы не были приведены в соответствие с ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью». «Между участниками имелись расхождения по поводу управления имуществом общества. Один из мажоритарных участников, имеющий 60 % доли в уставном капитале, предъявил иск к другим участникам об обязанности подписать новую редакцию устава и учредительного договора». В процессе рассмотрения дела суд установил, что «для ответчиков, обладающих в совокупности меньшей долей в уставном капитале, чем истец, ликвидация общества выгодна. В пользу довода суда о недобросовестности ответчиков свидетельствовали: заяв-

¹ Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 31 марта 2003 г. № А44-1423/02-С12 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.07.2021).

² Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации: информ. письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 ноября 2008 г. № 127 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 15.05.2021).

ленное ходатайство о приостановлении производства по делу до вступления в законную силу решения о ликвидации, уклонение от таких конструктивных действий, как заключение мирового соглашения по делу, отказ от подписания учредительного договора и устава общества в новой, ими же предложенной редакции». Сославшись на ст. 10 ГК РФ, суд расценил поведение ответчиков как злоупотребление правом и удовлетворил исковые требования, обязав ответчиков подписать учредительный договор и устав товарищества в новой редакции¹.

В другом деле с аналогичными обстоятельствами суд применил иной подход. ОАО «Акрон» и компания «Гидро Агри Руссланд А. С.» являлись акционерами ЗАО «Нордик Рус Холдинг», им принадлежали 51 и 49 % акций общества соответственно. 18 июня 2002 г. состоялось общее собрание акционеров, на повестку дня которого был вынесен вопрос о внесении изменений в устав общества в связи с принятием Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон „Об акционерных обществах»». На собрании каждый из акционеров предложил свой вариант изменений и голосовал против варианта, предложенного другим акционером; в результате решение о внесении изменений в устав общества не было принято. ЗАО «Нордик Рус Холдинг» обратилось в суд с иском к ОАО «Акрон» и компании «Гидро Агри Руссланд А. С. «об обязании ответчиков принять на общем собрании акционеров акционерного общества решение о приведении его устава в соответствие с требованиями упомянутого закона». Судебными инстанциями в иске было отказано. Суды посчитали, что «обязанность привести учредительные документы общества в соответствие с нормами закона существует у общества перед государством, т. е. носит публично-правовой характер. Законом предусмотрено применение публично-правовых санкций в виде ликвидации общества в случае неисполнения этой обязанности»². Согласно ст. 31 ФЗ «Об акционерных обществах» «участие в общем собрании акционеров с правом голоса является правом, а не обязанностью

¹ Савицкий П. Арбитражная практика рассмотрения споров, связанных с применением пунктов 1 и 2 ст. 10 ГК РФ // Федеральный арбитражный суд Уральского округа. Практика. Обзоры. Комментарии. 2004. № 3–4 (19–20). URL: <http://www.fasuo.ru/publication.asp?id=162> (дата обращения: 10.10.2020).

² Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 31 марта 2003 г. № А44-1423/02-С12 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.07.2021).

акционеров. Если акционеры не достигли согласия при голосовании по вопросу о внесении изменений в устав общества, это еще не повод считать их недобросовестными, поскольку действия акционера направлены на защиту своих прав, а не исключительно на причинение вреда другому лицу».

Приведем пример из практики Арбитражного суда Уральского округа. Судом было удовлетворено требование «об обязанности общества провести внеочередное общее собрание акционеров. В рамках данного дела акционер указал на неправомерность отказа в созыве собрания для решения вопросов о досрочном прекращении полномочий и избрании членов совета директоров, внесении изменений в документы общества». Суд пришел к выводу, что «предусмотренных законом оснований для отказа в проведении собрания не имеется. Заявитель указал, что предложенная истцом новая редакция устава была отвергнута и направлена на доработку, при этом в обществе для принятия новой редакции устава не имеется квалифицированного большинства (3/4) голосов акционеров, что было известно истцу, данные обстоятельства судами не исследовались. Такого рода действия со стороны акционеров также следует квалифицировать как недобросовестные»¹.

Таким образом, единообразный подход в судебной практике к установлению добросовестности участников общества при проведении общего собрания и голосовании отсутствует. Полагаем, что поведение акционеров должно рассматриваться через призму правомерности и обоснованности их интереса с перспективой взыскания убытков с недобросовестного участника корпорации.

В результате проведенного анализа представляется целесообразным сформулировать обстоятельства, которые необходимо учитывать при оценке добросовестности поведения участника корпорации при проведении общего собрания. Их следует закрепить в разделе 4 «Стандарты добросовестности при проведении общего собрания учредителей (участников) корпорации» предлагаемого выше **Типового кодекса корпоративного управления коммерческих юридических**

¹ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16 мая 2017 г. № Ф09-1269/17 по делу № А60-40534/2016 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.05.2021).

лиц, утвержденного Министерством экономического развития Российской Федерации. Данный раздел предлагается изложить в следующей редакции:

«Раздел 4. Стандарты добросовестности при проведении общего собрания учредителей (участников) корпорации

При проведении общего собрания учредителей (участников) корпорации должны соблюдаться следующие условия:

1) места проведения общих собраний учредителей (участников) корпорации должны определяться с учетом реальной возможности всех участников реализовать свое право на участие в собрании, в частности, по месту нахождения или деятельности корпорации;

2) учредители (участники) не вправе уклоняться от конструктивных шагов (консенсуса) при заключении мирового соглашения, подписании учредительного договора, участии в разработке и принятии устава».

В последнее время в практике все чаще стали встречаться случаи злоупотребления правом, состоящие в использовании участниками корпораций административных актов государственных органов и органов местного самоуправления, принимающих решения: о государственной регистрации юридических лиц, изменений, вносимых в учредительные документы, в состав органов управления юридическим лицом и т. д. (налоговая инспекция); о выделении земельных участков в пользование (администрация); о государственной регистрации выпусков ценных бумаг (Центральный банк России, регистратор, биржа, центральный депозитарий); о государственной регистрации прав на недвижимое имущество (регистрационная служба) и т. д. На одном из таких злоупотреблений, связанном с выпуском ценных бумаг (дополнительная эмиссия), мы остановимся подробнее.

В деловой практике гражданского оборота сложилось традиционное поведение мажоритарного акционера, при котором его основной целью является получение максимального корпоративного контроля или максимальной прибыли. Однако методы, посредством которых достигается эта цель, не всегда отвечают критерию добросовестности. Использование подконтрольного менеджмента для дополнительной эмиссии акций, реорганизации акционерного общества, соверше-

ния крупных сделок с заинтересованностью – вот те немногие виды злоупотреблений со стороны мажоритарного акционера.

С. Ю. Филиппова и И. С. Шиткина говорят о том, что «решение приобретать участие в корпорации путем приобретения дополнительно размещаемых акций или увеличения уставного капитала общества с ограниченной ответственностью может быть не интересно прежнему акционеру (участнику), поскольку он не получает возмещения, а также залогодержателю, поскольку ему в этом случае грозит обесценение акций (доли) как предмета залога, однако такой способ явно выгоден обществу, ведь оно увеличивает свои активы за счет вкладов в имущество корпорации»¹.

Вновь обратимся к судебной практике. Федеральный арбитражный суд Северо-Западного округа в рамках дела № А56-52975/2009 рассмотрел требование «о признании недействительными решения собрания акционеров открытого акционерного общества об увеличении уставного капитала, дополнительного выпуска акций, договора купли-продажи акций»². Истцы ссылались на то, что «вследствие дополнительной эмиссии акций и их отчуждения доля принадлежащих им акций общества, обеспеченных залогом, сократилась и перестала отвечать свойствам контрольного пакета акций». В удовлетворении требования судом было отказано, поскольку «оспариваемое решение не принято о правах и обязанностях истцов, не подтверждена недобросовестность акционерного общества при принятии решения и заключении договора». Обжалуя судебное решение, истцы указали на то, что «избрали надлежащий способ защиты права, поскольку в результате дополнительной эмиссии акций и размывания доли заложенных акций с 74,9 до 17,68 % стоимость предмета залога резко снизилась, что нарушает права и имущественные интересы истцов как кредиторов по обязательству, обеспеченному залогом»³.

¹ Филиппова С. Ю., Шиткина И. С. Продажа или приобретение бизнеса: правовое сопровождение сделки: моногр. М.: Статут, 2019. С. 13.

² Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 24 июня 2011 г. по делу № А56-52975/2009 // Электронное правосудие. Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 10.11.2020).

³ Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 24 июня 2011 г. по делу № А56-52975/2009 // Электронное правосудие. Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 10.11.2020).

Отказывая в удовлетворении иска, суд, увы, не обозначил четких критериев добросовестности и недобросовестности акционеров, на которых основывалось судебское усмотрение.

Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ в постановлениях от 21 марта 2006 г. № 13683/05¹, от 30 октября 2012 г. № 6936/12² высказал следующее мнение на этот счет: «Реализация акционером преимущественного права приобретения дополнительных акций общества позволяет ему сохранить размер своей доли в уставном капитале общества и права, гарантированные ему ФЗ „Об акционерных обществах“. Следовательно, дополнительная эмиссия акций общества, которую оно может провести в связи с увеличением количества объявленных акций, не может нарушать права акционеров общества. Если акционер не воспользуется преимущественным правом приобретения дополнительных акций, это свидетельствует о его ограниченных финансовых возможностях или о нежелании приобретать дополнительные акции, но не об ограничении его прав»³.

По нашему мнению, исходя из анализа приведенных выше примеров из судебной практики, выпуск дополнительной эмиссии в определенных обстоятельствах должен рассматриваться судами как акт злоупотребления, что, в свою очередь, может влечь последствия, предусмотренные ст. 10 ГК РФ, а также давать возможность пострадавшим лицам оспорить дополнительную эмиссию и взыскать убытки с недобросовестных участников. С учетом этого предлагается включить в вышеназванный **Типовой кодекс корпоративного управления коммерческих юридических лиц** раздел 5 «Стандарты добросовестности при проведении дополнительной эмиссии акций и изменении долей вкладов» и изложить его в следующей редакции:

«Раздел 5. Стандарты добросовестности участников корпорации при проведении дополнительной эмиссии акций и изменении долей вкладов

¹ Постановление Президиума ВАС РФ от 21 марта 2006 г. № 13683/05 по делу № А04-9129/04-15/406 // Вестн. ВАС РФ. 2006. № 7.

² Постановление Президиума ВАС РФ от 30 октября 2012 г. № 6936/12 по делу № А51-12302/2011 // Вестн. ВАС РФ. 2013. № 2.

³ Там же.

При проведении дополнительной эмиссии акций и увеличении размера уставного капитала корпорации необходимо учитывать следующие условия:

1) дополнительная эмиссия акций общества, которую оно может провести в связи с увеличением количества объявленных акций, не может нарушать права акционеров общества;

2) реализация одним акционером преимущественного права приобретения дополнительных акций общества позволяет другим акционерам сохранить размер своей доли в уставном капитале общества и права, гарантированные им Федеральным законом „Об акционерных обществах“;

3) увеличение размера уставного капитала корпорации не должно влиять на изменение размера долей ее вкладчиков и права, гарантированные им законом».

В контексте соблюдения принципа добросовестности вызывает некоторые вопросы участие в корпорации государства и других публично-правовых образований. В частности, неоднозначно толкуется гражданско-правовой статус публично-правового образования в контексте новеллы ст. 53.1 ГК РФ, в которой идет речь о добросовестности и разумности поведения лица, уполномоченного выступать от имени юридического лица, членов коллегиальных органов юридического лица и лиц, определяющих действия юридического лица.

В соответствии с п. 5 ст. 2 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 236-ФЗ «О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ к целям деятельности публично-правовой компании отнесены управление государственным имуществом, реализация особо важных проектов и государственных программ, в том числе по социально-экономическому развитию регионов, обеспечение модернизации и инновационного развития экономики, а также выполнение иных функций и полномочий публично-правового характера.

¹ О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 236-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2016. № 27 (ч. 1). Ст. 4169.

Согласно ст. 125 ГК РФ публично-правовые образования реализуют свои права и обязанности посредством выступающих от их имени органов государственной власти или местного самоуправления. Россия, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования, обладая двойной правосубъектностью, сочетают в себе как права и обязанности акционера, так и властные полномочия, заинтересованы в развитии стратегических отраслей экономики, в обеспечении политической и экономической безопасности, социальных интересов, стабильности имущественного оборота и сохранности государственного и муниципального имущества. Дуализм статуса публично-правового образования, или, как отмечают некоторые авторы¹, двойная правосубъектность, – особенность, которая присуща отношениям в сфере управления корпорациями с государственным участием.

Лица, являющиеся представителями интересов публично-правовых образований в корпоративных организациях, в юридической литературе обозначаются по-разному. Некоторые авторы применяют по отношению к ним термин «представители публичных интересов». Используются и иные термины: «профессиональные поверенные», «независимые директора», «представители интересов РФ»².

Еще в середине 1990-х гг. в российском праве появился институт поверенных, под которыми подразумевались граждане Российской Федерации, представляющие интересы государства в соответствии с договором в органах управления акционерных обществ, часть акций (доли, вклады) которых закреплена в федеральной собственности. Вместе с тем в юридической литературе неоднократно шла речь о неэффективности такого представительства со стороны государственных чиновников³.

С позиции цивилистической доктрины роль поверенных (директоров) не до конца определена. Таких лиц иногда определяют как «специальных профессиональных менеджеров, отвечающих квалификационным требованиям и выполня-

¹ Суханов Е. А. О юридических лицах публичного права // Вестн. граждан. права. 2011. № 2. С. 4–24.

² Трансформация роли государства в условиях смешанной экономики / под ред. А. Г. Зельднера, И. Ю. Ваславской. М.: Наука, 2006. С. 85 (автор главы – И. Ю. Ваславская).

³ Дмитриев Е. О. Правовое положение независимых директоров в акционерных обществах по законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 11.

ющих функции по повышению эффективности деятельности акционерного общества»¹, а поэтому их полномочия должны предусматриваться договором, в котором, помимо всего прочего, должно быть установлено, что от представителя ожидается добросовестное и разумное осуществление возложенных на него обязанностей и полномочий (поведенческий критерий)².

Между тем согласно ч. 2 п. 1 Положения о Федеральном агентстве по управлению государственным имуществом, утвержденного постановлением Правительства РФ от 5 июня 2008 г. № 432 «О Федеральном агентстве по управлению государственным имуществом»³, Федеральное агентство по управлению государственным имуществом (Росимущество) является уполномоченным федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции в области приватизации и полномочия собственника, в том числе права акционера и участника общества с ограниченной ответственностью, в сфере управления имуществом Российской Федерации (за исключением случаев, когда указанные полномочия в соответствии с законодательством России осуществляют иные федеральные органы исполнительной власти). Согласно же п. 1 Положения об управлении находящимися в федеральной собственности акциями акционерных обществ и использовании специального права на участие Российской Федерации в управлении акционерными обществами («золотой акции»), утвержденного постановлением Правительства РФ от 3 декабря 2004 г. № 738⁴ (далее – Положение от 3 декабря 2004 г. № 738), «права акционера акционерных обществ, акции которых находятся в собственности Российской Федерации... от имени Российской Федерации осуществляет Федеральное агентство по управлению государственным имуществом. Министерство обороны Российской Федерации, если иное не установлено Правительством Российской Федерации, в отношении акционерных обществ, созданных

¹ Бандурина Н. В. Правовое регулирование корпоративного управления федеральной собственностью в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 34–35.

² Макарова О. А. Договор с профессиональным директором в АО с государственным участием: некоторые проблемы // Гражданское право. 2014. № 4. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.05.2021).

³ О Федеральном агентстве по управлению государственным имуществом: постановление Правительства РФ от 5 июня 2008 г. № 432 (ред. от 28.12.2020) // Собр. законодательства РФ. 2008. № 23. Ст. 2721.

⁴ Об управлении находящимися в федеральной собственности акциями акционерных обществ и использовании специального права на участие Российской Федерации в управлении акционерными обществами («золотой акции»): постановление Правительства РФ от 3 декабря 2004 г. № 738 (в ред. от 31.03.2021 № 495) // Собр. законодательства РФ. 2004. № 50. Ст. 5073.

в результате приватизации находящихся в ведении Министерства обороны Российской Федерации федеральных государственных унитарных предприятий и акции которых находятся в собственности Российской Федерации, а также по решению Правительства Российской Федерации в отношении иных акционерных обществ, акции которых находятся в федеральной собственности, осуществляет права акционера от имени Российской Федерации».

Представителями России в корпоративных коммерческих организациях являются физические лица из числа замещающих государственные должности и должности государственной службы, избранные в установленном порядке в совет директоров из числа кандидатов, выдвинутых акционером – Российской Федерацией, которые осуществляют свою деятельность в совете директоров, а также иные лица, действующие в соответствии с договором и Положением от 3 декабря 2004 г. № 738 (п. 16).

В связи с этим возникает вопрос: распространяются ли на представителей публично-правовых образований в совете директоров обществ положения ст. 53.1 ГК РФ об ответственности за убытки, причиненные обществу? Ответ на данный вопрос зависит от того, какова степень свободы волеизъявления указанных лиц по вопросам повестки дня заседания совета директоров и каким образом это урегулировано законом¹.

Пункт 6 ст. 71 ФЗ «Об акционерных обществах», конкретизирующий право положения ст. 53.1 ГК РФ, по этому поводу гласит: «Представители государства или муниципального образования в совете директоров (наблюдательном совете) общества несут предусмотренную настоящей статьей ответственность наряду с другими членами совета директоров (наблюдательного совета) общества». Между тем в ст. 44 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» каких-либо указаний на этот счет не содержится.

Согласно пп. 17–20 Положения от 3 декабря 2004 г. № 738 представители интересов России в совете директоров корпорации при голосовании по вопросам

¹ Cherkasova O. V., Sosnovskikh S. P. Legal and social aspects of the state participation in the governance of the large corporations in Russia // E3S Web of Conferences. 2020. Vol. 222. URL: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202022206004> (дата обращения: 01.05.2021).

управления, равно как и по иной повестке дня заседания совета директоров, выражают не собственную волю, а, по сути, оглашают мнение Федерального агентства по управлению государственным имуществом, Министерства обороны РФ и Управления делами Президента РФ, выраженное в письменных директивах. Данные директивы оформляются письмом руководителей (заместителей) указанных государственных органов и регистрируются в специальном реестре, к нему прилагается: паспорт заседания органа управления открытого акционерного общества, акции которого находятся в собственности Российской Федерации, и пояснительная записка, содержащая обоснование предлагаемого проекта решения по каждому вопросу повестки дня и соответствующую позицию отраслевого федерального органа исполнительной власти¹. Очевидно, исходя из этого, Е. П. Губин полагает, что если представители государства в совете директоров (наблюдательном совете) голосовали в соответствии с выданными им директивами, то они не должны нести ответственность за последствия голосования, поскольку в этом случае отсутствуют установленные законом условия наступления ответственности, прежде всего вина такого лица².

Представляется, однако, что предписания п. 6 ст. 71 ФЗ «Об акционерных обществах», равно как и позиция Е. П. Губина, не соответствуют легальному и доктринальному статусу России и иных публично-правовых образований как субъектов гражданского права. Субъектом ответственности за причинение убытков обществу членами совета директоров (наблюдательного совета), представляющими публично-правовые образования, во всех случаях могут быть только сами публично-правовые образования, так как именно они являются участниками таких коммерческих корпоративных юридических лиц, а не их представители. При этом если это произошло вследствие исполнения ими директив Федерального

¹ См., например: Об упорядочении деятельности Федерального агентства по управлению федеральным имуществом в сфере корпоративного управления (вместе с «Рекомендациями для формирования позиции Российской Федерации по вопросу об утверждении годового отчета открытого акционерного общества, акции которого находятся в собственности Российской Федерации», «Рекомендациями для формирования позиции Российской Федерации по вопросу о согласовании сделки, в совершении которой имеется заинтересованность, и крупной сделки открытого акционерного общества, акции которого находятся в собственности Российской Федерации»): приказ Росимущества от 26 июля 2005 г. № 228 (ред. от 05.06.2015) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.05.2021).

² Корпоративное право: учеб. курс / отв. ред. И. С. Шиткина. М.: Статут, 2018. С. 307 (автор главы – Е. П. Губин).

агентства по управлению государственным имуществом, Министерства обороны РФ и Управления делами Президента РФ, то публично-правовые образования не вправе предъявить к ним какие-либо регрессные требования. Но в этой ситуации публично-правовые образования, возместившие убытки, причиненные корпорации вследствие выполнения их представителями в совете директоров директив указанных органов, имеют право обратного требования (регресса) к соответствующим должностным лицам Федерального агентства по управлению государственным имуществом, Министерства обороны РФ и Управления делами Президента РФ, утвердившим подобные директивы. Напротив, если представитель публично-правового образования при принятии решений советом директоров корпорации действовал в нарушение полученных директив либо действовал самостоятельно по вопросам, не входившим в содержание директивы, что повлекло причинение убытков обществу, то после их возмещения Российской Федерацией, субъектом РФ или муниципальным образованием последние по аналогии норм ст. 402 и п. 2 ст. 124 ГК РФ имеют право обратного требования (регресса) к своим представителям в совете директоров общества¹.

Таким образом, складывается ситуация, когда правовые последствия действий представителей публично-правовых образований в органах управления корпоративных коммерческих организаций определены лишь в положениях п. 6 ст. 71 ФЗ «Об акционерных обществах», которые, однако, как указывалось выше, неадекватны статусу участия данных образований в корпорации и нуждаются в уточнении. Кроме того, ст. 44 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» не содержит нормы, регулирующей ответственность публично-правового образования за действия их представителей в коллегиальном органе общества с ограниченной ответственностью. Предписаний на этот счет нет также в общей норме ст. 53.1 ГК РФ «Ответственность лица, уполномоченного выступать от имени юридического лица, членов коллегиальных органов юридического лица и лиц, определяющих действия юридического лица».

¹ Черкасова О. В. Публично-правовые образования как субъект ответственности в корпоративных отношениях // Муниципалитет. 2018. № 9. С.72–76.

В целях восполнения указанных пробелов в праве представляется целесообразным:

а) п. 2 ст. 53.1 ГК РФ дополнить абзацем 2 и изложить его в следующей редакции: **«Ответственность, предусмотренную пунктом 1 настоящей статьи, за действия представителей Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в коллегиальных органах юридического лица, которые повлекли причинение юридическому лицу убытков, несут Российская Федерация, субъект Российской Федерации и муниципальное образование. Российская Федерация, субъект Российской Федерации и муниципальное образование в случае возмещения ими убытков, причиненных юридическому лицу их представителем в коллегиальных органах юридического лица, имеют право регресса к недобросовестному представителю, действовавшему в нарушение выданной ему директивы, либо к недобросовестному должностному лицу органа, выдавшего такую директиву»;**

б) п. 6 ст. 71 ФЗ «Об акционерных обществах» изложить в следующей редакции: **«Ответственность, предусмотренную настоящей статьей, за действия представителей Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в коллегиальных органах общества (совете директоров, наблюдательном совете), которые повлекли причинение обществу убытков, несут Российская Федерация, субъект Российской Федерации и муниципальное образование.**

Российская Федерация, субъект Российской Федерации и муниципальное образование в случае возмещения ими убытков, причиненных обществу их представителем в коллегиальных органах общества (совете директоров, наблюдательном совете), имеют право регресса к недобросовестному представителю, действовавшему в нарушение выданной ему директивы, либо к недобросовестному должностному лицу органа, выдавшего такую директиву».

в) п. 2 ст. 44 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» дополнить абзацем 2 и изложить его в следующей редакции: **«Ответственность,**

предусмотренную абзацем первым пункта второго настоящей статьи, за действия представителей Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в коллегиальных органах общества (совете директоров, наблюдательном совете), которые повлекли причинение обществу убытков, несут Российская Федерация, субъект Российской Федерации и муниципальное образование. Российская Федерация, субъект Российской Федерации и муниципальное образование в случае возмещения ими убытков, причиненных обществу их представителем в коллегиальных органах общества (совете директоров, наблюдательном совете), имеют право регресса к недобросовестному представителю, действовавшему в нарушение выданной ему директивы, либо к недобросовестному должностному лицу органа, выдавшего такую директиву».

Вместе с тем возникает необходимость также урегулировать порядок возмещения публично-правовыми образованиями убытков, причиненных в указанных ситуациях юридическим лицам, так как в настоящее время ни ГК РФ, ни Бюджетный кодекс РФ¹ (далее – БК РФ) не содержат каких-либо предписаний на этот счет. В связи с этим целесообразно в гл. 24.1 БК РФ включить ст. 242.7 «Особенности исполнения судебных актов по искам к Российской Федерации, субъекту Российской Федерации, муниципальному образованию в связи с участием в коммерческих юридических лицах», изложив ее в следующей редакции:

«1. Для исполнения судебных актов по искам к Российской Федерации, субъекту Российской Федерации, муниципальному образованию, вытекающим из участия в корпоративных отношениях коммерческих юридических лиц, в том числе искам о возмещении юридическому лицу убытков, причиненных представителями Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в коллегиальном органе управления юридического лица (совете директоров, наблюдательном совете), за счет казны соответствующего уровня, исполнительные документы направляются в Министерство финансов Российской Федерации, в финансовый орган субъек-

¹ Бюджетный кодекс Российской Федерации // Собр. законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.

екта Российской Федерации или финансовый орган муниципального образования.

2. В целях реализации Российской Федерацией, субъектом Российской Федерации, муниципальным образованием права регресса, установленного пунктом 3.1 статьи 1081 Гражданского кодекса Российской Федерации, Министерство финансов Российской Федерации или соответствующий финансовый орган уведомляют главного распорядителя средств федерального бюджета, бюджета субъекта Российской Федерации или бюджета муниципального образования об исполнении судебных актов за счет казны Российской Федерации, казны субъекта Российской Федерации, казны муниципального образования о возмещении убытков».

С учетом этого необходимо внести изменения в п. 3.1 ст. 1081 ГК РФ, а именно после слов «предусмотренным статьями» включить слова «51.1,».

Следует отметить, что действие диспозитивных норм гражданского права в отношении корпораций с государственным участием ограничено. Хозяйственные общества, в уставном капитале которых доля участия Российской Федерации, субъекта Российской Федерации, муниципального образования в совокупности превышает 50 %, ограничиваются в свободе заключения договоров и должны осуществлять закупки товаров, работ и услуг в соответствии с требованиями Федерального закона от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ (в ред. от 05.04.2021) «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»¹.

Вместе с тем государственные и муниципальные образования могут надеяться созданные ими юридические лица публичными функциями, в том числе правом разработки обязательных правил в той или иной сфере. Так, созданная Российской Федерацией государственная корпорация «Росатом» является в соответствии со ст. 2 Федерального закона от 1 декабря 2007 г. № 317-ФЗ (в ред. 07.04.2020) «О Государственной корпорации по атомной энергии „Росатом“»² уполномоченным органом управления использования атомной энергии. Хотя

¹ О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц: Федеральный закон от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ (в ред. от 05.04.2021) // Собр. законодательства РФ. 2011. № 30 (ч. 1). Ст. 4571.

² О государственной корпорации по атомной энергии «Росатом»: Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 317-ФЗ (в ред. 07.04.2020) // Собр. законодательства РФ. 2007. № 49. Ст. 6078.

нельзя не отметить, что все участники данного холдинга являются либо государственными корпорациями, либо государственными унитарными предприятиями. С 1 января 2017 г. Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 343-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „Об акционерных обществах“ и Федеральный закон „Об обществах с ограниченной ответственностью“ в части регулирования крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность»¹ закреплено новое правило, ранее поддерживаемое судебной практикой: государство не признается контролирующим лицом для целей определения сделок, в совершении которых имеется заинтересованность. Следовательно, применительно к заключению аффилированных сделок государство поставлено в положение более благоприятное по сравнению с иными акционерами. Законодательное нововведение обусловлено тем, что государство должно участвовать в управлении значимыми для экономики страны корпорациями с целью определения их политики. Следует отметить также, что государственные корпорации к числу коммерческих не относятся, обладая особым статусом некоммерческой организации в соответствии с ФЗ от 12.01.1996 N 7-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О некоммерческих организациях»², и сочетают в себе признаки, как юридического лица, так и государства, поскольку наделяется властными полномочиями.

Таким образом, правовое регулирование в части привлечения к имущественной ответственности такого специфического субъекта гражданских прав, как публично-правовое образование в корпоративных отношениях коммерческих юридических лиц, требует детализации на уровне специальных норм гражданского законодательства. Только в этом случае судебные органы смогут выработать оценочные подходы к пониманию добросовестного и разумного поведения Российской Федерации в деятельности корпораций с учетом их двойной правосубъектности. В связи с этим предлагается в ст. 53.1 ГК РФ включить пункт 6 и изложить его в следующей редакции: **«При осуществлении полномочий участника**

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» в части регулирования крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность: Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 343-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2016. № 27 (ч. II). Ст. 4276.

² Федеральный закон от 12.01.1996 N 7-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собр. законодательства РФ. 1996. № 3. С. 143.

юридического лица Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования, исходя из публичных интересов, не должны при этом нарушать права и законные интересы иных учредителей (участников) юридического лица. Представители Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований при реализации права на участие в юридическом лице должны действовать добросовестно и разумно».

2.2. Реализация принципа добросовестности при осуществлении полномочий управления корпоративными коммерческими юридическими лицами

Как известно, юридически воля любых юридических лиц реализуется посредством органов управления. При этом, как обоснованно отмечает В.А. Болдырев, количество и состав органов управления юридических лиц, созданных публично-правовыми образованиями, что в принципе характерно для управления любыми юридическими лицами, определяется по двум основным моделям: *контролируемого единоличного управления и корпоративного управления*¹.

В корпоративных коммерческих юридических лицах структура органов управления формируется по второй из приведенных выше моделей. Так, в качестве таковых в хозяйственных товариществах и обществах выступают общее собрание участников (учредителей в ООО и акционеров в АО), совет директоров, единоличный исполнительный орган (директор, генеральный директор, президент), которые и осуществляют руководство деятельностью общества. Вместе с тем руководство коммерческой организацией может осуществляться управляющим (индивидуальным предпринимателем) или управляющей коммерческой организацией.

В рамках реформы гражданского законодательства был принят ряд нововведений, связанных с расширением полномочий исполнительного органа корпорации. Единоличный исполнительный орган корпорации образуется на основании ст. 65.3 ГК РФ и имеет особое правовое положение в силу задач, которые ставят перед ним участники. При этом п. 3 ст. 65.3 ГК РФ предусматривает возможность предоставления полномочий единоличного исполнительного органа корпорации сразу нескольким лицам, действующим совместно, или образования нескольких единоличных исполнительных органов, действующих независимо друг от друга.

О. В. Осипенко отмечает, что «гл. 4 ГК РФ в ее новой версии сохранила прежнюю доктринальную логику правового обустройства операционного звена

¹ Болдырев В.А. Гражданско-правовая конструкция юридического лица несобственника: автореф. дис. д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2013. С. 7.

юридического лица: единоличный исполнительный орган должен быть в компании в обязательном порядке, коллегиальный исполнительный орган по-прежнему имеет „субсидиарную природу“ (может иметься, а может и отсутствовать – это на усмотрение авторов уставов компаний и в дальнейшем, естественно, их акционеров)»¹. Ученый полагает, что таким образом закон предоставляет возможность реализации известной в практике корпоративного управления технологии «двух ключей», где есть директор, который обладает набором определенных профессиональных навыков в той или иной отрасли, и директор, осуществляющий текущее управление корпорацией.

С одной стороны, нововведения открыли новые перспективы для руководства корпорацией, но с другой – все чаще стали возникать и усугубляться корпоративные конфликты, выливающиеся в длительные судебные тяжбы и, как следствие, колоссальные имущественные и личностные потери, как для компаний, так и для руководителей.

Причинение убытков лицом, ответственным за управление компанией, в результате совершения от его имени сделки или принятия иного управленческого решения – явление распространенное как для деловой, так и для судебной практики. В связи с этим регулярно возникает проблема установления правового основания ответственности единоличного исполнительного органа. Исходя из классического подхода, юридическим фактом, порождающим обязанность руководителя по возмещению убытков организации, выступает его противоправное поведение.

И российскими, и зарубежными исследователями предпринимались многочисленные попытки выработать общие правовые критерии оценки приемлемости того или иного управленческого решения для удовлетворения как частного, так и публичного интересов. Как уже было отмечено ранее, в англосаксонской правовой системе директор компании, по сути, занимает позицию фидуциария, т. е. лица, которому вверено управление имуществом в интересах другого лица; его фидуци-

¹ Осипенко О. В. Управление акционерным обществом в условиях реформы корпоративного права. М.: Статут, 2016. Доступ из: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.01.2022).

арные обязанности предусматриваются «правом справедливости»¹. По мнению Л. Рибштейна, «фидуциарная обязанность является продолжением управленческой компетенции руководителя, которая делегируется ему от собственников»². Как отмечает Б. Носворти, «фидуциарным отношениям между руководителем и собственником отведена ключевая роль в обеспечении добросовестного поведения органа управления»³.

Б. Носворти и Л. Рибштейн стандарты поведения руководителя организации называют фидуциарными обязанностями. Руководитель – это доверенное лицо компании, интересы которой для него существуют наравне с его личными интересами, его основная цель – достичь процветания организации посредством разумного и добросовестного руководства.

В условиях становления национальной рыночной экономики успешность деятельности компаний во многом предопределена качеством профессиональных решений руководителя организации, которое зависит от реализации морально-этических принципов, предусмотренных гражданским законодательством. В связи с этим как в доктрине, так и в практике правоприменения нередко возникают противоречия относительно пределов осуществления «на свой страх и риск» предпринимательской деятельности и соблюдения оценочных стандартов добросовестности и разумности. Встает дилемма: где заканчивается ответственность единоличного исполнительного органа юридического лица и начинаются последствия, зависящие только от конъюнктуры рынка товаров и услуг?

В отношении имущества хозяйственных обществ существуют несовпадающие интересы множества лиц. При принятии любого управленческого решения найдется тот, чей имущественный интерес будет затронут этим решением. Как справедливо отмечает А. Ю. Бушуев, «выработать безупречные алгоритмы учета

¹ Будылин С. Л. Разум и добрая совесть: обязанности директора в США, Великобритании, России // Вестн. ВАС РФ. 2013. № 2. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.07.2021).

² Ribstein L. E. Are Partners Fiduciaries? // University of Illinois Law Review. 2005. Vol. 20. Iss. 6. P. 212.

³ Nosworthy B. Directors' Fiduciary Duty of Disclosure: The Case (s) Against // University of New South Wales Law Journal. 2016. Vol. 39. P. 1391.

многочисленных факторов при принятии решений органами управления коммерческих организаций – задача повышенной сложности»¹.

Представляется, что найти решение данной проблемы возможно, задав правильную «правоприменительную траекторию» нормы п. 3. ст. 53 ГК РФ, устанавливающей, что лицо, которое в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица уполномочено выступать от его имени, должно действовать в интересах представляемого им юридического лица добросовестно и разумно. Аналогичная обязанность возложена на членов коллегиальных органов юридического лица.

Это положение было развито в нормах ст. 71 ФЗ «Об акционерных обществах» и ст. 44 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью». Кроме того, уже на протяжении нескольких лет в России по аналогии с англосаксонским правом активно развивается область законодательства, посвященная гражданско-правовой ответственности директоров перед самим юридическим лицом и его участниками (акционерами), где речь идет о реализации принципа добросовестности в корпоративных отношениях через возмещение убытков. В данном случае подразумеваются ситуации, предусмотренные ст. 53.1 ГК РФ, когда общество или его участник вправе обратиться в суд с иском о взыскании с директора убытков за его недобросовестные и неразумные действия.

Как уже неоднократно подчеркивалось, положениями п. 3 ст. 10 ГК РФ установлена презумпция добросовестности и разумности участников гражданских правоотношений.

Управляющая коммерческая организация также входит в число субъектов, обязанных действовать в интересах юридического лица добросовестно и разумно². Поскольку директор управляющей организации может давать ей обязательные указания, он также несет ответственность за убытки. Следовательно, исходя из п. 4 ст. 53.1 ГК РФ, управляющая организация и ее руководитель будут нести

¹ Бушуев А. Ю. О свободе принятия бизнес-решений и правовых критериях определения ее границ: критерий явной очевидности // Арбитраж. споры. 2013. № 3. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.05.2021).

² Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 6 декабря 2018 г. по делу № А50-9561/2018 // Электронное правосудие. Картоoteca арбитражных дел. URL: <http://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 10.11.2020).

субсидиарную ответственность по обязательствам организации. Этот вывод перекликается с п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующего должника лиц к ответственности при банкротстве»: «Если в качестве руководителя (единоличного исполнительного органа; далее – руководитель) должника выступает управляющая компания (пункт 3 статьи 65.3 ГК РФ), предполагается, пока не доказано иное, что контролирующими должника лицами являются как эта управляющая компания, так и ее руководитель, которые по общему правилу несут ответственность, указанную в статьях 61.11–61.13, 61.20 Закона о банкротстве, солидарно (пункты 3 и 4 статьи 53.1 ГК РФ, абзац первый статьи 1080 ГК РФ)»¹.

Положение о возможности привлечения к ответственности контролирующего лица было заимствовано из стран с прецедентной правовой системой. Так, в английском праве уже не одно десятилетие присутствуют нормы об ответственности контролирующего лица. В Англии в результате реформы корпоративного законодательства был принят Закон о компаниях 2006 г.², который ввел персональную ответственность директора по обязательствам юридического лица³. Данное правило действует, если вследствие деятельности организации происходит обман кредиторов. Главная проблема применения данной нормы в английском праве связана с высокими требованиями к доказыванию злоупотребления правом со стороны единоличного исполнительного органа. Другими словами, истец должен представить ясные, убедительные доказательства наличия признаков недобросовестности директора.

В отличие от английского права в корпоративном законодательстве США нет единообразных актов о корпорациях и поэтому правовой статус корпорации определяется законами отдельных штатов, содержащими общие нормы, применяемые ко всем корпорациям, независимо от вида их деятельности (*General*

¹ О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 // Бюл. Верховного Суда РФ. 2018. № 3.

² Hood P. Directors' Duties Under the Companies Act 2006: Clarity or Confusion? // Journal of Corporate Law Studies. 2013. Vol. 13. No. 1. P. 1–48.

³ Лаптев В. А. Корпоративное право: правовая организация корпоративных систем: моногр. М.: Проспект, 2019. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.05.2021).

Corporation Law)¹. Вместе с тем Ассоциацией американских юристов разработан Примерный закон о предпринимательских корпорациях (*Model Business Corporation Act*)², который используется в качестве основы для принятия аналогичных правовых актов во многих штатах.

Согласно данному модельному акту только виновное поведение директоров и управляющих корпораций при исполнении возложенных на них обязанностей может служить основанием для личной гражданско-правовой ответственности. В отношении директоров корпорации устанавливается солидарная ответственность, поскольку по закону они осуществляют свои полномочия в составе коллегиального органа – правления директоров. В связи с этим директорам, привлеченным к ответственности, предоставлено право на предъявление к своим коллегам регрессных исков о возмещении приходящихся на их долю убытков. В отношении управляющих, которые не занимают должности директоров корпорации, принцип солидарной ответственности не применяется, поскольку они при исполнении своих обязанностей действуют индивидуально. Иные основания ответственности директоров и управляющих корпораций определяются на базе общих норм обязательственного права, посвященных договорной и внедоговорной ответственности³.

По мнению М. Айзенберга, в качестве двух важнейших стандартов поведения в американском корпоративном праве «выступают обязанности действовать заботливо (*duty of care*) и быть лояльным (*duty of loyalty*). Поэтому руководитель, который подчиняет свои действия стандарту поведения, застрахован от возможности привлечения его к ответственности»⁴.

Еще раз обратим внимание на то, что такие понятия российского корпоративного права, как «корпорация», «корпоративная ответственность», «управлен-

¹ Этнюков В. Е. Правовые основы деятельности корпорации в США // Вестн. Моск. ун-та МВД России. 2010. № 8. С. 207.

² Model Business Corporation Act, 3rd Ed. Official Text. Revised through 2002. Adopted by the Committee on Corporate Laws of the Section of Business Law with support of the American Bar Foundation // LexisNexis Legal & Professional. URL: https://www.lexisnexis.com/documents/pdf/20080618091347_large.pdf (дата обращения: 05.11.2020).

³ Лордкипанидзе А. Г. Имущественная ответственность в капиталистической акционерной компании (Франция, Англия, США). М.: Изд-во ВНИИСЗ, 1981. С. 28.

⁴ Eisenberg M. E. The Divergence of Standards of Conduct and Standards of Review in Corporate Law // Fordham Law Review. 1993. Vol. 62. № 437. P. 442.

ческие решения», «добросовестность» и «разумность» руководителя, «добросовестность» и «разумность» контролирующего лица, были заимствованы из англо-американского права. Является ли такая рецепция положительной для российской действительности – вопрос дискуссионный.

С одной стороны, сегодня конвергенция правовых систем представляется вполне естественным процессом, ведущим к унификации правовых норм, выработке единых стандартов, в том числе в области гражданских правоотношений вообще и корпоративных правоотношений в частности. С другой стороны, как отмечает А. А. Иванов, российским правом были заимствованы нормы англосаксонского права, совершенно чуждые ему по духу. Если англосаксонское право основано на доверии к частным лицам в регулятивных отношениях, где работает принцип «Все, о чем договорились, пусть и неформально, приемлемо», и является крайне жестким в отношениях охранительных, то российское право, напротив, исходит из недоверия к частным лицам. В силу этого контрагенты постоянно проверяют друг друга. Свидетельство тому – обязательная письменная форма для большинства договоров. Но, очевидно, это обусловлено эксцессами воссоздания в стране рыночной экономики и адекватного ей механизма правового регулирования отношений предпринимательства. Поэтому, чтобы «либерализовать» отечественное право, необходимо, по мнению ученого, «преодолевать государственный патернализм и узость охранительного подхода юристов»¹.

Соглашаясь с мыслью автора о том, что менталитет и правовая культура в нашем государстве, равно как и социально-экономическое состояние общества, отличаются особыми национальными чертами, нельзя, тем не менее, не отметить, что внедрение нравственно-этических начал на уровне норм права предопределило самобытный путь развития правотворчества, ведущий к усилению лично-доверительных частных начал в гражданских правоотношениях.

Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в

¹ Иванов А. А. Бизнес и право // Вестн. экон. правосудия Рос. Федерации. 2016. № 8. Доступ из СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 17.07.2021).

состав органов юридического лица» во многом откорректировало наши представления об основаниях возникновения ответственности за убытки, причиненные менеджментом корпорации. Разъяснения, которые дала высшая судебная инстанция, стали первым серьезным шагом на пути к установлению стандартов разумности и добросовестности лиц, отвечающих за управление организацией. В соответствии с п. 4 данного постановления «добросовестность и разумность при исполнении возложенных на директора обязанностей заключаются в принятии им необходимых и достаточных мер для достижения целей деятельности, ради которых создано юридическое лицо, в том числе в надлежащем исполнении публично-правовых обязанностей, возлагаемых на юридическое лицо действующим законодательством».

Обобщая сложившуюся судебную практику, Высший Арбитражный Суд РФ сформулировал в п. 2 вышеуказанного постановления критерии неразумного и недобросовестного поведения лица, входящего в состав органа юридического лица. Так, недобросовестность действий директора считается доказанной, когда он: «действовал при наличии нераскрытого конфликта интересов; скрывал либо искажал информацию о совершенной им сделке; совершил сделку без требующегося в силу законодательства или устава одобрения соответствующих органов юридического лица; после прекращения своих полномочий уклонялся от передачи документов, касающихся обстоятельств, повлекших неблагоприятные последствия для юридического лица; заведомо знал или должен был знать о том, что сделка не соответствует интересам юридического лица (в частности, совершил сделку на заведомо невыгодных условиях или с заведомо неспособным исполнить обязательство лицом)».

Неразумность директора, согласно п. 3 постановления, считается доказанной, когда руководитель: «принял решение без учета необходимой информации; не принял мер для получения необходимой информации, если в данной ситуации разумно было бы отложить принятие решения до ее получения; совершил сделку без соблюдения обычно требующихся или принятых в организации внутренних

процедур для совершения аналогичных сделок (например, согласования с юридическим отделом, бухгалтерией и т. п.)».

Исходя из перечисленных критериев, можно предположить, что Высший Арбитражный Суд РФ предпринял попытку консолидации двух сложившихся цивилистических подходов к пониманию добросовестности: объективного и субъективного. С одной стороны, руководитель должен отталкиваться от внутреннего убеждения при предоставлении информации контрагентам, совершении сделки с учетом интересов организации. С другой стороны, исполнительный орган должен соблюдать некий внешний стандарт поведения, устанавливающий баланс взаимных интересов корпорации и ее участников.

Между тем применительно к руководителю (контролирующему лицу) коммерческой корпорации достаточно трудно провести четкую грань между категориями «добросовестность» и «разумность». Ранее, говоря о соотношении понятий добросовестности и разумности, мы пришли к выводу, что разумность выступает в качестве базового критерия добросовестного поведения. Исходя из данного постулата, можно утверждать, что разумность действий единоличного исполнительного органа корпорации предопределяет его добросовестное поведение.

Однако определяемые Высшим Арбитражным Судом РФ критерии не дают полноценного представления о позитивных обязанностях управляющего. Суд перечислил обстоятельства, которые однозначно свидетельствуют о совершении директором правонарушения в отношении компании. Между тем практика знает огромное количество примеров поведения директора, которое однозначно оценить достаточно сложно.

Так, согласно постановлению Федерального арбитражного суда Московского округа от 2 октября 2013 г. по делу № А40-136/12-103-1 об удовлетворении требования банка по взысканию убытков с председателя правления в связи с незаконными действиями, выразившимися в заключении им заведомо невозвратных кредитных договоров, суд, приняв во внимание установленные приговором Пресненского районного суда г. Москвы от 27 октября 2010 г. по уголовному делу № 1-388/2010 обстоятельства, пришел к выводу о виновности ответчика в причине-

нии обществу спорных убытков¹. Согласно решению Арбитражного суда, г. Москвы от 25 сентября 2013 г. по делу № А40-56721/13 вина директора была определена по результатам налоговой проверки, в ходе которой был установлен факт не проявления генеральным директором должной осмотрительности при осуществлении сделки с одним из контрагентов общества; налоговая инспекция пришла к выводу, что генеральным директором общества была заключена и оплачена фиктивная сделка с «фирмой-однодневкой». После вступления решения инспекции в силу общество обратилось в суд с иском о взыскании убытков с бывшего генерального директора. Суд, удовлетворяя требования общества, сделал вывод, что генеральный директор при заключении договора не проверил деловую репутацию компании и не обеспечил требуемого уровня разумной заботливости при выборе контрагента, заключив договор с заведомо неспособным исполнить обязательство лицом².

В рамках другого дела, рассматриваемого относительно недавно, у Верховного суда РФ сложилось противоположное мнение. «В передаче дела в Судебную коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ отказано. Суды исходили из того, что выводы, изложенные в приговоре районного суда, на который ссылается заявитель, не свидетельствуют о том, что действия, вменяемые банком в вину ответчика по настоящему делу, отвечали критериям добросовестного и разумного поведения руководителя общества и соответствовали интересам организации. В связи с этим суд заключил, что ответчиком не доказано наличие оснований для пересмотра судебного акта»³. Тем самым, на сегодняшний день, Верховный суд поменял позицию, указав на недостаточность для доказанности недобросовестности со стороны руководителя (контролирующего лица) только лишь вступившего в законную силу приговора суда.

¹ Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 2 октября 2013 г. по делу № А40-136/12-103-1 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.06.2021).

² Решение Арбитражного суда г. Москвы от 25 сентября 2013 г. по делу № А40-56721/13 // Электронное правосудие. Картоотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 10.11.2020).

³ Определение Верховного Суда РФ от 13.08.2020 N 308-ЭС18-4704 по делу N А53-2579/2017 Электронное правосудие. Картоотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 10.01.2022).

Как уже было отмечено выше, негативные последствия, наступившие для юридического лица, сами по себе не свидетельствуют о недобросовестности или неразумности действий (бездействия) руководителя, поскольку рискованный характер предпринимательской деятельности оказывает влияние на экономический результат. Убытки могли возникнуть в результате неблагоприятной рыночной конъюнктуры, недобросовестности контрагента, сотрудника или иного представителя юридического лица, а также обстоятельств непреодолимой силы.

Определенные научные разработки в сфере менеджмента также посвящены фидуциарным поведенческим стандартам руководителя коммерческой организации. Сложная, разнообразная работа управленца (менеджера) требует инициативного и творческого подхода, наличия определенных профессиональных и личностных качеств. По мнению Г. Минцберга, роль руководителя определена «набором поведенческих правил, соответствующих конкретному учреждению или конкретной должности». Ученый полагает, что руководители вырабатывают стратегии организации и служат основным информационным каналом связи организаций с окружающей средой, несут ответственность за результаты деятельности организаций¹.

Я. В. Михайлов предлагает трехуровневую квалификационную модель менеджера, которую называет «Трижды семь», так как каждый уровень включает семь требований к квалификации менеджера. В этой модели выделяются следующие уровни: 1) функциональные требования, обусловленные функциональным содержанием управленческого труда (способность понимать людей; качества лидера; управленческая компетентность; специальная компетентность; способность прогнозировать развитие событий; умение ставить цели; способность наладить взаимодействие и оптимальный контроль); 2) сервисные основные требования – наиболее значимые требования из тех, которые носят вспомогательный (служебный) характер по отношению к требованиям первого уровня (стремление к самосовершенствованию и развитию организации; четко сформулированные личные цели; энер-

¹ Минцберг Г. Структура в кулаке: создание эффективной организации / под ред. Ю. Н. Каптуревского. СПб.: Питер, 2004. С. 5–7.

гичность и настойчивость в достижении целей; владение стратегией эффективного мышления; продуктивное использование времени; высокие нравственные качества; физическое и психическое здоровье); 3) сервисные дополнительные требования, которые менее важны, чем основные, но желательны для успешного руководства (умение объективно оценивать события; организованность и высокая культура труда; гибкость; способность сохранять самообладание в непредвиденных ситуациях; необходимые технические знания; способность коротко и ясно говорить о деле)¹. Таким образом, наука менеджмента, как и юридическая наука, рассматривает разумность как совокупность объективных навыков и умений, а добросовестность – как консолидацию субъективных качеств руководителя.

С правовой точки зрения модель «Трижды семь» отчасти может быть использована в целях более широкого раскрытия категорий добросовестности и разумности применительно к директору коммерческой корпорации. Однако не стоит забывать и о том, что наличие профессиональных и личностных компетенций еще не есть свидетельство того, что менеджер компании будет действовать добросовестно и разумно. В связи с чем, такого рода научные результаты могут выполнять лишь факультативную, вспомогательную функцию в определении фидуциарных обязанностей руководителя.

Нельзя не отметить, что критерии разумного и добросовестного поведения участников корпорации были определены в Кодексе корпоративного управления, разработанном Центральным банком России и одобренном Правительством РФ в 2014 г.² Однако положения данного Кодекса, к сожалению, ориентированы только на акционерные общества, а не на все корпоративные коммерческие юридические лица – общества с ограниченной ответственностью, хозяйственные товарищества, производственные кооперативы, к тому же они носят громоздкий характер и содержат недостаточно четкие формулировки.

Всего в мире существует свыше 100 так называемых кодексов корпоративного управления. Такие документы приняты в Украине (2003 г.), Казахстане

¹ Михайлов Я. В. Эффективный менеджмент / под ред. М. И. Гельвановского. М.: Гелан, 2001. С. 68–70.

² О Кодексе корпоративного управления: письмо Банка России от 10 апреля 2014 г. № 06-52/2463 // Вестн. Банка России. 2014. № 40.

(2005 г.), Грузии (2009 г.), Армении (2010 г.), Азербайджане (2011 г.), США («Основные направления и проблемы корпоративного управления» 1994 г.), Франции (Доклад комиссии Вьено 1995 и 1999 гг.), Бразилии (Кодекс надлежащей практики 1999 г.), Германии (KODEX 1999 и 2014 гг.), Мексике, Румынии, Финляндии и т. д.¹

Правовой статус кодекса корпоративного управления неодинаков в разных странах. В некоторых странах наличие кодекса корпоративного управления выступает обязательным условием для получения допуска ценных бумаг к свободному обращению. В ряде государств такой документ, принятый на уровне ассоциаций директоров или отдельных крупных компаний, не является обязательным и выполняет лишь рекомендательную функцию.

Кодекс корпоративного управления, как правило, включает в себя рекомендации по подготовке и проведению общего собрания акционеров, задачи, возлагаемые на менеджеров, общие принципы осуществления деятельности совета директоров, информационную политику компании и др. Что характерно, Кодекс корпоративного управления РФ в большинстве своем состоит из рекомендаций по поводу созыва и проведения общего собрания и лишь в малой части посвящен деятельности руководящих органов.

Согласно п. 2.6.1 раздела II части А Кодекса корпоративного управления РФ «разумные и добросовестные действия членов совета директоров предполагают принятие решений с учетом всей имеющейся информации, в отсутствие конфликта интересов, с учетом равного отношения к акционерам общества, в рамках обычного предпринимательского риска. Руководящий орган должен стремиться к устойчивому и успешному развитию общества».

Для конкретизации критериев добросовестного поведения директора компании важно понимать, как эта категория соотносится с понятием предпринимательского риска.

¹ Чинкулов К. Р. Зарубежный опыт разработки кодексов корпоративного управления // Academy. 2016. № 8 (11). С. 29.

В постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 г. № 62 подчеркивается, что «при разрешении дел о недобросовестном и неразумном поведении руководителя необходимо применение конструкции разумного предпринимательского риска».

По мнению М. Ф. Лукьяненко, «понятие „разумный предпринимательский риск“ можно охарактеризовать как осознанный выбор субъектом предпринимательской деятельности одного из альтернативных вариантов поведения в рискованной ситуации, характеризующейся неопределенностью прогнозируемого результата и субъективностью его оценки»¹. В доктрине отмечается, что проблема заключается «в обнаружении грани между допустимым предпринимательским риском, без которого эффективная предпринимательская деятельность невозможна, и риском, признаваемым чрезмерным, когда действия или бездействия, повлекшие для общества ущерб, признаются виновными», т. е. такими, которые совершаются вопреки требованиям о добросовестности и разумности². При оценке разумности предпринимательского риска важно учитывать не только добросовестность и разумность действий руководителя, но и «обычные условия делового оборота».

В отличие от предпринимателя руководитель, принимая решения, не несет предпринимательского риска, который несет организация, а в конечном счете – ее акционеры (участники); предпринимательский риск при этом выражается в утрате средств, вложенных в уставной капитал хозяйственного общества. Руководитель должен уметь ориентироваться в постоянно меняющейся и труднопрогнозируемой ситуации на рынке и оперативно реагировать на новые обстоятельства. Решения, которые имели положительный эффект прежде, могут оказаться бесполезными и даже вредными сегодня. Нельзя заранее предугадать, какие действия руководителя будут наиболее результативны, и предложить единственно верный алгоритм принятия управленческих решений. Неопределенность и отсутствие известного заранее результата – одна из черт предпринимательской деятельности. Вме-

¹ Лукьяненко М. Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. М.: Статут, 2010. С. 220.

² Молотников А. Е. Ответственность в акционерных обществах. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 94

сте с тем участники хозяйственных обществ заинтересованы в том, чтобы менеджеры и члены совета директоров не пытались избежать риска, а наоборот, шли на него для максимизации прибыли и увеличения стоимости акций (долей)¹.

Советский правопорядок относительно четко формулировал признаки недопустимого поведения и даже устанавливал алгоритм ожидаемого управленческого поведения. Сегодня, когда Россия идет по пути развития рыночных отношений, основанных на добросовестной конкуренции, широкой свободе усмотрения хозяйствующих субъектов, праве на риск и на ошибку, говорить о четких пределах соотношения нравственно-этических категорий и предпринимательского риска не приходится.

Может пройти достаточно много времени с момента принятия управленческого решения до наступления результата. Исходя из вида деятельности компании, на последствия управленческого решения могут оказывать влияние многочисленные внутренние (компетентность руководства, производительность труда, эффективность финансового планирования и т. д.) и внешние (конъюнктура рынка, уровень цен на ресурсы, налоговые ставки и льготы, природные условия и т. д.) факторы, в том числе те, которые предприниматель не мог предвидеть и учесть.

Руководители обязаны учитывать риски и прогнозировать последствия предполагаемой сделки; эффективность деятельности хозяйствующего субъекта зависит от грамотного, но вместе с тем смелого и новаторского руководства.

Как отмечает В. В. Долинская, для риска характерны «самостоятельность и сознательное допущение любого результата деятельности, возможного несовпадения ожидаемого результата и того, который возникнет»². Предпринимательский риск в трактовке Е. П. Чорновола и И. Н. Бородиной – это «состояние предпринимателя, обусловленное неопределенностью экономических и других ситуаций в условиях недостаточности информации, выражающееся в неизбежности постоянного выбора в процессе осуществления предпринимательства при взаимодействии

¹ Цепов Г. В. Можно ли судить за глупость? Деловое суждение и его объективная оценка // Закон. 2015. № 12. С. 159–178.

² Долинская В. В. Акционерное право: основные положения и тенденции. С. 327.

объективных и субъективных факторов из множества вариантов того или иного поведения, в результате которого для него могут наступить определенные последствия, оказывающие влияние на его материальное, социальное и т. д. положение»¹. Как верно отмечает В. В. Ровный, следует «отграничивать экономический смысл риска от правового: если с точки зрения экономики риск как качество осуществляемой деятельности легко „уживается“ как с прибылью, так и с убытками и нулевым результатом и вообще никак не зависит от результата поведения предпринимателя, то в правовом отношении особое значение имеет его связь только с двумя последними результатами»².

Действительно, возникает неоднозначная ситуация, при которой оценка поведения руководителя компании, не являющегося по статусу предпринимателем, ориентируется на правила рыночной экономики. При этом за убытки, причиненные корпорации неправомерными действиями, директор отвечает персонально, своим личным имуществом. По нашему мнению, такая ответственность вполне приемлема, поскольку деятельность коммерческой организации не имеет абсолютной предпринимательской направленности, а во многом зависит от профессиональных личностных качеств руководителя, задающих вектор успеха для корпорации.

Представляется целесообразным рассматривать предпринимательский риск как объективно-субъективную категорию и определять его как «сочетание условий и обстоятельств субъективного и (или) объективного характера, опосредующих возможность наступления для предпринимателя неблагоприятных имущественных и / или неимущественных последствий»³. А. В. Золотухин справедливо полагает, что необходимым элементом риска, наряду с его вероятностной составляющей, обусловленной состоянием социальной реальности, которая существует вне воли и сознания действующего субъекта, «выступает также его субъективная

¹ Чернопол Е. П., Бородин И. Н. Социально-экономическая сущность и правовые формы предпринимательской деятельности // Российский конституционализм: история, настоящее и будущее (к 100-летию первой российской Конституции (1918 г.) и 25-й годовщине принятия Конституции Российской Федерации (1993 г.)): материалы III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. Дню юриста (г. Курган, 4 декабря 2018 года) / отв. ред. Е. П. Чернопол, И. Н. Бородин. Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2020. С. 264.

² Ровный В. В. Понятие и признаки предпринимательства (гражданско-правовой аспект) / под ред. А. И. Хаснудинова. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1998. С. 37.

³ Кораблев О. Г. Риск в предпринимательской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 20.

сторона, включающая сознание, волю и основанное на них принятие решений лицом, осуществляющим оценку и выбор определенного поведения», поскольку «риск всегда связан с расчетом вероятностного исхода, выбором существующих альтернатив и принятием решения относительно будущих действий»¹. На наш взгляд, подобный подход дает возможность предусмотреть последствия волевых действий, предпринятых в ситуации неоднозначности.

Для определения виновности законодатель использует категории осмотрительности и заботливости (п. 1 ст. 401 ГК РФ). Осмотрительность есть отношение участника правоотношения к внешнему миру – контрагентам, государству, в то время как заботливость – отношение к структуре управления, персоналу, бизнес-процессам и другим явлениям, т. е. внутреннему миру.

Следовательно, если, по словам Ю. Д. Жуковой, директор компании «небрежно относится к анализу обстоятельств заключения сделки и не принимает во внимание объективно существующий риск, не оценивает его и не принимает доступных ему мер для минимизации возможных отрицательных последствий, то его действия следует признавать неразумными и недобросовестными»². Однако такие действия не могут однозначно квалифицироваться как противоправное поведение и, как следствие, являться основанием для привлечения руководителя бизнес-структуры к имущественной ответственности за причиненные убытки. Для этого необходимо доказывать весь состав гражданского правонарушения: имущественный вред, противоправность поведения, причинно-следственную связь и наличие вины, которая, в свою очередь, может быть отчасти выражена в недобросовестном и неразумном поведении руководителя. Например, в постановлении Арбитражного суда Дальневосточного округа от 13 марта 2019 г. по делу № Ф03-604/2019 о взыскании убытков с бывшего руководителя подчеркнуто, что «обстоятельствами, подлежащими доказыванию в рамках заявленных требований и совокупность которых необходима для удовлетворения иска, являются: факт причинения убытков, недобросовестное (неразумное) поведение руководителя общества

¹ Золотухин А. В. К вопросу о понятии и признаках предпринимательского риска // Вестн. Перм. ун-та. Юрид. науки. 2015. № 2. С. 72.

² Жукова Ю. Д. Разумный предпринимательский риск руководителей хозяйственных обществ // Моск. юрист. 2013. № 1. С. 69.

при исполнении своих обязанностей, причинно-следственная связь между ненадлежащим исполнением обязанности и причиненными убытками, размер убытков»¹.

Тем самым признаки вины, подробно исследованные юридической наукой, по нашему мнению, могут отчасти способствовать определению критериев добросовестности и разумности руководителя корпорации. Вместе с тем полагаем, что между недобросовестным поведением и противоправным поведением ставить знак равенства недопустимо. Само по себе недобросовестное поведение руководителя, не повлекшее причинение имущественного вреда, не может служить основанием для привлечения руководителя к ответственности.

Доказывание в арбитражном процессе того, что поведение руководителя не отвечало критериям добросовестности и разумности, через призму предпринимательского риска является сложной задачей. Достаточно долго суды отказывали в удовлетворении исков по данному основанию. Вместе с тем судьям предписывалось принимать во внимание «иные обстоятельства, имеющие значение для дела», что предоставило им большой диапазон для усмотрения при оценке добросовестности и разумности поведения руководителя коммерческой организации. Однако, как справедливо отмечается в юридической литературе, «излишняя детализация здесь также может иметь негативные последствия, поскольку рисковый и самостоятельный характер предпринимательства диктует необходимость предоставления органам управления коммерческого объединения широкой дискреции в выборе способов организации своей деятельности»².

А. Ю. Бушев в качестве дополнительного критерия оценки судом решений руководителей предприятий предлагает использовать категорию «явная очевидность». Критерий явной очевидности можно внедрить на законодательном уровне по аналогии с такими правовыми установками, как «строго запрещено», «исключительно в случаях»³.

¹ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 13 марта 2019 г. по делу № Ф03-604/2019 // Электронное правосудие. Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 10.11.2020).

² Бушев А. Ю. О свободе принятия бизнес-решений и правовых критериях определения ее границ: критерий явной очевидности. С. 65–78.

³ Там же.

Подчеркнем, что есть риски, которые при принятии решения невозможно спрогнозировать заранее, а есть очевидные риски, которые нельзя не учесть при заключении сделки. Например, нельзя сослаться на рискованный характер предпринимательской деятельности при применении субсидиарной ответственности, если изначально физическое лицо не было платежеспособным, юридическое лицо не отличалось финансовой стабильностью либо не обеспечивалось надлежащее исполнение ими обязательств. Лицом, ответственным за принятие решения, в любом случае должны быть изучены те обстоятельства, которые ему были известны на момент его принятия¹. Такого рода условие освобождения от ответственности за «коммерческие неудачи» вполне соответствует потребностям предпринимательского оборота².

Квалификация тех или иных действий руководителя, оценка их добросовестности и разумности зависят от судебного усмотрения, о чем уже шла речь в рамках первой главы диссертационного исследования.

Так, в деле № Ф04-25994/2015 суды первой и апелляционной инстанций, частично удовлетворяя иски, пришли к выводу о доказанности совокупности обстоятельств, необходимых для взыскания убытков с бывшего директора общества. Констатируя сложность определения причинно-следственной связи возникновения убытков и установления их размера, суды с учетом приведенных критериев оценки убытков как неполученной прибыли, представленных в дело доказательств в их совокупности признали возможным применить при оценке предъявленного размера убытков судебное усмотрение и определили размер убытков. Вместе с тем суд кассационной инстанции указал, что, «как следует из материалов дела, ответчик неоднократно заявлял о пропуске срока исковой давности, указывая на то, что контролирующий участник общества знал об арендных отношениях с 2008 года. Указанным доводам ответчика судами оценки не дано;

¹ Курбатов А. Субсидиарная ответственность руководителей при несостоятельности (банкротстве) возглавляемых ими кредитных организаций // Хоз-во и право. 2007. № 7. С. 3–17.

² Поваров Ю. С. Акционерное право России: учеб. для магистров. 3-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2016. С. 705.

не приведено мотивов, по которым заявление ответчика о пропуске срока исковой давности отклонено»¹.

На наш взгляд, задача судебных органов по разрешению вопроса о привлечении руководителя к ответственности за неразумные и недобросовестные управленческие решения существенно облегчилась бы, если бы этические аспекты корпоративных отношений были частично урегулированы на уровне соглашений, специальных локальных актов организации, причем не только уставов.

Как правило, личные интересы руководителя и интересы корпорации не совпадают. Обязанность действовать добросовестно и разумно предполагает, что руководитель не может действовать в личных интересах и совершать сделки с заинтересованностью. Понятие заинтересованного лица в действующем гражданском законодательстве не определено. Вместе с тем заинтересованность следует устанавливать в каждом конкретном случае применительно к тем мотивам, по которым подается возражение.

Высший Арбитражный Суд РФ дал толкование заинтересованности в определении от 14 декабря 2011 г. № ВАС-12434/11. Согласно указанным разъяснениям заинтересованность руководителя включает в себя любой прямой или косвенный финансовый (материальный) интерес, выгоду, долю, бонус, иные привилегии и преимущества, которые лицо может получить непосредственно или через своего представителя, номинального держателя, родственника в результате заключения сделки. «Полномочия менеджера (главы) осуществляются с соблюдением им фидуциарной обязанности, т. е. обязанности действовать от имени юридического лица исключительно добросовестно, с соблюдением должной осмотрительности, в интересах работодателя. Такая обязанность запрещает лицу, действующему от имени общества, сделки с самим собой (запрет на заключение сделки через номинального приобретателя, с близким родственником, с юридическим лицом, где он или его родственники являются участниками, работают на управляющих позициях и т. п.) и иным образом обогащаться за счет совершаемой

¹ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 11 декабря 2015 г. № Ф04-25994/2015 // Электронное правосудие. Картоотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 10.11.2020).

сделки, если полностью не была раскрыта информация относительно заинтересованности менеджера или представителя, который заключает такую сделку, включая особенности того, какую выгоду он получит, прямо или косвенно или какие убытки понесет общество»¹.

Регламентация сделок с заинтересованностью в локальных актах будет выполнять роль превентивной меры и позволит собственникам контролировать деятельность органов управления, а также облегчит процедуру доказывания в суде.

Немаловажно на уровне устава определить, что подразумевается под интересом компании². Тем самым появляется возможность детализации оценочных стандартов поведения руководителя исходя из интересов конкретной корпорации. Такой подход видится оптимальным и с точки зрения диспозитивного начала гражданского права, где участники гражданского оборота обладают автономией воли при сохранении паритетных прав и обязанностей, а положения закона играют роль общих положений, которые могут быть конкретизированы на уровне соглашения и локальных актов организации.

Определяя роль судебного органа в оценке нравственно-этического облика руководителя корпорации, приведем пример из английской судебной практики. В деле *Howard Smith LTD v Ampol Petroleum LTD* 1974 г. компании *RW Miller and Go* угрожало поглощение со стороны двух учредителей организаций в рамках одного холдинга, которые владели контрольным пакетом акций. Директор компании *RW Miller and Go* во избежание поглощения инициировал дополнительную эмиссию акций, которые по закону в обязательном порядке должны были быть предложены к покупке мажоритарным акционерам холдинга. Директор данное правило проигнорировал. При разрешении вопроса о привлечении к ответственности директора суд выделил две цели, для которых были выпущены акции: во-первых, для увеличения уставного капитала, т. е. в этом отношении директор действовал добросовестно; во-вторых, для того, чтобы избежать враждебного поглощения, что свидетельствовало о недобросовестности директора.

¹ Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 декабря 2011 г. № ВАС-12434/11 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.07.2021).

² Луценко С. И. Правовые основания для фидуциарных обязанностей руководителя // Современное право. 2017. № 9.

Английский суд пояснил, что по существу выпуск акций имеет целью увеличение уставного капитала. Из двух целей доминирующей является цель добросовестная, поэтому директор был освобожден от ответственности¹. Позиция суда видится справедливой и свидетельствует о гибкости прецедентной правовой системы. Отсюда можно выделить еще один критерий добросовестного и разумного поведения директора – критерий доминантной цели.

Проанализируем пример из российской судебной практики. В рамках дела № А23-3760/2013² бывший руководитель организации-должника ООО «Березка» перечислил контрагенту по договору оказания услуг авансовый единовременный платеж при отсутствии хозяйственной необходимости для должника в получении спорных услуг. Требование конкурсного управляющего частично удовлетворено, поскольку факт наличия причинно-следственной связи между действиями руководителя должника и возникшими у должника убытками установлен. Отношения по приобретению товара носят гражданско-правовой характер в сфере предпринимательской деятельности и осуществляются на свой страх и риск. В свою очередь, руководитель общества в любом случае обязан добросовестно и (или) разумно исполнять обязанности по выбору и контролю за действиями (бездействием) контрагентов по гражданско-правовым договорам.

Очевидно, что российский суд в 2013 году, в отличие от английского, был далек от субъективизма и руководствовался исключительно формально-определенным подходом – устанавливает причинно-следственную связь, берет во внимание признак осмотрительности, т. е. рассматривает отношение руководителя к сделке, исходя из внешних факторов экономической безопасности компании, практически не давая оценку поведению директора с позиции критериев добросовестного поведения руководителя.

Самостоятельного анализа заслуживают примеры, связанные с привлечением руководителя и контролирующих лиц к ответственности, когда в отношении

¹ Игнатов М. А., Ефремов Е. М. Соотношение предпринимательского риска и стандартов добросовестности в вопросе о привлечении к ответственности органов управления в российском и английском корпоративном праве // Вестн. КГУ им. Н. А. Некрасова. 2016. Т. 22. № 3. С. 253.

² Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 20 ноября 2017 г. № Ф10732/2015 по делу № А23-3760/2013 // Электронное правосудие. Картоoteca арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 10.11.2020).

организации открыта процедура банкротства. «В рамках борьбы с недобросовестным поведением руководителей должников, уклоняющихся под разными предлогами от передачи документации должника управляющему, в судебной практике было выработано такое средство, как истребование управляющим у руководителя должника документации в рамках процесса по делу о несостоятельности»¹. Постановлением Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 13.08.2020 N Ф08-6093/2020 по делу N А63-14225/2018 ² был сделан следующий вывод: «не соответствующее принципу добросовестности бездействие руководителя, уклоняющегося от исполнения возложенной на него Законом о банкротстве обязанности по подаче заявления должника о собственном банкротстве (о переходе к осуществляемой под контролем суда ликвидационной процедуре), является противоправным, виновным, влечет за собой имущественные потери на стороне кредиторов, нарушает как частные интересы субъектов гражданских правоотношений, так и публичные интересы государства. Исходя из этого законодатель в пункте 2 статьи 10 Закона о банкротстве презюмировал наличие причинно-следственной связи между неподачей руководителем должника заявления о банкротстве и негативными последствиями для кредиторов и уполномоченного органа в виде невозможности удовлетворения возросшей задолженности». Такой способ стимулирования добросовестности и разумности руководителя должника, является одной из составляющих механизма привлечения его к субсидиарной ответственности. Поскольку непредставление документации влечет невозможность для кредиторов полного погашения их требований, усложнение анализа сделок должника, формирования конкурсной массы и розыску его имущества, а также сокрытие иных противоправных действий лиц, контролирующих должника.

Определением Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 19.08.2021 N 305-ЭС21-4666(1,2,4) по делу N А40-

¹ Кравченко А.А. Механизм обеспечения добросовестного поведения субъектов в сфере несостоятельности (банкротства) // Право и бизнес. 2021. N 2. С. 32 - 47.

² Постановлением Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 13.08.2020 N Ф08-6093/2020 по делу N А63-14225/2018 Электронное правосудие. Картоотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 11.01.2022).

240402/2016 ¹рассмотрено требование «о привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц». Верховный суд указал на необходимость оценки доказательств о наличии документации к моменту прекращения полномочий каждого из директоров компании, попыток передать ее следующему руководителю, «кроме того, судом не установлено, непередача каких именно документов существенно затруднила проведение процедуры банкротства и формирование конкурсной массы. При этом в отношении действующего директора суд отметил, что он как добросовестный и разумный руководитель предприятия принял меры по восстановлению переданной предыдущим руководителем документации и впоследствии осуществил передачу документации сменившему его руководителю».

Обозначенные позиции Верховного суда РФ, озвученные в рамках приведенных примеров, свидетельствуют о постепенном отказе от исключительно формального подхода в определении поведения руководителя корпорации, и концентрации внимания в процессе доказывания обширного круга сопутствующих обстоятельств.

В целом, в процессе развития реформы законодательства о юридических лицах можно констатировать, что пока система понятного, последовательного и непротиворечивого правового регулирования и правоприменительной практики в контексте реализации принципа добросовестности – отсутствует. Как отмечается в рекомендациях круглого стола Совета Федерации Федерального Собрания РФ "Совершенствование корпоративного законодательства", «законодатель и правоприменитель еще не разработали полноценную систему последовательного и непротиворечивого правового регулирования корпоративных отношений»².

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 19.08.2021 N 305-ЭС21-4666(1,2,4) по делу N А40-240402/2016. Картоотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 11.01.2022).

² Состоялся 23.03.2017 в Совете Федерации Федерального Собрания РФ, организован Комитетом СФ по конституционному законодательству и государственному строительству совместно с Комитетом СФ по экономической политике. URL: <http://www.council.gov.ru/events/news/80498>.

Таким образом, в связи с множественностью лиц и интересов, рисковым и конкурентным характером предпринимательской деятельности, провоцирующих вариативность потенциальных управленческих решений, на сегодняшний день не разработаны четкие оценочные стандарты поведения руководителя компании ни на уровне доктрины, ни на уровне правовых норм. Как следствие, наблюдается широта судебного усмотрения в делах о привлечении руководителя к гражданско-правовой ответственности.

Для разрешения этих проблем, исходя из проведенного анализа судебной практики, а также научной и теоретической базы, предлагается в **Типовой кодекс корпоративного управления коммерческих юридических лиц** включить раздел 6, посвященный стандартам добросовестности и разумности единоличного исполнительного органа (руководителя) корпорации, следующего содержания:

«Раздел 6. Стандарты добросовестности и разумности единоличного исполнительного органа (руководителя) корпорации

1. Свидетельством добросовестности и разумности руководителя корпорации являются следующие критерии:

- 1) осмотрительность и заботливость;**
- 2) очевидность правильности управленческого решения;**
- 3) отсутствие личной заинтересованности;**
- 4) принятие решений с учетом всей имеющейся информации и при отсутствии конфликта интересов;**
- 5) одинаковое отношение ко всем членам корпорации в рамках обычного предпринимательского риска;**
- 6) стремление добиваться устойчивого и успешного развития предпринимательской деятельности корпорации;**
- 7) осуществление руководства компанией добросовестно и разумно с учетом „обычных условий делового оборота“;**
- 8) недопустимость уклонения без уважительных причин от исполнения своих обязанностей;**
- 9) руководство в своей деятельности доминантной целью;**

10) недопустимость уменьшения имущества корпорации в результате действий руководителя;

11) активная позиция в суде при доказывании своего добросовестного и разумного поведения и деятельности корпорации;

12) надлежащее исполнение руководителем публично-правовых обязанностей, возлагаемых на него действующим законодательством.

2. Добросовестный и разумный руководитель должен обладать следующими качествами:

1) психологическая интуиция – умение понять психические свойства и состояние личности (членов корпорации);

2) коммуникабельность – умение находить нужную форму общения;

3) лидерский характер, включая желание брать на себя ответственность, способность отстаивать интересы других людей, способность вести за собой окружающих;

4) гибкость в принятии решений;

5) личная организованность и высокая культура труда, умение распределять силы;

6) объективность оценки событий в сочетании со стремлением знать мнение других;

7) управленческая компетентность – знание основ современного менеджмента и умение применять их на практике;

8) специальная компетентность – знания по специальным вопросам, определяемым профилем и спецификой работы организации, а также эрудиция в области маркетинга, экономики, трудового и хозяйственного законодательства».

2.3. Реализация принципа добросовестности при заключении сделок от имени корпоративных коммерческих юридических лиц

Коммерческие юридические лица, будучи полноправными участниками гражданского оборота, вступают в правоотношения по большей части посредством совершения сделок.

В доктрине гражданского права традиционно принято выделять два типа сделки коммерческих корпораций: обычные (ординарные), те, что заключаются в процессе текущей хозяйственной деятельности, и экстраординарные, те, что не укладываются в формат обычной хозяйственной деятельности и требуют соблюдения одобрительных процедур¹.

Крупная сделка, сделка с заинтересованностью, совершенная с нарушением требований закона или предусмотренная в качестве таковой в уставе хозяйствующего субъекта, может быть признана недействительной по иску общества или его участника (акционера) (п. 1 ст. 45 и п. 1 ст. 46 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», п. 6 ст. 79 и п. 1 ст. 84 ФЗ «Об акционерных обществах»).

По справедливому суждению Н. Р. Сафаева, «иски о признании недействительными сделок, заключенных юридическим лицом с нарушением норм действующего корпоративного законодательства и не соответствующих интересам самого юридического лица, относятся к наиболее распространенным искам в корпоративных спорах»². Принцип добросовестности, в свою очередь, призван служить одним из инструментов в определении поведенческих критериев участников таких сделок.

Продолжительный период времени правовое регулирование и правоприменительная практика в сфере экстраординарных сделок отличались относительной стабильностью. Вместе с тем обсуждалась и назревала реформа институтов крупных сделок и сделок с заинтересованностью. Представители радикальных воззре-

¹ См.: например: Болдырев В.А. Крупные сделки хозяйственных обществ // Научные труды. Российская академия юридических наук. М., 2015. С. 605-610.

² Сафаева Н. Р. Косвенные иски по корпоративным спорам. Особенности доказывания // Вестн. граждан. процесса. 2019. № 1. С. 377.

ний предлагали исключить эти институты из российской правовой системы и заменить их другими правовыми средствами, такими как ответственность директоров, взыскание убытков¹. Сторонники консервативных взглядов говорили, что действующее законодательство в этой части необходимо оставить без изменения². В результате законодатель занял компромиссную позицию, согласно которой усиление диспозитивности в корпоративных отношениях и, как следствие, предоставление большей самостоятельности их участникам дадут максимально положительный юридический эффект.

Федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 343-ФЗ внесены изменения, которые серьезно преобразовали устоявшуюся концепцию совершения хозяйственными обществами экстраординарных сделок. По мнению И. С. Шиткиной, «новая редакция п. 4 ст. 78 ФЗ „Об акционерных обществах“ и п. 8 ст. 46 ФЗ „Об обществах с ограниченной ответственностью“, позволяющая квалифицировать любые сделки, которые не приводят к прекращению деятельности общества, или изменению ее вида, или существенному изменению ее масштаба, в качестве обычных (ординарных сделок), может свести на нет существование крупных сделок в прежнем понимании»³.

Следует отметить, что предпринятые законодателем шаги в части реформирования корпоративных сделок были predeterminedены пп. 5.1.1, 5.1.2 Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, согласно которым оспаривание сделки является, по сути, исключением из принципа стабильности гражданского оборота и правила *pacta sunt servanda* (договоры должны соблюдаться) должны применяться в сугубо экстренных ситуациях, а не стать инструментом для злоупотреблений⁴.

Таким образом, в период реформ сложился благоприятный фон для реализации принципа добросовестности в ракурсе оспаривания сделки по корпоратив-

¹ Кузнецов А. А. Реформа крупных сделок и сделок с заинтересованностью. Что изменилось в регулировании // Арбитражная практика для юристов. 2017. № 1. С. 73.

² Маковская А. Комментарии к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» // Хоз-во и право. 2018. № 11. С. 5.

³ Шиткина И. С. Экстраординарные сделки, совершаемые хозяйственными обществами. М.: Статут, 2017. С. 8.

⁴ Ганюшин О. Е. Результаты длительной реформы экстраординарных сделок хозяйственных обществ: актуальные вопросы применения правил о крупных сделках // Арбитражные споры. 2019. № 1 (85). С. 74–75.

ным основаниям, что, безусловно, свидетельствует об актуальности данного вопроса как для доктрины, так и для правоприменительной практики. В связи с этим интерес представляют не только поведенческие стандарты представителя коммерческой организации, имеющего право действовать от ее имени без доверенности (о которых шла речь в предыдущем параграфе), но и поведение противоположной стороны сделки – контрагента, о правовом положении которого в рамках настоящего параграфа пойдет речь подробнее.

Исходя из смысла положений п. 5 ст. 46 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» и п. 1 ст. 84 ФЗ «Об акционерных обществах», недобросовестность контрагента может проявиться в том, что контрагент знал или заведомо должен был знать, что сделка являлась для компании крупной, т. е. требовала одобрения (субъективный аспект), либо что технически надлежащее согласие на ее совершение отсутствует (объективный аспект).

Такой подход представляется логичным и оправданным с точки зрения развития общей презумпции добросовестности, заложенной в ст. 10 ГК РФ.

Однако по-прежнему сохраняется правовая неопределенность относительно следующих вопросов: каковы формы бездействия контрагента; что понимать под принятием должных мер по проверке другой стороны сделки; может ли правовое регулирование в этой части быть использовано как способ злоупотребления со стороны хозяйственного общества? Очевидно, что контрагент по сделке, не проявивший должной осмотрительности и разумности, в ряде случаев может быть признан недобросовестным.

Бремя доказывания недобросовестности контрагента, а именно того факта, что контрагент знал или должен был знать об экстраординарном характере сделки, а следовательно, о необходимости ее одобрения, лежит на истце. Это, в свою очередь, нашло отражение в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2018 г. № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в отношении которых имеется заинтересованность»¹, согласно п. 18 которого, «по общему правилу,

¹ Об оспаривании крупных сделок и сделок, в отношении которых имеется заинтересованность: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2018 г. № 27 // Рос. газ. 2018. 6 июля.

закон не устанавливает обязанности третьего лица по проверке перед совершением сделки того, является ли соответствующая сделка крупной для его контрагента и была ли она надлежащим образом одобрена (в том числе отсутствует обязанность по изучению бухгалтерской отчетности для целей определения балансовой стоимости его активов, видов его деятельности, влияния сделки на деятельность контрагентов). Третьи лица, полагающиеся на данные единого государственного реестра юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ) о лицах, уполномоченных выступать от имени юридического лица, по общему правилу, вправе исходить из наличия у них полномочий на совершение любых сделок (абзац второй пункта 2 статьи 51 ГК РФ)». В п. 27 постановления закреплено аналогичное правило в отношении сделок, в совершении которых имеется заинтересованность. Однако в указанном постановлении отмечено, что «заведомая осведомленность о том, что сделка является крупной (в том числе о значении сделки для общества и последствиях, которые она для него повлечет), предполагается, пока не доказано иное, только если контрагент, контролирующее его лицо или подконтрольное ему лицо является участником (акционером) общества или контролирующего лица общества или входит в состав органов общества или контролирующего лица общества». Что, на наш взгляд, является оправданным.

«Каучуковая» формулировка «по общему правилу» создала почву для недобросовестности со стороны контрагентов, которые получили возможность всякий раз ссылаться на то, что законом не предусмотрена обязанность проверять участника сделки, а также на то, что они всецело доверяли руководителю, наделенному правом от имени коммерческой корпорации принимать разумные и добросовестные решения, в том числе совершать в пределах разумного предпринимательского риска выгодные для общества гражданско-правовые сделки. Можно представить немалое количество ситуаций, когда в рамках сложившейся практики делового оборота контрагент должен быть заинтересован в анализе не только финансовой отчетности участника сделки, но и локальных актов компании. О.Е. Ганюшин, приводя пример сделки между кредитными организациями по купле-продаже кредитных портфелей отмечает, что: «кредитная организация должна

осознавать, что в подавляющем большинстве случаев у банка-контрагента существует локальный акт о кредитном комитете, где в качестве обязательного условия для заключения сделки купли-продажи закреплено ее одобрение на заседании такого комитета. С точки зрения требований о разумности и добросовестности такого рода положение подлежит обязательному изучению банком-контрагентом»¹.

Надо отметить, суды нижестоящих инстанций не раз указывали, что субъектам предпринимательской деятельности для признания их добросовестными контрагентами следует изучать устав и прочие доступные и имеющие значение для сделки документы контрагента. Например, в постановлении Арбитражного суда Московского округа от 6 апреля 2018 г. № Ф05-3522/2018 по делу № А41-22292/17 было рассмотрено требование о признании недействительными договоров поручительства. Истец утверждал, что спорные договоры были заключены с нарушением требования об одобрении крупной сделки. «Судами сделан вывод, что, действуя как добросовестный участник гражданского оборота и член профессионального сообщества в сфере кредитования, АО АКБ „Пересвет“ обязано было провести правовую и финансовую экспертизу состояния ООО „КУБ-Дизайн“, оценить комплекс имеющихся рисков, после чего запросить у общества документальное подтверждение соблюдения требований Закона об обществах с ограниченной ответственностью в части одобрения договоров поручительства участниками общества»².

Поскольку ключевым направлением реформы правового регулирования корпоративных сделок было распространение на отношения по оспариванию сделок норм ГК РФ, одним из способов защиты против подобного рода злоупотреблений со стороны контрагента в ГК РФ стала норма п. 2 ст. 174 ГК РФ, посвященная сделкам, заключенным в ущерб интересам юридического лица. Что свидетельствует о том, что со временем отказались от идеи о тотальном исключении специального регулирования крупных сделок и сделок, в совершении которых

¹ Ганюшин О. Е. Результаты длительной реформы экстраординарных сделок хозяйственных обществ: актуальные вопросы применения правил о крупных сделках. С. 82–84.

² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 6 апреля 2018 г. № Ф05-3522/2018 по делу № А41-22292/17 // Электронное правосудие. Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 05.06.2020).

имеется заинтересованность, из ФЗ «Об акционерных обществах» и ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», поскольку она идет в разрез с интересами участников коммерческих юридических лиц. Применение такого способа защиты, как взыскание убытков с членов органов управления, – процедура во многом непростая и с финансовой точки зрения не всегда перспективная¹.

Анализ судебной практики показывает, что новаторские положения п. 2 ст. 174 ГК РФ выполняют роль специального правила, детализирующего положения ст. 10 и 168 ГК РФ, применительно к оспариванию сделок, совершаемых от имени коммерческих юридических лиц. Появление такого гражданско-правового института существенно повлияло на судебную практику, где процесс доказывания очевидного вывода дорогостоящих активов компании по заниженной цене стал проще. Вместе с тем, как отмечается в юридической литературе, Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 343-ФЗ снова внес коррективы в этот процесс, поскольку «указанные институты были объединены: институт сделок с заинтересованностью фактически стал специальным институтом по отношению к п. 2 ст. 174 ГК РФ»².

Приведем пример. В постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 14 октября 2015 г. № Ф07-7397/2015 по делу № А56-44454/2014³ было рассмотрено требование об оспаривании договора купли-продажи помещений; о применении последствий недействительности сделок. Истцы (акционеры ЗАО) полагают, что сделки являются крупными и совершены в отсутствие одобрения акционеров. Судом требование удовлетворено, «поскольку имущество отчуждено по цене в десять раз ниже его рыночной стоимости и в отсутствие разумных экономических причин, о чем не могли не знать стороны спорных сделок. При этом следует исходить из того, что другая сторона должна была знать о наличии явного ущерба в том случае, если это было бы очевидно для любого участника сделки в момент ее заключения» (п. 93 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25). Кроме того, «как установлено судом первой инстанции, в

¹ Шиткина И. С. Значение реформы института крупных сделок и сделок с заинтересованностью для теории и практики // Закон. 2019. № 12. С. 9.

² Бойко Т. С. Защита прав и интересов миноритарных участников непубличного общества в праве России, США и Великобритании. М.: Статут, 2019. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.07.2021).

³ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 14 октября 2015 г. № Ф07-7397/2015 по делу № А56-44454/2014 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.07.2021).

Обществе имел и имеет место длительный корпоративный конфликт, сопровождавшийся попыткой противоправного завладения его недвижимым имуществом; доказательства определения рыночной стоимости спорного имущества накануне заключения спорных договоров не предоставлены; объявлений о намерении реализовать принадлежавшие объекты недвижимости Общество не давало, соответственно, на открытый рынок недвижимости спорное имущество не поступало. Спорные договоры заключены в течение небольшого промежутка времени на условиях, не соответствующих рыночным, при этом доказательств расчета по последней сделке ответчиками не представлено». В мотивировочной части судебного акта суд пришел к выводу о злоупотреблении правом участниками сделок, а в качестве правового основания сослался на пп. 3–4 ст. 1 и ст. 10 ГК РФ в единстве с нормой п. 2 ст. 174 ГК РФ.

Обратимся к аналогичному примеру из практики Арбитражного суда Уральского округа. Постановлением этого суда от 19 октября 2016 г. № Ф09-9467/16 по делу № А76-13514/2015 было рассмотрено требование о признании недействительным договора купли-продажи недвижимого имущества. Исходя из материалов судебного дела, обстоятельства заключались в том, что «участник общества-продавца полагал, что сделка мнимая, и указал на отчуждение имущества по заниженной цене, а также на неоплату его покупателем, неразумность действий руководителя общества, их направленность на вывод имущества, лишение возможности получать доход от доли». Требование судом удовлетворено, так как договор заключен в условиях корпоративного конфликта, на заведомо невыгодных для общества условиях, обществу причинен явный ущерб, о чем другая сторона сделки знала ввиду сговора между руководителем общества и покупателем, имущество покупателем не оплачено и перепродано третьему лицу. Судом кассационной инстанции было отмечено: «В абзаце 3 п. 1 постановления Пленума № 25 разъяснено, что оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации».

Кроме того, судом было установлено, что все участники сделки являлись заинтересованными лицами, совместными действиями которых был произведен вывод спорного недвижимого имущества от общества»¹.

Постановлением Арбитражного суда Поволжского округа от 21 июня 2016 г. № Ф06-8948/2016 по делу № А06-11750/2014 рассмотрено требование о признании недействительным договора купли-продажи недвижимого имущества. Истец (участник общества) указал на то, что отчуждение недвижимого имущества общества было произведено директором общества по заниженной цене, чем причинен значительный ущерб обществу и истцу как его участнику. Требование судом было удовлетворено, поскольку директор общества при заключении оспариваемой сделки и наличии корпоративного конфликта действовал не в интересах общества и на заведомо невыгодных для общества условиях, а также скрывал информацию о совершенной им сделке от участников общества. «При решении вопроса о том, должна ли была другая сторона сделки знать о ее совершении с нарушением порядка одобрения крупных сделок, судам следует учитывать то, насколько это лицо могло, действуя разумно и проявляя требующуюся от него по условиям оборота осмотрительность, установить наличие у сделки признаков крупной сделки и несоблюдение порядка ее одобрения. В частности, контрагент должен был знать о том, что сделка являлась крупной и требовала одобрения, если это было очевидно любому разумному участнику оборота из характера сделки, например, при отчуждении одного из основных активов общества (недвижимости, дорогостоящего оборудования и т. п.). Приобретение имущества по цене, значительно ниже рыночной, то есть явно несоразмерной действительной стоимости этого имущества, свидетельствует о недобросовестности приобретателя. В рамках настоящего дела судами всех инстанций также учтено, что недобросовестный контрагент не менее десяти лет занимается предпринимательской деятельностью, в том числе в сфере строительства объектов недвижимости. Таким образом, ответчик обладал достаточным опытом предпринимательской деятельности, позво-

¹ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 19 октября 2016 г. № Ф09-9467/16 по делу № А76-13514/2015 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.07.2021).

ляющим оценить спорную сделку на предмет соответствия ее цены рыночной стоимости»¹.

Арбитражная практика последних лет в большей степени стабилизировала и детализировала подходы к применению п. 2 ст. 174 ГК РФ. Постановлением Арбитражного суда Московского округа от 14 мая 2019 г. № Ф05-6040/2019 по делу № А41-60376/2018² было рассмотрено требование «о признании недействительным договора на оказание услуг по надлежащей эксплуатации объектов недвижимого имущества». Обстоятельства дела заключались в том, что участник общества (истец) полагал, что спорная сделка совершена с нарушением ст. 174 ГК РФ и повлекла неблагоприятные для общества последствия. Требование судом было удовлетворено, поскольку стоимость оспариваемой сделки превышала установленный учредительными документами общества ценовой порог; кроме того, оспариваемая сделка являлась крупной для общества и в силу п. 3 ст. 46 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» ее заключение требовало одобрения общим собранием участников общества. Кроме того, кассационный суд указал, следующее, «отклоняя доводы ответчика (контрагента) о том, что ему не было известно о совершении спорной сделки с нарушением ограничений, суды исходили из непредставления ответчиком доказательств проявления должной осмотрительности, направленной на установление наличия у сделки признаков крупной и проверки соблюдения порядка ее одобрения. Подлежащие оказанию в рамках заключенного договора услуги по коммерческому управлению и взаимодействию с арендаторами предполагали ознакомление непосредственно с объектом, правоустанавливающими документами на него, бухгалтерской отчетностью. Добросовестный контрагент, действуя разумно и осмотрительно, должен был запросить у стороны по сделке бухгалтерскую отчетность и уставные документы, из которых следует необходимость одобрения общим собранием участников общества сделок, сумма которых превышает 3 млн руб.».

¹ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 21 июня 2016 г. № Ф06-8948/2016 по делу № А06-11750/2014 // Электронное правосудие. Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 05.06.2020).

² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14 мая 2019 г. № Ф05-6040/2019 по делу № А41-60376/2018 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.07.2021).

Приведем еще один пример. Постановлением Арбитражного суда Московского округа от 10 июля 2019 г. № Ф05-10291/2019 по делу № А41-51711/2018 было рассмотрено требование «о признании недействительной сделкой договора оказания охранных услуг». Исходя из обстоятельств дела, участник общества указывал на то, что «указанные в договоре услуги фактически не оказывались, все оправдательные документы по этой сделке составлены лишь для вида, сама она заключена в ущерб интересам юридического лица, договор является для общества крупной сделкой, не одобренной в установленном законом порядке». Судом исковое требование было удовлетворено, так как установлено, что договор, являющийся для общества крупной сделкой, «заключен в отсутствие намерений у сторон создать соответствующие правовые последствия, кроме причинения обществу убытков, поскольку предметом договора является оказание услуг, которые фактически обществу никогда не оказывались». Оценив представленные в материалы дела доказательства в их совокупности, суд пришел к выводу, что «договор был совершен на невыгодных для общества условиях и в ущерб интересам юридического лица – заказчика услуг, что должно было быть очевидно для любого обычного контрагента в момент заключения сделки. Оспариваемый договор также является для общества крупной сделкой, которая подлежит одобрению в установленном законом порядке»¹.

Положения п. 2 ст. 174 ГК РФ уже были предметом разъяснений высших судов в постановлении Пленума ВАС РФ от 16 мая 2014 г. № 28², а также в постановлении Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25, упомянутом ранее. Однако постановление Пленума № 28 посвящено в большей степени разграничению двух оснований для признания сделки недействительной – сговору и явному ущербу, а постановление Пленума № 25 – общему концепту добросовестности.

Подводя промежуточный итог проведенного анализа арбитражной практики, сложившейся уже после издания данных разъяснений высших судов, можно выявить обновленный единый стандарт недобросовестности контрагента при

¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10 июля 2019 г. № Ф05-10291/2019 по делу № А41-51711/2018 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.07.2021).

² О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью: постановление Пленума ВАС РФ от 16 мая 2014 г. № 28 (ред. от 26.06.2018) // Вестн. ВАС РФ. 2014. № 6.

оспаривании сделок с применением п. 2 ст. 174 ГК РФ, выраженный в следующих видах злоупотреблений:

- не представлено доказательство определения рыночной стоимости спорного имущества накануне заключения спорных договоров;
- отсутствовали объявления о намерении реализовать принадлежавшие спорные объекты недвижимости обществом на открытом рынке недвижимости;
- спорные сделки заключены в течение небольшого промежутка времени на условиях, не соответствующих рыночной конъюнктуре;
- сделка заключена в условиях корпоративного конфликта;
- в заведомо невыгодных для общества условиях обществу причинен явный ущерб, о чем другая сторона сделки знала ввиду сговора между руководителем общества и покупателем;
- имущество покупателем не оплачено и перепродано третьему лицу;
- все участники сделки являлись заинтересованными лицами, совместными действиями которых был произведен вывод спорного недвижимого имущества от общества;
- контрагент должен был знать о том, что сделка являлась крупной и требовала одобрения, если это было очевидно любому разумному участнику оборота (например, при отчуждении одного из основных активов общества – недвижимости, дорогостоящего оборудования), однако, не проявив должной степени разумности и осмотрительности, контрагент допустил злоупотребление правом;
- недобросовестный контрагент продолжительное время занимается предпринимательской деятельностью, а значит, осознает характер сделки и возможные предпринимательские риски, но намеренно их допускает;
- приобретение имущества по цене, значительно ниже рыночной, т. е. явно несоразмерной действительной стоимости этого имущества, свидетельствует о недобросовестности приобретателя (контрагента);
- ответчиком-контрагентом не представлены доказательства проявления должной осмотрительности, направленной на установление наличия у сделки признаков крупной, и проверки соблюдения порядка ее одобрения;

– договор, являющийся для общества крупной сделкой, заключен в отсутствие намерений у сторон создать соответствующие правовые последствия; предметом договора является оказание услуг, которые фактически обществу никогда не оказывались.

При этом судам следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации.

Как показывает анализ судебной практики, еще одной разновидностью недобросовестного поведения при совершении хозяйствующими субъектами крупных сделок и сделок с заинтересованностью являются действия, совершаемые в обход закона с противоправной целью (о нем речь шла в общих положениях диссертационного исследования).

О. Г. Лазаренкова, анализируя злоупотребление правом в корпоративных отношениях, указывает, что об обходе закона с противоправной целью можно вести речь в случае, «когда, реализуя свое право, используя законные средства, участники гражданских правоотношений (корпорации) стремятся к противоправной цели (интересу), вопреки специальной императивной норме, устанавливающей запрет на совершение определенного действия»¹.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 обращается внимание на то, что «к сделке, совершенной в обход закона с противоправной целью, подлежат применению нормы гражданского законодательства, в обход которых она была совершена. В частности, такая сделка может быть признана недействительной на основании положений статьи 10 и пунктов 1 или 2 статьи 168 ГК РФ» (п. 8). Если будет установлено недобросовестное поведение одной из сторон, суд в зависимости от обстоятельств дела и с учетом характера и последствий такого поведения отказывает в защите принадлежащего ей права полностью или частично, а также применяет иные меры, обеспечивающие защиту

¹ Лазаренкова О. Г. Злоупотребление корпоративными правами: Некоторые теоретические и практические аспекты // Юрист. 2016. № 24. С. 36.

интересов добросовестной стороны или третьих лиц от недобросовестного поведения другой стороны (пункт 2 статьи 10 ГК РФ), например, признает условие, которому недобросовестно воспрепятствовала или содействовала эта сторона соответственно наступившим или не наступившим (пункт 3 статьи 157 ГК РФ); указывает, что заявление такой стороны о недействительности сделки не имеет правового значения (пункт 5 статьи 166 ГК РФ)» (п. 1).

В соответствии с гражданским законодательством акционеры непубличного акционерного общества, а также участники общества с ограниченной ответственностью имеют преимущественное право приобретения акций, продаваемых другими акционерами этого общества (ст. 41 ФЗ «Об акционерных обществах» и ст. 7 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»). При обнаружении нарушения преимущественного права участник (акционер) такого общества вправе в течение трех месяцев обратиться в суд с требованием о переводе на него прав и обязанностей покупателя. Тем самым, действия, которые формально разрешены законом, но приводят к результату, наступления которого законодатель не желает, будут признаваться злоупотреблением. Такой подход был отражен еще в пояснении к Концепции совершенствования общих положений Гражданского кодекса РФ. По этому же пути пошла судебная практика.

Приведем пример из арбитражной практики Уральского округа. В рамках дела № А60-23407/2015 был рассмотрен иск акционера закрытого акционерного общества о признании договоров дарения и мены недействительными. Как следует из материалов дела и установлено судами, между ответчиком (дарителем), являвшимся акционером общества «Уралбизнесгаз», и третьим лицом (одаряемый) 15 декабря 2014 г. заключен договор дарения обыкновенных именных бездокументарных акций общества «Уралбизнесгаз» в количестве 7500 штук номинальной стоимостью 10 руб. каждая. В 2015 г. указанные акции переданы от одаряемого следующему приобретателю по договору мены от 12 марта 2015 г. В качестве встречного предоставления в рамках договора мены получен оптический кабель на сумму 75 000 руб. Указанные договоры дарения и мены оценены судом в качестве притворных сделок, призванных прикрыть заключенную с нарушением

правил о преимущественном праве покупки акций акционерами общества сделку по реализации акций общества «Уралбизнесгаз» лицу, не обладающему статусом акционера данного общества. Названные договоры признаны судом единым договором купли-продажи, при этом права и обязанности покупателя акций переведены на истца. Кроме того, суд первой инстанции (а суд апелляционной инстанции оставил в силе решение суда первой инстанции), руководствуясь пп. 3–4 ст. 1 ГК РФ, указал, что «данные действия – действия в обход права, направлены на избежание соблюдения преимущественного права истца на приобретение акций, а также на избежание возможной ответственности первого ответчика перед участниками общества, обществом, как лица, осуществлявшего функции единоличного исполнительного органа общества»¹.

Во многом благодаря правоприменительной практике, в том числе в области корпоративных отношений, где широко использовались положения о добросовестности, злоупотреблении правом, обходе права, возникли положения ст. 10 ГК РФ, посвященные противоправному обходу закона. Что еще раз подтверждает приведенный во втором параграфе первой главы диссертационного исследования тезис, согласно которому обход закона есть частное проявление недобросовестного поведения или разновидность злоупотребления правом.

Определенной спецификой в контексте реализации принципа добросовестности обладают ситуации заключения договора займа, где должником выступает хозяйственное общество, а кредитором – один из его участников.

В судебной практике сформировался подход, согласно которому выдача займа участником организации, находящейся в процедуре несостоятельности (банкротстве), при определенных обстоятельствах может свидетельствовать о корпоративном характере требования по возврату полученной суммы для целей банкротства². Такие действия квалифицируются судом как отношения по поводу увеличения уставного капитала по правилам п. 2 ст. 170 ГК РФ в качестве мнимой

¹ Решение Арбитражного суда Свердловской области от 1 ноября 2015 г. по делу № А60-23407/2015 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/ky4X5XOVJSQJ9/> (дата обращения: 10.05.2021).

² Черкасова, О. В. Злоупотребление правами участниками хозяйственных обществ / О. В. Черкасова // Вестник арбитражной практики. – 2020. – № 5. – С. 27–35.

сделки либо как злоупотребление правом в порядке, предусмотренном п. 1 ст. 10 ГК РФ, а также в качестве основания для отказа во включении в реестр кредиторов в порядке, предусмотренном абз. 8 ст. 2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹.

На такого недобросовестного займодавца вполне справедливо должен ложиться риск банкротства контролируемого им юридического лица, если в дальнейшем должник окажется неплатежеспособным. Неэффективное управление компанией мажоритарными участниками влечет за собой последствия в виде признания компании банкротом. В связи с этим судебная практика выработала своего рода запрет в делах о несостоятельности (банкротстве) на противопоставление требований учредителей требованиям иных (независимых) кредиторов.

Приведем пример. В рамках дела № 305-ЭС15-5734² о банкротстве общества с ограниченной ответственностью «Транспортная компания „Ямалтранссервис“» конкурсный управляющий обратился в суд с заявлениями о признании недействительными операций по перечислению должником 78 800 000 руб. в пользу одного из своих участников – акционерного общества «НГ – Менеджмент». В качестве основания платежей в платежных документах указано погашение обязательств по договорам займа от 14 ноября 2012 г., от 5 февраля 2013 г. и от 6 мая 2013 г. Производство по делу о несостоятельности (банкротстве) компании возбуждено определением суда от 13 августа 2014 г. Судом первой инстанции оспариваемые операции признаны недействительными, применены последствия их недействительности в виде взыскания с общества 78 800 000 руб. в конкурсную массу компании. Однако апелляционная инстанция определение суда первой инстанции отменила, а суд кассационной инстанции ее поддержал.

Проверив обоснованность доводов, изложенных к кассационным жалобам, Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ посчитала постановления судов апелляционной инстанции и округа подлежащими отмене. Верховный Суд учел, что при наступлении подобных обстоятельств предполага-

¹ О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 12 февраля 2018 г. № 305-ЭС15-5734(4,5) по делу № А40-140479/2014 // СПС «Гарант» (дата обращения: 17.07.2021).

ется, что мажоритарные участники (акционеры), голоса которых имели решающее значение при назначении руководителя, своевременно получают информацию о действительном положении дел в хозяйственном обществе. Контролирующие участники (акционеры) фактически принимают управленческие решения, в том числе о даче согласия на реализацию выработанной руководителем стратегии выхода из кризиса либо об обращении в суд с заявлением о банкротстве должника. А руководитель, действующий разумно и добросовестно, прилагает необходимые усилия для реализации экономически обоснованного плана, что прямо вытекает из абз. 2 п. 9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве». Вместе с тем когда мажоритарный участник (акционер) осуществляет вложение средств с использованием заемного механизма, финансирование публично не раскрывается (в отличие от ситуации, когда мажоритарный участник вкладывает свои средства через корпоративные процедуры). Тем самым создается видимость перед кредиторами и иными третьими лицами благополучного положения дел в хозяйственном обществе. Возврат приобретших корпоративную природу заемных средств не за счет чистой прибыли, а за счет текущей выручки должника необходимо рассматривать как злоупотребление правом со стороны мажоритарного участника (акционера), выступающего в договоре займа как кредитор. Соответствующие действия, оформленные в качестве возврата займов, подлежат признанию недействительными по правилам ст. 10 и 168 ГК РФ как не соответствующие закону и как совершенные со злоупотреблением правом.

Таким образом, в указанном примере Верховный Суд РФ не ограничился констатацией оформления отношений должника с обществом в качестве заемных, а, проанализировав обстоятельства, касающиеся их действительной правовой природы, пришел к выводу о корпоративной природе договора займа, где заемные средства были предоставлены для докапитализации в рамках надвигающегося банкротства. Как следствие, суд пришел к заключению о наличии недобросовест-

ного поведения со стороны участника общества в лице мажоритарного акционера и руководителя корпорации.

Рассматриваемая правовая позиция Верховного Суда РФ нашла развитие в определении Верховного Суда РФ от 11 июля 2017 г. по делу № А40-201077/2015. В этом деле аффилированная задолженность была сформирована через схему до-капитализации компании через заем, но с использованием оффшорной компании. Суд предложил «при оценке требований учредителя, основанных на договоре займа, оценивать всю структуру бизнеса, а не только отношения по выдаче займа»¹.

Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц², утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 29 января 2020 г., указал на то, что «контролирующее лицо, которое пытается вернуть под-контрольное общество, пребывающее в состоянии имущественного кризиса, к нормальной предпринимательской деятельности посредством предоставления данному обществу финансирования, в частности с использованием конструкции договора займа, т. е. избравшее модель поведения, отличную от предписанной Законом о банкротстве, принимает на себя все связанные с этим риски, в том числе риск утраты компенсационного финансирования на случай объективного банкротства. Данные риски не могут перекладываться на других кредиторов» (п. 1 ст. 2 ГК РФ).

Таким образом, исходя из анализа рекомендаций, выработанных Верховным Судом РФ, можно выделить ряд условий, которые суды нижестоящих инстанций, а также участники судебных процессов, связанных с рассмотрением дел о банкротстве, должны учитывать при определении юридической природы подобных правоотношений в ракурсе реализации принципа добросовестности:

¹ Определение Верховного Суда РФ от 11 июля 2017 г. по делу № А40-201077/2015 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.07.2021).

² Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29 января 2020 г. // Бюл. Верховного Суда РФ. 2020. № 7.

- наличие кризисной ситуации у должника, а также плана выхода из кризисной ситуации, возникшей на уровне менеджмента компании;
- отсутствие огласки (публичности) финансовой операции по выдаче займа;
- создание перед кредиторами иллюзии финансовой платежеспособности;
- потенциальный риск неэффективности избранной меры санации предприятия и, как следствие, риск возникновения убытков, которые впоследствии могут быть возложены на участника (акционера), осуществившего докапитализацию должника;
- направление заемных средств на цели, влекущие увеличение имущества учредителя;
- заем расходовался на личные цели, не связанные с деятельностью коммерческой организации.

Поведение контролирующего лица, осуществляющего финансирование, оформленное как договор займа, следует рассматривать как недобросовестное, если впоследствии требование такого займодавца претендует на включение в реестр наряду с другими кредиторами в деле о банкротстве коммерческой организации.

На основании изложенного в настоящем параграфе рекомендуется разработать и принять отдельное постановление Пленума Верховного Суда РФ «О реализации принципа добросовестности при заключении сделок от имени коммерческих юридических лиц», в содержательной части которого предлагается изложить следующие ключевые положения:

«1. При заключении экстраординарных сделок в качестве недобросовестных следует рассматривать следующие действия контрагента:

- не представлено доказательство определения рыночной стоимости спорного имущества накануне заключения спорных договоров;
- отсутствовали объявления о намерении реализовать принадлежавшие спорные объекты недвижимости обществом на открытом рынке недвижимости;
- спорные сделки заключены в течение небольшого промежутка времени на условиях, не соответствующих рыночным;

- сделка заключена в условиях корпоративного конфликта;
- в заведомо невыгодных для общества условиях обществу причинен явный ущерб, о чем другая сторона сделки знала ввиду сговора между руководителем общества и покупателем;
- имущество покупателем не оплачено и перепродано третьему лицу;
- все участники сделки являлись заинтересованными лицами, совместными действиями которых был произведен вывод спорного недвижимого имущества от общества;
- контрагент должен был знать о том, что сделка являлась крупной и требовала одобрения, если это было очевидно любому разумному участнику оборота (например, при отчуждении одного из основных активов общества – недвижимости, дорогостоящего оборудования), однако, не проявив должной степени разумности и осмотрительности, контрагент допустил злоупотребление правом;
- недобросовестный контрагент продолжительное время занимается предпринимательской деятельностью, а значит, осознает характер сделки и возможные предпринимательские риски, но намеренно их допускает;
- приобретение имущества по цене, значительно ниже рыночной, т. е. явно несоразмерной действительной стоимости этого имущества, свидетельствует о недобросовестности приобретателя;
- ответчиком-контрагентом не представлены доказательства проявления должной осмотрительности, направленной на установление наличия у сделки признаков крупной, и проверки соблюдения порядка ее одобрения.
- договор, являющийся для общества крупной сделкой, заключен в отсутствие намерений у сторон создать соответствующие правовые последствия; предметом договора является оказание услуг, которые фактически обществу никогда не оказывались.

3. Сделки, совершаемые в нарушение требования закона о преимущественном праве покупки доли (акций), – это действия в обход закона с противоправной целью, направленные на избежание соблюдения преимущественного права участника (акционера) на приобретение доли (акций), а также на избежание

возможной ответственности недобросовестного лица перед участниками общества, обществом как лица, осуществлявшего функции единоличного исполнительного органа общества.

4. Договор займа, заключаемый между участником и хозяйственным обществом, признается правоотношением с корпоративной природой при следующих обстоятельствах:

- наличие кризисной ситуации у должника, а также плана выхода из кризисной ситуации, возникшей на уровне менеджмента компании;
- отсутствие огласки (публичности) финансовой операции по выдаче займа;
- создание перед кредиторами иллюзии финансовой платежеспособности;
- потенциальный риск неэффективности избранной меры санации предприятия и, как следствие, риск возникновения убытков, которые впоследствии могут быть возложены на участника (акционера), осуществившего докапитализацию должника;
- направление заемных средств на цели, влекущие увеличение имущества учредителя;
- заем расходовался на личные цели, не связанные с деятельностью коммерческой организации».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Система ценностей и правовых идеалов основана на нравственно-духовных началах, которые сформировались в теоретико-правовой мысли человечества. При этом уровень нравственных начал отечественной правовой доктрины во многом определялся ее отношением к классической философско-правовой традиции в ракурсе исторических и культурных особенностей формирования Российского государства.

Добросовестность как правовое явление, как правовая категория обнаруживается уже в памятниках права Древней Руси, а ее становление в качестве принципа российского гражданского права прошло длительный путь, чему способствовали доктринальные разработки отечественных цивилистов дореволюционного, советского и современного периодов.

Полагаем, что назрела необходимость закрепления в ГК РФ принципов справедливости и разумности наравне с принципами добросовестности и недопущения злоупотребления правом. Обоснованно при этом рассматривать понятие справедливости в качестве базового правового регулятора, добросовестность и разумность – в качестве инструментов реализации принципа справедливости, а злоупотребление правом – как проявление недобросовестного поведения.

Принцип добросовестности, несмотря на универсальность и сквозной характер, предусмотренный изначально Концепцией развития гражданского законодательства России, должен быть конкретизирован применительно к различным гражданским правоотношениям с учетом их специфики. В связи с этим в рамках настоящего диссертационного исследования была осуществлена детализация реализации принципа добросовестности в корпоративных правоотношениях коммерческих юридических лиц.

Юридическая природа корпоративных правоотношений определена сочетанием публичных и частных начал правовой регламентации, особым субъектным составом, что, однако, не препятствует их включению в предмет правового регулирования гражданского права. Вместе с тем деятельность коммерческой корпо-

рации должна строиться с учетом общественных интересов, иметь социальную направленность и соответствовать морально-этическим требованиям о добросовестности и справедливости. В связи с чем реализация принципа добросовестности в корпоративных правоотношениях коммерческих организаций имеет свои особенности, обусловленные пониманием добросовестности в качестве объективно-субъективного феномена.

В правоприменительной практике и практике делового оборота участились злоупотребления участниками корпоративных отношений своими правами, что служит причиной многочисленных корпоративных конфликтов. Одним из таких случаев является злоупотребление миноритарным участником правом на получение информации о деятельности компании, злоупотребление правом при организации и проведении общего собрания акционеров. В этой связи одним из критериев отграничения добросовестного поведения от недобросовестного в названных обстоятельствах выступает обоснованный интерес участника корпорации при реализации своего права. А дополнительная эмиссия акций может рассматриваться как акт добросовестного поведения участника при соблюдении ряда условий, в том числе если она не нарушает имущественные права других держателей акций.

Одной из проблем доктринального порядка и правоприменительной практики является отсутствие четких критериев добросовестного и разумного поведения такого участника корпорации, как публично-правовое образование, специфика участия которого обусловлена двойной правосубъектностью. Вопрос состоит в перспективе привлечения данного субъекта к имущественной ответственности наравне с другими участниками и руководителями корпорации. Для ее разрешения предлагается дополнить ГК РФ, ФЗ «Об акционерных обществах», ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» положениями, регламентирующими особенности участия и ответственности Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований в корпоративных отношениях коммерческих юридических лиц.

Проблема правовой неопределенности, вызванная множественностью лиц и интересов в корпоративных правоотношениях коммерческих организаций, кото-

рые напрямую влияют на поведение их участников, а также на принятие решений руководителем корпорации, может быть разрешена путем закрепления объективной добросовестности в виде поведенческих стандартов указанных лиц в предлагаемом автором Типовом кодексе корпоративного управления коммерческих юридических лиц, целесообразность утверждения которого на уровне Министерства экономического развития Российской Федерации не вызывает сомнения, т.к. отечественное право в настоящее время не располагает подобным нормативным правовым актом. Его положения детализированные на уровне локальных актов отдельных коммерческих юридических лиц, в значительной степени обеспечат прозрачность их деятельности, что, в свою очередь, повысит эффективность их предпринимательской деятельности.

Коммерческие юридические лица, будучи полноправными участниками гражданского оборота, вступают в правоотношения по большей части посредством совершения сделок. В период реформ корпоративного законодательства сложился благоприятный фон для реализации принципа добросовестности в ракурсе оспаривания сделки по корпоративным основаниям. В связи с этим представляется важным учитывать не только поведенческие стандарты руководителя и участника коммерческой организации, но и поведение противоположной стороны по сделке – контрагента. Поскольку анализ арбитражной практики свидетельствует о том, что договор займа, заключаемый между участником и хозяйственным обществом, признается правоотношением с корпоративной природой, а сделки, совершаемые в нарушение требования закона на преимущественное право покупки доли (акций), – это действия в обход закона с противоправной целью.

Проведенный в диссертационной работе комплексный анализ реализации принципа добросовестности в корпоративных правоотношениях коммерческих юридических лиц позволил сделать ряд предложений, направленных на совершенствование правового регулирования корпоративных правоотношений коммерческих юридических лиц.

1. Рекомендуется п. 3 ст. 1 ГК РФ изложить в следующей редакции: **«При установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении**

гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно, с учетом особенностей конкретных субъективных прав и субъективных обязанностей».

2. Предлагается ст. 1 ГК РФ дополнить пунктом 3.1 следующего содержания: **«Участник гражданских правоотношений не должен рассматривать другого участника как средство извлечения выгоды».**

3. Целесообразно ст. 1 ГК РФ дополнить нормами, закрепляющими категории справедливости и разумности в качестве основных начал гражданского законодательства наряду с принципом добросовестности. В связи с этим необходимо:

а) п. 3 ст. 1 ГК РФ дополнить словом «разумно» и изложить в следующей редакции: **«При установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно и разумно, с учетом особенностей конкретных субъективных прав и субъективных обязанностей»;**

б) ст. 1 ГК РФ дополнить пунктом 6 следующего содержания: **«Для достижения справедливого компромисса интересов отдельных субъектов гражданских правоотношений при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений признаются равноправными».**

4. Представляется необходимым п. 1 ст. 65.2 ГК РФ дополнить следующими абзацами, дающими толкование понятий «члены корпораций», «право на участие в корпорации», «право на управление корпорацией»:

«Члены корпорации – это лица, между которыми складываются определенные связи, характер которых зависит от организационно-правовой формы корпорации, на основе чего формируется право на участие в корпоративных отношениях.

Под правом на участие в корпорации понимаются право на управление корпорацией, право на получение информации о деятельности корпорации,

право на получение части имущества при ликвидации корпорации, право на получение части прибыли от деятельности корпорации и другие полномочия, предусмотренные локальными актами организации.

Под правом на управление корпорацией понимается совокупность полномочий, связанных с возможностью принятия стратегических решений в интересах компании и участников корпорации, при соблюдении справедливого баланса, в том числе по заключению гражданско-правовых сделок с целью получения прибыли».

5. В целях отражения адекватного правового статуса публично-правовых образований как участников корпоративных коммерческих юридических лиц и легального закрепления стандартов их поведения в этом качестве, в том числе ответственности за действия своих представителей в коллегиальных органах управления коммерческих организаций, включая процессуальные аспекты, необходимо:

а) п. 2 ст. 53.1 ГК РФ дополнить абзацем 2 и изложить его в следующей редакции: **«Ответственность, предусмотренную пунктом 1 настоящей статьи, за действия представителей Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в коллегиальных органах юридического лица, которые повлекли причинение юридическому лицу убытков, несут Российская Федерация, субъект Российской Федерации и муниципальное образование. Российская Федерация, субъект Российской Федерации и муниципальное образование в случае возмещения ими убытков, причиненных юридическому лицу их представителем в коллегиальных органах юридического лица, имеют право регресса к недобросовестному представителю, действовавшему в нарушение выданной ему директивы, либо к недобросовестному должностному лицу органа, выдавшего такую директиву»;**

б) п. 6 ст. 71 ФЗ «Об акционерных обществах» изложить в следующей редакции: **«Ответственность, предусмотренную настоящей статьей, за действия представителей Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в коллегиальных органах общества (совете директоров, наблюдательном совете), которые повлекли причинение обществу**

убытков, несут Российская Федерация, субъект Российской Федерации и муниципальное образование.

Российская Федерация, субъект Российской Федерации и муниципальное образование в случае возмещения ими убытков, причиненных обществу их представителем в коллегиальных органах общества (совете директоров, наблюдательном совете), имеют право регресса к недобросовестному представителю, действовавшему в нарушение выданной ему директивы, либо к недобросовестному должностному лицу органа, выдавшего такую директиву».

в) п. 2 ст. 44 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» дополнить абзацем 2 и изложить его в следующей редакции: «**Ответственность, предусмотренную абзацем первым пункта второго настоящей статьи, за действия представителей Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в коллегиальных органах общества (совете директоров, наблюдательном совете), которые повлекли причинение обществу убытков, несут Российская Федерация, субъект Российской Федерации и муниципальное образование. Российская Федерация, субъект Российской Федерации и муниципальное образование в случае возмещения ими убытков, причиненных обществу их представителем в коллегиальных органах общества (совете директоров, наблюдательном совете), имеют право регресса к недобросовестному представителю, действовавшему в нарушение выданной ему директивы, либо к недобросовестному должностному лицу органа, выдавшего такую директиву**»;

г) в главу 24.1 БК РФ включить ст. 242.7 «Особенности исполнения судебных актов по искам к Российской Федерации, субъекту Российской Федерации, муниципальному образованию в связи с участием в коммерческих юридических лицах», изложив ее в следующей редакции:

«1. Для исполнения судебных актов по искам к Российской Федерации, субъекту Российской Федерации, муниципальному образованию, вытекающим из участия в корпоративных отношениях коммерческих юридических

лиц, в том числе искам о возмещении юридическому лицу убытков, причиненных представителями Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в коллегиальном органе управления юридического лица (совете директоров, наблюдательном совете), за счет казны соответствующего уровня, исполнительные документы направляются в Министерство финансов Российской Федерации, в финансовый орган субъекта Российской Федерации или финансовый орган муниципального образования.

2. В целях реализации Российской Федерацией, субъектом Российской Федерации, муниципальным образованием права регресса, установленного пунктом 3.1 статьи 1081 Гражданского кодекса Российской Федерации, Министерство финансов Российской Федерации или соответствующий финансовый орган уведомляют главного распорядителя средств федерального бюджета, бюджета субъекта Российской Федерации или бюджета муниципального образования об исполнении судебных актов за счет казны Российской Федерации, казны субъекта Российской Федерации, казны муниципального образования о возмещении убытков»;

д) в п. 3.1 ст. 1081 ГК РФ после слов «предусмотренным статьями» включить слова «53.1,».

6. В ракурсе реализации принципа добросовестности участия Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в корпоративных коммерческих юридических лицах необходимо в ст. 53.1 ГК РФ включить пункт 6 и изложить его в следующей редакции: «При осуществлении полномочий участника юридического лица Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования, исходя из публичных интересов, не должны при этом нарушать права и законные и интересы иных учредителей (участников) юридического лица. Представители Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований при реализации права на участие в юридическом лице должны действовать добросовестно и разумно».

7. Рекомендуются разработать и принять отдельное постановление Пленума Верховного Суда РФ «О реализации принципа добросовестности при заключении сделок от имени коммерческих юридических лиц», в содержательной части которого предлагается изложить следующие ключевые положения:

«1. При заключении экстраординарных сделок в качестве недобросовестных следует рассматривать следующие действия контрагента:

– не представлено доказательство определения рыночной стоимости спорного имущества накануне заключения спорных договоров;

– отсутствовали объявления о намерении реализовать принадлежавшие спорные объекты недвижимости обществом на открытом рынке недвижимости;

– спорные сделки заключены в течение небольшого промежутка времени на условиях, не соответствующих рыночным;

– сделка заключена в условиях корпоративного конфликта;

– в заведомо невыгодных для общества условиях обществу причинен явный ущерб, о чем другая сторона сделки знала ввиду сговора между руководителем общества и покупателем;

– имущество покупателем не оплачено и перепродано третьему лицу;

– все участники сделки являлись заинтересованными лицами, совместными действиями которых был произведен вывод спорного недвижимого имущества от общества;

– контрагент должен был знать о том, что сделка являлась крупной и требовала одобрения, если это было очевидно любому разумному участнику оборота (например, при отчуждении одного из основных активов общества – недвижимости, дорогостоящего оборудования), однако, не проявив должной степени разумности и осмотрительности, контрагент допускает злоупотребление правом;

– недобросовестный контрагент продолжительное время занимается предпринимательской деятельностью, а значит, осознает характер сделки и возможные предпринимательские риски, но намеренно их допускает;

– приобретение имущества по цене, значительно ниже рыночной, т. е. явно несоразмерной действительной стоимости этого имущества, свидетельствует о недобросовестности приобретателя;

– ответчиком-контрагентом не представлены доказательства проявления должной осмотрительности, направленной на установление наличия у сделки признаков крупной, и проверки соблюдения порядка ее одобрения.

– договор, являющийся для общества крупной сделкой, заключен в отсутствие намерений у сторон создать соответствующие правовые последствия; предметом договора является оказание услуг, которые фактически обществу никогда не оказывались.

1. Сделки, совершаемые в нарушение требования закона о преимущественном праве покупки доли (акций), – это действия в обход закона с противоправной целью, направленные на избежание соблюдения преимущественного права участника (акционера) на приобретение доли (акций), а также на избежание возможной ответственности недобросовестного лица перед участниками общества, обществом как лица, осуществлявшего функции единоличного исполнительного органа общества.

2. Договор займа, заключаемый между участником и хозяйственным обществом, признается правоотношением с корпоративной природой при следующих обстоятельствах:

– наличие кризисной ситуации у должника, а также плана выхода из кризисной ситуации, возникшей на уровне менеджмента компании;

– отсутствие огласки (публичности) финансовой операции по выдаче займа;

– создание перед кредиторами иллюзии финансовой платежеспособности;

– потенциальный риск неэффективности избранной меры санации предприятия и, как следствие, риск возникновения убытков, которые впоследствии могут быть возложены на участника (акционера), осуществившего докапитализацию должника;

– направление заемных средств на цели, влекущие увеличение имущества учредителя;

– заем расходовался на личные цели, не связанные с деятельностью коммерческой организации».

8. Исходя из того, что в настоящее время в отечественном законодательстве отсутствует нормативный правовой акт, определяющий стандарты корпоративного управления в коммерческих юридических лицах, ибо Кодекс корпоративного управления, разработанный ЦБ России и одобренный Правительством РФ в 2014 г., ориентирован лишь на акционерные общества, государственные корпорации и компании, а не на все корпоративные коммерческие юридические лица, к тому же его положения отличаются громоздкостью и недостаточно четкими формулировками, предлагается на уровне Министерства экономического развития Российской Федерации разработать и принять ведомственный акт - **Типовой кодекс корпоративного управления коммерческих юридических лиц**, структура и отдельные положения которого в ракурсе легализации принципа добросовестности в корпоративных отношениях коммерческих юридических лиц представлены в приложении к настоящему исследованию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации: принята 12 декабря 1993 г. всенародным голосованием (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Российская газета. – 1993. – 25 дек. – № 237; 2020. – 4 июля. – № 144.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (ред. от 08.12.2020) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012; 2020. – № 50 (ч. III). – Ст. 8073.
3. Бюджетный кодекс Российской Федерации (ред. от 30.04.2021) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3823.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая (ред. от 09.03.2021) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; 2021. – № 11. – Ст. 1698.
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (ред. от 30.04.2021) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532; Российская газета. – 2021. – 5 мая. – № 96.
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (ред. от 30.04.2021) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1; Российская газета. – 2021. – 5 мая. – № 96.
7. О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации: Указ Президента РФ от 18 июля 2008 г. № 1108 // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 29. – Ст. 3482.
8. О государственной корпорации по атомной энергии «Росатом»: Федеральный закон от 1 декабря 2007 г. № 317-ФЗ (в ред. от 07.04.2020) // Собр. законодательства РФ. – 2007. – № 49. – Ст. 6078; 2020. – № 15 (ч. I), – Ст. 2238.
9. О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц: Федеральный закон от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ (в ред. от 05.04.2021) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 30 (ч. 1). – Ст. 4571; 2021. – № 15 (ч. I). – Ст. 2453.

10. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190; 2021. – № 27 (часть I). – Ст. 5181.

11. О публично-правовых компаниях в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 236-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 27 (ч. 1). – Ст. 4169.

12. Об акционерных обществах: Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 1; 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5011.

13. Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 7. – Ст. 785; 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5011.

14. О внесении дополнения в Федеральный закон «О некоммерческих организациях»: Федеральный закон от 8 июля 1999 г. № 140-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 28. – Ст. 3473.

15. О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации: Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 99-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 19. – Ст. 2304.

16. О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 53. – Ст. 7627.

17. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам совершения финансовых сделок с использованием финансовой платформы: Федеральный закон от 20 июля 2020 г. № 212-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 30. – Ст. 4738.

18. О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах»: Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 209-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 30. – Ст. 4544.

19. О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» в части регулирования крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность: Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 343-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 27 (ч. 2). – Ст. 4276.

20. О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и статью 50 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»: Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 233-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 31 (ч. 1). – Ст. 4782.

21. Об управлении находящимися в федеральной собственности акциями акционерных обществ и использовании специального права на участие Российской Федерации в управлении акционерными обществами («золотой акции»): постановление Правительства РФ от 3 декабря 2004 г. № 738 // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 50. – Ст. 5073.

22. О Федеральном агентстве по управлению государственным имуществом: постановление Правительства РФ от 5 июня 2008 г. № 432 (ред. от 28.12.2020) // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 23. – Ст. 2721; 2021. – № 1 (ч. II). – Ст. 152

23. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации: одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2009 г. // Вестник ВАС РФ. – 2009. – № 11. – С. 12.

24. О Кодексе корпоративного управления: письмо Банка России от 10 апреля 2014 г. № 06-52/2463 // Вестник Банка России. – 2014. – № 40.

25. О руководстве для членов совета директоров (наблюдательного совета) финансовой организации: информ. письмо Банка России от 28 февраля 2019 г. № ИН-06-28/18 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 04.01.2022).

26. Об упорядочении деятельности Федерального агентства по управлению федеральным имуществом в сфере корпоративного управления» (вместе с «Рекомендациями для формирования позиции Российской Федерации по вопросу

об утверждении годового отчета открытого акционерного общества, акции которого находятся в собственности Российской Федерации», «Рекомендациями для формирования позиции Российской Федерации по вопросу о согласовании сделки, в совершении которой имеется заинтересованность, и крупной сделки открытого акционерного общества, акции которого находятся в собственности Российской Федерации»): приказ Росимущества от 26 июля 2005 г. № 228 (ред. от 05.06.2015) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.05.2021).

27. Методические рекомендации по организации работы Совета директоров в акционерном обществе: утв. приказом Росимущества от 21 ноября 2013 г. № 357 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.01.2022).

28. О внесении изменений в федеральные законы «Об акционерных обществах» и «Об обществах с ограниченной ответственностью» (в части обеспечения права участников хозяйственных обществ на информацию): экспертное заключение по проекту федерального закона (принято на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 4 июля 2016 г. № 155-4/2016) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.07.2021).

29. Модельный Гражданский кодекс для государств-участников СНГ (часть первая): принят на пятом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств 29 октября 1994 г. // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ. – 1995. – № 6.

30. Соборное уложение 1649 года: текст, комментарии. – Л.: Наука, 1987. – 448 с.

31. Свод законов Российской Империи. – СПб.: б. и., 1900. – Т. 10. – Ч. 1: 1. Свод законов гражданских. 2. Положение о казенных подрядах и поставках. – 417, 80 с., [1] л. табл.

32. Свод законов Российской Империи. – СПб.: б. и., 1914. – Т. 10. – Ч. 1: Свод законов гражданских. – 498 с, 1 л. табл.

33. Кодификация российского гражданского права: Свод законов гражданских Российской Империи, проект уложения Российской Империи, Гражданский кодекс РСФСР 1922 года, Гражданский кодекс РСФСР 1964 года. – Екатеринбург: Изд-во Ин-та част. права, 2003. – 926 с.

34. Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. (документ утратил силу) // Известия ВЦИК. – 1922. – № 256.

35. Гражданский кодекс РСФСР 1964 г. (ред. от 05.01.1988) (документ утратил силу) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1964. – № 24. – Ст. 407; Свод законов РСФСР. – 1988. – Т. 2. – Ст. 7.

36. Об утверждении Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик: Закон СССР от 8 декабря 1961 г. (с изм. на 12 июня 1990 г.) (утратил силу с 01.01.1992 на основании постановления Верховного Совета СССР от 31 мая 1991 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1961. – № 50. – Ст. 526.

37. Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик, утв. ВС СССР 31 мая 1991 г. № 2211-1 (документ утратил силу) // Ведомости СНД и ВС СССР. – 1991. – № 26. – Ст. 733.

38. Дигесты Юстиниана / пер. с лат.; отв. ред. Л. Л. Кофанов. – М.: Статут, 2008. – 622 с.

39. Гай. Институции. Книга II / пер. с лат. Ф. Дыдынского; под ред. В. А. Савельева, Л. Л. Кофанова. – М.: Юристъ, 1997. – 368 с. – URL: <http://ancientrome.ru/ius/i.htm?a=1446002000> (дата обращения: 01.05.2021).

40. Гражданский кодекс Кыргызской Республики // Министерство юстиции Кыргызской Республики: офиц. сайт. – URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/4> (дата обращения: 03.05.2021).

41. Гражданский кодекс Республики Беларусь // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9800218> (дата обращения 03.05.2021).

42. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть) // ИС «Параграф-Юрист». – URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1006061 (дата обращения 03.05.2021).

43. Гражданский кодекс Республики Молдова (Книга первая. Общие положения) // ИС «Континент». – URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30397878 (дата обращения: 03.05.2021).

44. Гражданский кодекс Республики Таджикистан (Часть первая) // ИС «Параграф-Юрист». – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30447927 (дата обращения: 03.05.2021).

45. Гражданский кодекс Республики Узбекистан // Все законодательство Узбекистана: информ.-поиск. и эксперт. системы. – URL: https://nrm.uz/contentf?doc=1370_grajdanskiy_kodeks_oglavlenie (дата обращения: 03.05.2021).

46. Гражданский кодекс Туркменистана // Портал ИС ВОИС: офиц. сайт. – URL: <https://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/ru/tm/tm037ru.pdf> (дата обращения: 03.05.2021).

47. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона). – М.: Инфотропик Медиа, 2012. – С. 4–592.

48. Гражданский кодекс французов 1804 года (Кодекс Наполеона) // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / сост. Н. А. Крашенинникова. – М.: Зерцало, 2000. – С. 246–270.

49. Гражданский кодекс Швейцарии от 10 декабря 1907 г. (по состоянию на 01.01.2017) // Портал ИС ВОИС. – URL: <https://wipolex.wipo.int/ru/legislation/details/17179> (дата обращения: 03.03.2021).

50. Цивільний кодекс України // Відомості Верховної Ради України (ВВР). – 2003. – № 40–44. – Ст. 356. – URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/435-15#Text> (дата обращения 03.05.2021).

51. Гражданский кодекс Квебека = Code civil du Québec / науч. ред. и авт. предисл.: О. М. Козырь, А. А. Маковская. – М.: Статут, 1999. – 470, [1] с.

52. Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению. 4-е изд., перераб. – М.: Инфотропик Медиа, 2015. – С. VIII–XIX, 1–715.

53. Принципы европейского контрактного права (с изм. и доп. 1998 г.) // Международные коммерческие транзакции. Публикация ICC №. 711. 4-е изд. / пер. с англ. под ред. Н. Г. Вилковой. – М.: Инфотропик Медиа, 2011. – 896 с.

54. Принципы европейского договорного права (подготовлены Комиссией по европейскому договорному праву) // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2005. – № 3.

55. Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2010 / пер. с англ. С. А. Комарова. – М.: Статут, 2013. – 756, [1] с.

56. United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland Companies Act 2006 // The National Archives. – URL: <http://legislation.gov.uk> (дата обращения: 20.01.2019).

57. Model Business Corporation Act, 3rd Ed. Official Text. Revised through 2002. Adopted by the Committee on Corporate Laws of the Section of Business Law with support of the American Bar Foundation // LexisNexis Legal & Professional. – URL: https://www.lexisnexus.com/documents/pdf/20080618091347_large.pdf (дата обращения: 05.11.2020).

Материалы судебной практики

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 апреля 2003 г. № 6-П по делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 167 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О. М. Мариничевой, А. В. Немировской, З. А. Скляновой, Р. М. Скляновой и В. М. Ширяева // Российская газета. – 2003. – 26 апр.

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 22 апреля 2013 г. № 8-П по делу о проверке конституционности статей 3, 4, пункта 1 части первой статьи 134, статьи 220, части первой статьи 259, части второй статьи 333 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, подпункта «з» пункта 9 статьи 30, пункта 10 статьи 75, пунктов 2 и 3 статьи 77 Федерального закона «Об основ-

ных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», частей 4 и 5 статьи 92 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с жалобами граждан А. В. Андропова, О. О. Андроновой, О. Б. Белова и других, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и регионального отделения политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ в Воронежской области // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2013. – № 5.

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 24 марта 2015 г. № 5-П по делу о проверке конституционности статьи 19 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А. М. Богатырева // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 14. – Ст. 2197.

4. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 г. № 21-П по делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 30. – Ст. 4658.

5. Постановление Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 г. по делу «ОАО Нефтяная компания „ЮКОС“ против России» (ОАО Neftyanaya Kompaniya Yukos v. Russia) (жалоба № 14902/04) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. – 2014. – № 11.

6. О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 г. № 62 // Вестник ВАС РФ. – 2013. – № 10.

7. О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 16 мая 2014 г. № 28 (ред. от 26.06.2018) // Вестник ВАС РФ. – 2014. – № 6.

8. О применении судами некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015. – № 8.

9. О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. – № 3.

10. Об оспаривании крупных сделок и сделок, в отношении которых имеется заинтересованность: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2018 г. № 27 // Российская газета. – 2018. – 6 июля.

11. Определение Верховного Суда РФ от 29 июля 2008 г. № 21-В08-6 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.07.2021).

12. Определение Верховного Суда РФ от 11 июля 2017 г. по делу № А40-201077/2015 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.07.2021).

13. Определение Верховного Суда РФ от 24 января 2020 г. № 310-ЭС17-8905 по делу № А35-5002/2016 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.07.2021).

14. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26 мая 2017 г. № 306-ЭС16-20056(6) по делу № А12-45751/2015 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.07.2021).

15. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 12 февраля 2018 г. № 305-ЭС15-5734(4,5) по делу № А40-140479/2014 // СПС «Гарант» (дата обращения: 17.07.2021).

16. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 21 марта 2006 г. № 13683/05 по делу № А04-9129/04-15/406 // Вестник ВАС РФ. – 2006. – № 7.

17. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 октября 2012 г. № 6936/12 по делу № А51-12302/2011 // Вестник ВАС РФ. – 2013. – № 2.

18. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 января 2009 г. № 8207/08 по делу № А40-48536/07-53-426 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.08.2021).

19. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 10 августа 2010 г. № ВАС-7580/10 по делу № А50-2691/2009 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.08.2021).

20. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 12 августа 2010 г. № ВАС-10044/10 по делу № А40-1345/09-73-2Б // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.08.2021).

21. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 14 декабря 2011 г. № ВАС-12434/11 по делу № А59-4783/2010 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.07.2021).

22. Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № ВАС-18291/13 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.07.2021).

23. Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации: информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25 ноября 2008 г. № 127 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 15.05.2021).

24. Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффи-

лированных с ним лиц: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29 января 2020 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2020. – № 7.

25. О некоторых вопросах практики рассмотрения арбитражными судами споров о предоставлении информации участникам хозяйственных обществ: информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 18 января 2011 г. № 144 // Вестник ВАС РФ. – 2011. – № 3.

26. Перечень позиций высших судов к ст. 174 ГК РФ «Последствия нарушения представителем или органом юридического лица условий осуществления полномочий либо интересов представляемого или интересов юридического лица» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.07.2021).

27. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 22 декабря 2015 г. № Ф02-5641/2015 по делу № А10-809/2015 // Электронное правосудие. Картотека арбитражных дел. – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 01.08.2021).

28. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 13 марта 2019 г. № Ф03-604/2019 // Электронное правосудие. Картотека арбитражных дел. – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 10.11.2020).

29. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 19 мая 2015 г. № Ф03-1778/2015 // Электронное правосудие. Картотека арбитражных дел. – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 01.10.2020).

30. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 11 декабря 2015 г. № Ф04-25994/2015 // Электронное правосудие. Картотека арбитражных дел. – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 10.11.2020).

31. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 2 сентября 2016 г. № Ф04-3595/2016 по делу № А27-3476/2015 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.07.2021).

32. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 26 октября 2016 г. по делу № А45-5884/2014 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.07.2021).

33. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 30 июня 2020 г. № Ф04-6045/2019 по делу № А70-7199/2019 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.01.2022).

34. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29 марта 2018 г. по делу № А40-119359/2017 // Электронное правосудие. Картотека арбитражных дел. – URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 10.11.2020).

35. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14 марта 2018 г. № Ф05-2119/2018 по делу № А41-14909/17 // Электронное правосудие. Картотека арбитражных дел. – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 01.08.2021).

36. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 6 апреля 2018 г. № Ф05-3522/2018 по делу № А41-22292/17 // Электронное правосудие. Картотека арбитражных дел. – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 05.06.2020).

37. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14 мая 2019 г. № Ф05-6040/2019 по делу № А41-60376/2018 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.07.2021).

38. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 10 июля 2019 г. № Ф05-10291/2019 по делу № А41-51711/2018 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.07.2021).

39. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 21 июня 2016 г. № Ф06-8948/2016 по делу № А06-11750/2014 // Электронное правосудие. Картотека арбитражных дел. – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 05.06.2020).

40. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 14 октября 2015 г. № Ф07-7397/2015 по делу № А56-44454/2014 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.07.2021).

41. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 15 декабря 2017 г. № Ф08-8643/2017 по делу № А61-635/2017 // Электронное

правосудие. Картотека арбитражных дел. – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 01.08.2021).

42. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16 мая 2017 г. № Ф09-1269/17 по делу № А60-40534/2016 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.05.2021).

43. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 31 октября 2016 г. № Ф09-9308/2016 // Электронное правосудие. Картотека арбитражных дел. – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 01.10.2020).

44. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 19 октября 2016 г. № Ф09-9467/16 по делу № А76-13514/2015 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.07.2021).

45. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 20 ноября 2017 г. № Ф10732/2015 по делу № А23-3760/2013 // Электронное правосудие. Картотека арбитражных дел. – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 10.11.2020).

46. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 2 октября 2013 г. по делу № А40-136/12-103-1 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.06.2021).

47. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 11 ноября 2013 г. по делу № А40-116202/12-114-1110 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.01.2022).

48. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 31 марта 2003 г. № А44-1423/02-С12 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.07.2021).

49. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 24 июня 2011 г. по делу № А56-52975/2009 // Электронное правосудие. Картотека арбитражных дел. – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 10.11.2020).

50. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 29 ноября 2005 г. № Ф08-5602/2005 по делу № А63-546/2005-С2 // Элек-

тронное правосудие. Картотека арбитражных дел. – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 01.08.2021).

51. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 6 мая 2004 г. № Ф08-1625/04 по делу № А63-1448/03-С2 // Электронное правосудие. Картотека арбитражных дел. – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 01.08.2021).

52. Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 8 апреля 2015 г. по делу № А62-6896/2014 // Электронное правосудие. Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 10.11.2020).

53. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 21 июня 2016 г. № 17АП-4412/2016-АС // Электронное правосудие. Картотека арбитражных дел. – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 01.10.2020).

54. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 6 декабря 2018 г. по делу № А50-9561/2018 // Электронное правосудие. Картотека арбитражных дел. – URL: <http://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 10.11.2020).

55. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 25 сентября 2013 г. по делу № А40-56721/13 // Электронное правосудие. Картотека арбитражных дел. – URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 10.11.2020).

56. Решение Арбитражного суда Свердловской области от 1 ноября 2015 г. по делу № А60-23407/2015 // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/ky4X5XOVVSQJ9/> (дата обращения: 10.05.2021).

57. Определение Верховного Суда РФ от 13.08.2020 N 308-ЭС18-4704 по делу N А53-2579/2017 Электронное правосудие. Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 10.01.2022).

58. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 13.08.2020 N Ф08-6093/2020 по делу N А63-14225/2018 Электронное правосудие. Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 10.01.2022).

59. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 19.08.2021 N 305-ЭС21-4666(1,2,4) по делу N

A40-240402/2016 Электронное правосудие. Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 10.01.2022).

60. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 01.07.2021 N Ф05-12653/2021 по делу N А40-249815/2020 Электронное правосудие. Картотека арбитражных дел. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 10.01.2022).

Монографии, учебники, учебные пособия

1. Алексеев, С. С. Восхождение к праву. Поиски и решения / С. С. Алексеев. – М.: Норма, 2001. – 752 с.
2. Алексеев, С. С. Право на пороге нового тысячелетия: некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи / С. С. Алексеев. – М.: Статут, 2000. – 256 с.
3. Алексеев, С. С. Проблемы теории права: курс лекций: в 2 т. / С. С. Алексеев. – Свердловск: [б. и.], 1972. – Т. 1. – 396 с.
4. Алексеев, С. С. Философия права / С. С. Алексеев. – М.: Норма, 1999. – 329 с.
5. Архипов, С. И. Субъект права / С. И. Архипов. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 466 с.
6. Баженова, О. И. Муниципальное образование как субъект права / О. И. Баженова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. – 255 с.
7. Барак, А. Судейское усмотрение / А. Барак; пер. с англ.; науч. ред. В. А. Кикоть, Б. А. Страшун; вступ. ст. М. В. Баглая. – М.: Норма, 1999. – 364 с.
8. Бартошек, М. Римское право: понятие, термины, определения / М. Бартошек, пер. с чешск. – М.: Юрид. лит., 1989. – 448 с. – URL: <http://ancientrome.ru/dictio/bart/01.htm> (дата обращения 05.11.2020).
9. Басин, Ю. Г. Юридические лица по гражданскому законодательству Республики Казахстан: учеб. пособие / Ю. Г. Басин. – 2-е изд. – Алматы: ВШП Адилет, – 2000. – 169, [2] с.
10. Беляцкий, С. А. Частное право в основных принципах: Курс гражданского права / С. А. Беляцкий. – Каунас: б. и., 1928. – 900 с.

11. Бердяев, Н. С. Философия свободного духа / Н. С. Бердяев. – М.: Республика, 1994. – 479, [1] с.
12. Боннер, А. Т. Законность и справедливость в правоприменительной деятельности / А. Т. Боннер. – М.: Рос. право, 1992. – 319 с.
13. Блэк, Б. Комментарий Федерального закона об акционерных обществах / Б. Блэк, Р. Крэкман, А. Тарасова. – М.: COLPI : Лабиринт, 1999. – 720 с.
14. Богданова, Е. Е. Принцип добросовестности и эволюция защиты гражданских прав в договорных отношениях: монография / Е. Е. Богданова. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 339 с.
15. Бойко, Т. С. Защита прав и интересов миноритарных участников непубличного общества в праве России, США и Великобритании / Т. С. Бойко. – М.: Статут, 2019. – 255 с.
16. Брагинский, М. И. Договорное право. Общие положения / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – 3-е изд., стереотип. – М.: Статут, 2001. – Кн. 1. – 848 с.
17. Братусь, С. Н. Предмет и система советского гражданского права / С. Н. Братусь. – М.: Госюриздат, 1963. – 197 с.
18. Бэкон, Ф. Сочинения: в 2 т. / Ф. Бэкон. – М.: Мысль, 1977. – Т. 1: О достоинстве и приумножении наук. – 567 с.
19. Вавилин, Е. В. Принципы гражданского права. Механизм осуществления и защиты гражданских прав: монография / Е. В. Вавилин. – Саратов: Сарат. гос. юрид. акад., 2012. – 363 с.
20. Вайпан, В. А. Теория справедливости: право и экономика: монография / В. А. Вайпан. – М.: Юстицинформ, 2017. – 279 с.
21. Василенко, В. А. Мораль и общественная практика / В. А. Василенко. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. – 176 с.
22. Витрянский, В. В. Реформа гражданского законодательства: промежуточные итоги / В. В. Витрянский. – М.: Статут, 2017. – 431 с.
23. Габов, А. В. Сделки с заинтересованностью в практике акционерных обществ: проблемы правового регулирования / А. В. Габов. – М.: Статут, 2005. – 412 с.

24. Гарейс, К. Германское торговое право / К. Гарейс. – М.: Тип. А. И. Мамонтова и Ко, 1893. – 399 с.
25. Гегель, Г. В. Ф. Позитивность христианской религии / Г. В. Ф. Гегель // Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет: в 2 т. – М.: Мысль, 1971. – Т. 1. – 668 с.
26. Гегель, Г. В. Ф. Сочинения: в 14 т. / Г. В. Ф. Гегель. – М.; Л.: Гос. изд-во, [1929]-. – Т. 7: Философия права. – 1934. – 384 с.
27. Гегель, Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1990. – 524 [2] с.
28. Гендзехадзе, Е. Н. Жилищно-строительные кооперативы в городе и селе / Е. Н. Гендзехадзе. – М.: Изд-во Москов. ун-та, 1976. – 174 с.
29. Гоббс, Т. Левиафан. Сочинения: в 2 т. / Т. Гоббс. – М.: Мысль, 1991. – Т. 2. – 735 с.
30. Гололобов, Д. В. Акционерное общество против акционера: противодействие корпоративному шантажу / Д. В. Гололобов. – М.: Юстицинформ. 2004. – 320 с.
31. Гонгало, Б. М. Основные начала российского жилищного законодательства (комментарий законодательства) / Б. М. Гонгало // Нотариус. – 2005. – № 3. – С. 4–9.
32. Гражданское право России. Часть первая: учебник / под ред. З. И. Цыбуленко. – М.: Юристъ, 1998. – 459 с.
33. Гражданское право. Часть первая: учебник / под ред. А. Г. Калпина, А. И. Масляева. – М.: Юристъ, 1997. – 465 с.
34. Гражданское право: учеб. для вузов / под ред. Т. И. Илларионовой, Б. М. Гонгало, В. А. Плетнева. – М.: Норма : Инфра-М, 1998. – Ч. 1. – 453 с.
35. Грибанов, В. П. Осуществление и защита гражданских прав / В. П. Грибанов. – М.: Статут, 2001. – 410, [1] с.
36. Гутников, О. В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: монография / О. В. Гутников. – М.: ИЗиСП : Контракт, 2019. – 488 с.
37. Дедов, Д. И. Конфликт интересов / Д. И. Дедов. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – 288 с.

38. Долинская, В. В. Акционерное право: основные положения и тенденции / В. В. Долинская. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 719, [1] с.
39. Долинская, В. В. Общее собрание акционеров: монография / В. В. Долинская; Моск. гос. юрид. ун-т им. О. Е. Кутафина (МГЮА). – М.: Норма : ИНФРА-М, 2016. – 158, [1] с.
40. Долинская, В. В. Миноритарные акционеры: статус, права и их осуществление / В. В. Долинская, В. В. Фалеев; отв. ред. В. В. Долинская. М.: Волтерс Клувер, 2010. – 141 с.
41. Емельянов, В. И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами / В. И. Емельянов. – М.: Лекс-Книга, 2002. – 160 с.
42. Исаев, М. А. История Российского государства и права: учеб. / М. А. Исаев. – М.: Статут, 2012. – 840 с.
43. История политических и правовых учений: учебник для вузов / под общ. ред. В. С. Нерсисянца. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2004. – 944 с.
44. Калмыков, Ю. Х. Принцип всемерной охраны социалистической собственности в гражданском праве / Ю. Х. Калмыков. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. – 215, [1] с.
45. Кант, И. Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов / И. Кант. – СПб.: Наука, 1995. – 528 с.
46. Канторович, Я. А. Основные идеи гражданского права / Я. А. Канторович. – М.: ЮрИнфоР-МГУ, 2009. – 329 с.
47. Комиссаров, К. И. Задачи судебного надзора в сфере гражданского судопроизводства / К. И. Комиссаров. – Свердловск: б. и., 1971. – 167 с.
48. Координация экономической деятельности в российском правовом пространстве / К. М. Беликова, А. В. Габов, Д. А. Гаврилов и др.; отв. ред. М. А. Егорова. – М.: Юстицинформ, 2015. – 656 с.
49. Корельский, В. М. Теория права и государства / В. М. Корельский, В. Д. Перевалов. – М.: Инфра-М, 1997. – 570 с.
50. Корпоративное право: Актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. – М.: Юрайт, 2009. – 678 с.

51. Корпоративное право. Актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. – 2-е изд. – М.: Юрайт, 2015. – 552 с.
52. Корпоративное право: учеб. курс / отв. ред. И. С. Шиткина. – М.: Статут, 2018. – 735 с.
53. Корпоративное право: учебник / А. В. Габов, Е. П. Губин, С. А. Карелина и др.; отв. ред. И. С. Шиткина. – М.: Статут, 2019. – 735 с.
54. Криличевский, С. А. Судебное усмотрение в исках о доходах и убытках и кассационное обжалование / С. А. Криличевский. – Пг.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1914. – 56 с.
55. Кузнецова, О. А. Нормы-принципы российского гражданского права / О. А. Кузнецова. – М.: Статут, 2006. – 269 с.
56. Лаптев, В. А. Корпоративное право: правовая организация корпоративных систем: монография / В. А. Лаптев. – М.: Проспект, 2019. – 384 с.
57. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. – 5-е изд. – М.: Политиздат, 1970. – Т. 44: Июнь 1921 – март 1922. – 754 с.
58. Ломакин, Д. В. Корпоративные правоотношения: общая теория и практика ее применения в хозяйственных обществах / Д. В. Ломакин. – М.: Статут, 2008. – 509 с.
59. Лордкипанидзе, А. Г. Имущественная ответственность в капиталистической акционерной компании (Франция, Англия, США) / А. Г. Лордкипанидзе. – М.: Изд-во ВНИИСЗ, 1981. – 32 с.
60. Лукьяненко, М. Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность / М. Ф. Лукьяненко. – М.: Статут, 2010. – 423 с.
61. Макарова, О. А. Корпоративное право: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры / О. А. Макарова, В. Ф. Попондопуло. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2019. – 413 с.
62. Мальцев, Г. В. Понимание права. Подходы и проблемы / Г. В. Мальцев. – М.: Прометей, 1999. – 419 с.

63. Матузов, Н. И. Теория государства и права / Н. И. Матузов, А. В. Малько. – М.: Юристъ, 2005. – 512 с.
64. Мейер, Д. И. Русское гражданское право / Д. И. Мейер. – М.: Статут, 1997. – 829, [1] с.
65. Менегетти, А. Система и личность / А. Менегетти. – М.: НФ «Антонио Менегетти», 2015. – 288 с. – URL: <http://pda.litres.ru/antonio-menegetti/sistema-ilichnost/> (дата обращения 01.05.2021).
66. Минцберг, Г. Структура в кулаке: создание эффективной организации / под ред. Ю. Н. Каптуревского. – СПб.: Питер, 2004. – 512 с.
67. Михайлов, Я. В. Эффективный менеджмент / под ред. М. И. Гельвановского. – М.: Гелан, 2001. – 372 с.
68. Могилевский, С. Д. Корпорации в России. Правовой статус и основы деятельности / С. Д. Могилевский, И. А. Самойлов. – М.: Дело, 2006. – 479 с.
69. Молотников, А. Е. Ответственность в акционерных обществах / А. Е. Молотников. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 240 с.
70. Нерсисянц, В. С. Философия права: учебник / В. С. Нерсисянц. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма : Инфра-М, 2015. – 848 с.
71. Новицкий, И. Б. Римское право: учебник / И. Б. Новицкий. – М.: Зерцало, 2003. – 244, [1] с.
72. Овдиенко, Е. Б. Соотношение категорий «добросовестность» и «недобросовестность» в договорном праве: монография / Е. Б. Овдиенко. – М.: ЮНИТИ : Закон и право, 2015. – 197 с.
73. Омельченко, О. А. Римское право: учебник / О. А. Омельченко. – М.: ТОН-Острожье, 2001. – 208 с.
74. Осипенко, О. В. Управление акционерным обществом в условиях реформы корпоративного права / О. В. Осипенко. – М.: Статут, 2016. – 400 с.
75. Папкова О. А. Усмотрение суда / О. А. Папкова. – М.: Статут, 2005. – 411, [1] с.
76. Пахман, С. В. Обычное гражданское право в России / С. В. Пахман; под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2003. – 700 с.

77. Пахомова, Н. Н. Цивилистическая теория корпоративных отношений / Н. Н. Пахомова. – Екатеринбург: Налоги и финансовое право, 2005. – 336 с.
78. Петражицкий, Л. И. Акционерная компания. Акционерные злоупотребления и роль акционерных компаний в народном хозяйстве: по поводу предстоящей реформы акционерного права / Л. И. Петражицкий. – СПб.: Тип. М-ва фин. (В. Киршбаума), 1898. – 226 с.
79. Петражицкий, Л. И. Права добросовестного владельца на доходы с точек зрения догмы и политики гражданского права / Л. И. Петражицкий. – М.: Статут, 2002. – XII, 370 с.
80. Петражицкий, Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности: в 2 т. / Л. И. Петражицкий. – М.: РОССПЭН, 2010. – Т. 2. – 800 с.
81. Писемский, П. А. Акционерные компании с точки зрения гражданского права / П. А. Писемский. – М.: Тип. Грачева и К°, 1876. – 230, [2], IV с. – URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003544763> (дата обращения: 01.11.2020).
82. Платон. Государство / Платон // Платон. Сочинения: в 3 т. – М.: Мысль, 1971. – Т. 3. – Ч. 1. – 685, [2] с.
83. Платон. Законы / Платон // Платон. Сочинения: в 3 т. – М.: Мысль, 1971. – Т. 3. – Ч. 2. – 678 с.
84. Поваров, Ю. С. Акционерное право России: учеб. для магистров / Ю. С. Поваров. 3-е изд., испр. и доп. – М.: Юрайт, 2016. – 705 с.
85. Покровский, И. А. Обязательства из деликтов в проекте гражданского уложения : (Прил. к протоколам собр. Киев. юрид. о-ва за 1899 г.) : Доклад чл. О-ва И. А. Покровского, чит. в собр. О-ва 27 нояб. 1899 г. / И. А. Покровский. – Киев: Тип. Имп. Ун-та св. Владимира, 1901. – 26 с.
86. Покровский, И. А. Основные проблемы гражданского права / И. А. Покровский. – М.: Статут, 2001. – 349, [1] с.
87. Право как ценность: материалы дискуссии / отв. ред. Л. О. Иванов. – М.: Гардарики, 2002. – 75 с.
88. Принципы гражданского права и их реализация: монография / под ред. Т. П. Подшивалова, Г. С. Демидовой. – М.: Проспект, 2017. – 351 с.

89. Принципы частного права: монография / под ред. Т. П. Подшивалова, В. В. Кваниной, М. С. Сагандыкова. – М.: Проспект, 2018. – 398 с.
90. Пухан, И. Римское право / И. Пухан, М. Полинак-Акимовская; под ред. В. А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2000. – 448 с.
91. Пчелинцева, Л. М. Семейное право России: учеб. для вузов / Л. М. Пчелинцева. – М.: Норма ; ИНФРА-М, 1999. – 663 с.
92. Рабинович, Н. В. Недействительность сделок и ее последствия / Н. В. Рабинович. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1960. – 171 с.
93. Реале, Д. Западная философия от истоков до наших дней: в 4 т. / Д. Реале, Д. Антисери. – СПб.: Петрополис, 1997. – Т. 3. – 880 с.
94. Римское частное право: учебник / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. – М.: Юристь, 2004. – 314 с.
95. Ровный, В. В. Понятие и признаки предпринимательства (гражданско-правовой аспект) / под ред. А. И. Хаснутдинова. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1998. – 100 с.
96. Российское гражданское право. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права: в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. – М.: Статут, 2011. – Т. 1. – 956, [1] с.
97. Саидов, А. Х. Сравнительное правоведение и юридическая география мира / А. Х. Саидов, отв. ред. В. А. Туманов. – М.: ИГПРАН, 1993. – 148 с.
98. Самаркин, К. И. Осуществление гражданами права на жилище в жилищных и жилищно-строительных кооперативах: монография / под ред. Е. П. Чорновола. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ин-та – филиала РАНХиГС, 2012. – 158 с.
99. Санфилиппо, Ч. Курс римского частного права: учебник / под ред. Д. В. Дождева. – М.: БЕК, 2000. – XXVII, 370 с.
100. Свердлык, Г. А. Принципы советского гражданского права / Г. А. Свердлык. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. – 199 с.
101. Семякин, М. Н. Источники российского гражданского права: проблемы теории и практики / М. Н. Семякин. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 351 с.

102. Семякин, М. Н. Частное право: философские и исторические основания (критерии) и проблемы современной цивилистической доктрины / М. Н. Семякин. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ин-та – филиала РАНХиГС, 2013. – Ч. 1. – 154 с.

103. Семякин, М. Н. Основные тенденции современного реформирования гражданского законодательства РФ: промежуточные итоги, достоинства и недостатки / М. Н. Семякин. – М.: Юрайт, 2021. – 288 с.

104. Синайский, В. И. Русское гражданское право: учебник / В. И. Синайский. – М.: Статут, 2002. – 636, [1] с.

105. Скловский, К. И. Собственность в гражданском праве / К. И. Скловский. – 4-е изд. – М.: Статут, 2008. – 922 с.

106. Соловьев, В. С. Оправдание добра. Нравственная философия / В. С. Соловьев // Соловьев В. С. Сочинения: в 2 т. – М.: Мысль, 1990. – Т. 1. – С. 47–548.

107. Соловьев, В. Право и нравственность. Очерки из прикладной этики / В. Соловьев. – СПб.: Изд. Я. Канторовича, 1899. – 177, [2] с.

108. Соломин, С. К. Добросовестность в гражданском праве: монография / С. К. Соломин, Н. Г. Соломина. – М.: Юстицинформ, 2018. – 143 с.

109. Сорокин, В. В. Дух права и буква закона: вопросы понимания, толкования и действия: монография / В. В. Сорокин. – М.: Юрлитинформ, 2019. – 560 с.

110. Спиноза, Б. Избранные произведения: в 2 т. / Б. Спиноза. – М.: Госполитиздат, 1957. – Т. 2: Богословско-политический трактат. – 727 с.

111. Суворов, Н. С. Об юридических лицах по римскому праву / Н. С. Суворов. – М.: Статут, 2000. – 299 с.

112. Суханов, Е. А. Сравнительное корпоративное право / Е. А. Суханов. – М.: Статут, 2014. – 456 с.

113. Трансформация роли государства в условиях смешанной экономики / под ред. А. Г. Зельднера, И. Ю. Ваславской. – М.: Наука, 2006. – 261 с.

114. Тютрюмов, И. М. Законы гражданские с разьяснениями Правительствующего сената и комментариями русских юристов / И. М. Тютрюмов. – М.: Статут, 2004. – 348 с.

115. Филиппова, С. Ю. Продажа или приобретение бизнеса: правовое сопровождение сделки: монография / С. Ю. Филиппова, И. С. Шиткина. – М.: Статут, 2019. – 190 с.
116. Фуллер, Л. Мораль права / Л. Фуллер, пер. с англ. Т. Даниловой. – М.: ИРИСЭН, 2007. – 305, [1] с.
117. Хропанюк, В. Н. Теория государства и права / В. Н. Хропанюк. – М.: Юрид. лит-ра, 1995. – 377 с.
118. Черниловский, З. М. Римское частное право / З. М. Черниловский. – М.: Проспект, 2001. – 220 с.
119. Чорновол, О. Е. Обязательства по компенсации морального вреда в современном российском гражданском праве / О. Е. Чорновол. – Екатеринбург: Уральский ин-т - фил. РАНХиГС, 2012. – 227 с.
120. Шиткина, И. С. Экстраординарные сделки, совершаемые хозяйственными обществами / И. С. Шиткина. – М.: Статут, 2017. – 141 с.
121. Яковлев, В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений / А. В. Яковлев. – Свердловск: Изд-во Свердлов. юрид. ин-та им. Р. А. Руденко, 1972. – 212 с.
122. Яковлев, В. Ф. Россия: экономика, гражданское право (вопросы теории и практики) / В. Ф. Яковлев. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2000. – 224 с.
123. Beale, H. Case, Materials and Text on Contract Law / H. Beale et al. – Oxford: Hart Publishing, 2002. – 993 p.
124. Davis, K. C. Discretionary justice: a preliminary inquiry / K. C. Davis. – Baton Rouge: Louisiana State University Press, 1969. – 233 p.
125. Dworkin, R. M. Taking rights seriously / R. M. Dworkin. – Cambridge: Louisiana State University Press, 1977. – 295 p.
126. Easterbrook, F. H. The Economic Structure of Corporate Law / F. H. Easterbrook, D. R. Fischel. – Cambridge: Harvard University Press, 1991. – 370 p.
127. Galligan, D. J. Discretionary powers: a legal study of official discretion / D. J. Galligan. – Oxford: Clarendon Press, 1986. – 401 p.

128. Gierke, O. V. Das deutsche Genossenschaftsrecht / O. V. Gierke. 4 Bde. – Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1868–1913. – 567 s.

129. Good Faith in European Contract Law / ed. by R. Zimmermann, S. Whittaker. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – 720 p.

130. Goode, R. The concept of good faith in English law / R. Goode. – Rome: Centro di studi e ricerche di diritto comparato e straniero, 1992. – 1089 p.

131. Markesinis, B. S. The German Law of Contract: A Comparative Treatise / B. S. Markesinis, H. Unberath, A. Johnston. 2nd ed. – Portland: Hart Publishing, 2006. – 1034 p.

132. Strätz, H.-W. Treu und Glauben. Band 1 : Beiträge und Materialien zur Entwicklung von Treu und Glauben in Privatrechtsquellen deutschen vom 13. bis zur Mitte 17. Jahrhunderts. 1997 / H.-W. Strätz. Paderborn: Schöningh, 1974. S. 287–323.

133. The principles of European contract law. Part I: Performance, non-performance and remedies / ed. by O. Lando, H. Beale. – Dordrecht: Martinus Nijhoff, 1995. – 268 p.

134. The uses of discretion / ed. by K. Hawkins. – Oxford: Clarendon Press, 1992. – 431 p.

135. Wieacker, F. Privatrechtsgeschichte der Neuzeit / F. Wieacker. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1967. – 379 s.

136. Wirth, G. Corporate Law in Germany / G. Wirth, M. Greene, M. Arnold. – München: C. H. Beck, 2004. – 513 p.

Словари, справочники

1. Словарь по этике / под ред. И. С. Кона. – М.: Политиздат, 1983. – 447, [1] с.

2. Словарь философских терминов / под ред. В. Г. Кузнецова. – М.: ИН-ФРА-М, 2005. – XVI, 731 с.

Статьи в периодических изданиях, сборниках научных трудов

1. Агарков, М. М. Основные принципы советского гражданского права / М. М. Агарков // Агарков М. М. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2002. – Т. 2. – С. 386–416.
2. Агарков, М. М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве / М. М. Агарков // Агарков М. М. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2002. – Т. 2. – С. 361–385.
3. Александров, Ю. А. К вопросу о соотношении начал и принципов права / Ю. А. Александров // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2014. – № 6. – URL: <http://brj-bguer.ru/reader/article.aspx?id=19121> (дата обращения: 01.05.2021).
4. Амфитеатров, Г. Н. Вопросы виндикации в советском праве / Г. Н. Амфитеатров // Советское государство и право. – 1941. – № 2. – С. 38–47.
5. Антонова, Е. С. Понятие, содержание и особенности корпоративных прав / Е. С. Антонов // Юридический мир. – 2000. – № 11. – С. 24–28.
6. Болдырев, В.А. Корпоративные отношения и корпоративные споры / В.А. Болдырев // Юрист. – 2013. – № 16. – С. 31-33.
7. Болдырев, В.А. Хозяйственные общества и государственные корпорации в системе субъектов гражданского права / В.А. Болдырев // Вестник Омского университета. Серия: Право. – 2014. – № 4 (41). – С. 141-147.
8. Болдырев, В.А. Крупные сделки хозяйственных обществ / В.А. Болдырев // Научные труды. Российская академия юридических наук. М., – 2015. – С. 605-610.
9. Брисов, Ю. В. Реализация доктрины добросовестности в корпоративных правоотношениях / Ю. В. Брисов // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 12 (109). – С. 70–80.
10. Будылин, С. Л. Разум и добрая совесть: обязанности директора в США, Великобритании, России / С. Л. Будылин // Вестник ВАС РФ. – 2013. – № 2. – С. 10–39.

11. Бушев, А. Ю. О свободе принятия бизнес-решений и правовых критериях определения ее границ: критерий явной очевидности / А. Ю. Бушев // Арбитражные споры. – 2013. – № 3. – С. 113–132.
12. Венедиктов, А. В. Картели и синдикаты / А. В. Венедиктов // Вестник гражданского права. – 1915. – № 4–5. – С. 117–145.
13. Виниченко, Ю. В. Разумность и справедливость как принципы гражданского права и начала функционирования системы гражданского оборота / Ю. В. Виниченко // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2014. – № 3. – С. 98–115.
14. Волков, А. В. Соотношение принципа добросовестности и принципа недопустимости злоупотребления правом / А. В. Волков // Юрист. – 2013. – № 8. – С. 3–7.
15. Волос, А. А. Понятие принципов обязательственного права / А. А. Волос // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2014. – № 3 (98). – С. 162–166.
16. Ганюшин, О. Е. Результаты длительной реформы экстраординарных сделок хозяйственных обществ: актуальные вопросы применения правил о крупных сделках / О. Е. Ганюшин // Арбитражные споры. – 2019. – № 1 (85). – С. 74–84.
17. Гасанов, Г. И. Основные правовые семьи народов мира / Г. И. Гасанов // Системные технологии. – 2014. – № 10. – С. 1–5.
18. Глушецкий, А. А. Корпоративный договор участников хозяйственного общества – новации по его регулированию / А. А. Глушецкий // Акционерное общество. – 2014. – № 12. – С. 3–8.
19. Голубцов, В. Г. Субъективная добросовестность в структуре общего понятия добросовестности / В. Г. Голубцов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2019. – № 3. – С. 490–518.
20. Гонгало, Б. М. Идеи частного права: должное и сущее / Б. М. Гонгало // Цивилистические записки: межвуз. сб. научн. тр. Вып. 3: К 80-летию

С. С. Алексеева. – М.: Статут ; Екатеринбург: Ин-т частного права, 2004. – С. 74–97.

21. Гребенкина, И. А. Принцип добросовестности в российском гражданском праве / И. А. Гребенкина // Бюллетень нотариальной практики. – 2011. – № 11. – С. 15–17.

22. Гутников, О. В. Фидуциарные обязанности в российском корпоративном праве / О. В. Гутников // Гражданское право. – 2019. – № 6. – С. 25–29.

23. Егорова, М. А. К вопросу о содержании корпоративных правомочий / М. А. Егорова // Гражданское право. – 2014. – № 4. – С. 13–18.

24. Жукова, Ю. Д. Разумный предпринимательский риск руководителей хозяйственных обществ / Ю. Д. Жукова // Московский юрист. – 2013. – № 1. – С. 65–77.

25. Золотухин, А. В. К вопросу о понятии и признаках предпринимательского риска / А. В. Золотухин // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2015. – № 2. – С. 71–75.

26. Иванов, А. А. Бизнес и право / А. А. Иванов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2016. – № 8. – С. 62–75.

27. Иванова, О. Е. Обход закона в практике ВАС РФ – год спустя / О. Е. Иванова // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 9. – С. 1936–1941.

28. Игнатов, М. А. Соотношение предпринимательского риска и стандартов добросовестности в вопросе о привлечении к ответственности органов управления в российском и английском корпоративном праве / М. А. Игнатов, Е. М. Ефремов // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. – 2016. – Т. 22. – № 3. – С. 251–255.

29. Калмыков, Ю. Х. О значении общих положений гражданского законодательства / Ю. Х. Калмыков // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика: сб. памяти С. А. Хохлова / отв. ред. А. Л. Маковский. – М.: Междунар. центр фин.-экон. развития, 1998. – С. 43–57.

30. Калмыков, Ю. Х. Принципы советского гражданского права / Ю. Х. Калмыков // Правоведение. – 1980. – № 3. – С. 70–74.

31. Камышанский, В. П. Категория «обход закона» в российском гражданском праве / В. П. Камышанский // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2014. – № 101 (07). – URL : <http://ej.kubagro.ru/2014/07/pdf/120.pdf> (дата обращения: 06.05.2021).
32. Кистяковский, Б. Кризис юриспруденции и дилетантизм в философии / Б. Кистяковский // Юридический вестник. – 1914. – Кн. 5 (1). – С. 70–106.
33. Комарицкий С.И. Стадии, функции и задачи арбитражных судов / С.И. Комарицкий // Арбитражный и гражданский процесс. – 2020. – N 8. – С. 9 - 13.
34. Колосовская, Т. В. Актуальные вопросы злоупотребления миноритарными акционерами своими правами / Т. В. Колосовская , О. А. Жаркая // Безопасность бизнеса. – 2015. – № 4. – С. 16–20.
35. Коновалов, А. В. Понятие справедливости в гражданском праве / А. В. Коновалов // Lex Russica. – 2019. – № 8. – С. 27–36.
36. Коновалов, А. В. Принцип добросовестности в новой редакции Гражданского кодекса Российской Федерации и в судебной практике / А. В. Коновалов // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2016. – № 4. – С. 4–14.
37. Красавчиков, О. А. Гражданские организационно-правовые отношения / О. А. Красавчиков // Советское государство и право. – 1966. – № 10. – С. 50–57.
38. Крашенинников, Е. А. Право членства / Е. А. Крашенинников, Ю. В. Байгушева // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2013. – № 12. – С. 71–77.
39. Кузнецов, А. А. Реформа крупных сделок и сделок с заинтересованностью. Что изменилось в регулировании / А. А. Кузнецов // Арбитражная практика для юристов. – 2017. – № 1. – С. 72–78.
40. Кузнецова, О. А. Принципы гражданского права: вопросы теории и практики / О. А. Кузнецова // Правоведение. – 2005. – № 2. – С. 24–34.

41. Кукин, А. Соотношение Принципов УНИДРУА и Венской Конвенции международной купли-продажи товаров / А. Кукин // Законодательство и экономика. – 2000. – № 4. – С. 46–50.
42. Куликова, Л. Закон или судебское усмотрение? / Л. Куликова // ЭЖ-Юрист. – 2001. – № 16.
43. Курбатов, А. Субсидиарная ответственность руководителей при несостоятельности (банкротстве) возглавляемых ими кредитных организаций / А. Курбатов // Хозяйство и право. – 2007. – № 7. – С. 3–17.
44. Лазаренкова, О. Г. Злоупотребление корпоративными правами: Некоторые теоретические и практические аспекты / О. Г. Лазаренкова // Юрист. – 2016. – № 24. – С. 31–36.
45. Лапаева В. В. Соотношение права и морали в правовой концепции Л. Фуллера / В.В. Лапаева // Правоведение. 2013. № 2. С. 244–247.
46. Ломакин, Д. В. Корпоративный интерес и осуществление права на участие в управлении хозяйственным обществом / Д. В. Ломакин // Хозяйство и право. – 2014. – № 4. – С. 3–16.
47. Ломакин, Д. В. Эволюция системы юридических лиц в постсоветской России / Д. В. Ломакин // Предпринимательское право: современный взгляд: монография / отв. ред. С. А. Карелина, П. Г. Лахно, И. С. Шиткина. – М.: Юстицинформ, 2019. – 600 с. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 04.01.2022).
48. Луценко, С. И. Правовые основания для фидуциарных обязанностей руководителя / С. И. Луценко // Современное право. – 2017. – № 9. – С. 56–63.
49. Макарова, О. А. Договор с профессиональным директором в АО с государственным участием: некоторые проблемы / О. А. Макарова // Гражданское право. – 2014. – № 4. – С. 25–29.
50. Маковский, А. Л. Об уроках реформирования Гражданского кодекса России / А. Л. Маковский // Вестник гражданского права. – 2013. – № 5. – С. 157–172.

51. Маковская, А. Комментарии к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» / А. Маковская // Хозяйство и право. – 2018. – № 11. – С. 3–20.

52. Малан, А. Неожиданный аспект дела ЮКОСа: статус федеральных государственных унитарных предприятий Российской Федерации в судах Французской Республики / А. Малан // Российская хроника Европейского Суда. 2019. – № 4. – С. 134–138.

53. Мельник, А. Проблема злоупотребления правом в корпоративных конфликтах / А. Мельник // Юридическая практика. – 2005. – № 19. – С. 76–84.

54. Михайлов, С. Принцип добросовестности в договорных отношениях / С. Михайлов // Хозяйство и право. – 2004. – № 4. – С. 88–92.

55. Морозов, С. Ю. Метод юридического равенства сторон и принцип подчинения в корпоративном праве России / С. Ю. Морозов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2017. – Вып. 36. – С. 181–191.

56. Новак, Д. В. Добросовестность в корпоративном праве / Д. В. Новак // Вестник гражданского права. – 2017. – № 2. – С. 13–23.

57. Новгородцев, П. И. Нравственный идеализм в философии права / П. И. Новгородцев // Проблемы идеализма: сборник статей / под ред. П. И. Новгородцева. – М.: Моск. психол. общество, 1902. – С. 236–296.

58. Новиков, М. В. Понятие добросовестности в гражданском праве: теоретический анализ / М. В. Новиков // Молодой ученый. – 2012. – Т. 2. – № 1. – С. 41–43.

59. Новицкий, И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права / И. Б. Новицкий // Вестник гражданского права. – 2006. – Т. 6. – № 1. – С. 124–181.

60. Новицкий, И. Б. Принцип доброй совести в проекте гражданского уложения / И. Б. Новицкий // Вестник гражданского права. – 1916. – № 6. – С. 56–90.

61. Ойзерман, Т. И. Учение Канта об изначальном зле в человеческой природе / Т. И. Ойзерман // Лучшие публикации «Кантовского сборника» 1975–2001 /

под ред. В. Ю. Курпакова, Л. А. Калиникова. – Калининград: Изд-во Калинингр. гос. ун-та, 2002. – С. 55.

62. Опыты цивилистического исследования: сборник статей / рук. авт. кол. и отв. ред. А. М. Ширвиндт, Н. Б. Щербаков. – М.: Статут, 2018. – Вып. 2. – 368 с.

63. Плешанова, О. П. Принцип добросовестности в корпоративном праве: реализация в делах о возмещении убытков / О. П. Плешанова // Вестник гражданского права. – 2017. – № 2. – С. 63–83.

64. Прибыткова, Е. А. Ф. М. Достоевский как родоначальник религиозно-нравственной традиции русской философии права / Е. А. Прибыткова // Соловьевские исследования. – 2013. – № 1. – С. 123–139.

65. Попова, А.В., Комаров, С.А. Соотношение системы законодательства и системы права / А.В. Попова // Отрасли законодательства и отрасли права РФ: общетеоретически, межотраслевой, отраслевой и историко-правовой аспекты. Монография / отв. ред. Р.Л. Хачатуров. – М.: Издательство "Юрлитинформ", 2017. – С. 138-155.

66. Рожкова, М. А. Корпоративные отношения и возникающие из них споры / М. А. Рожкова // Вестник ВАС РФ. – 2005. – № 9. – С. 136–148.

67. Садиков, О. Н. Принципы нового гражданского законодательства СССР / О. Н. Садиков // Советское государство и право. – 1991. – № 10. – С. 20–29.

68. Сарбаш, С. В. Единственный доктор для закона – это судья / С. В. Сарбаш // Закон. – 2017. – № 4. – С. 6–19.

69. Сафаева, Н. Р. Косвенные иски по корпоративным спорам. Особенности доказывания / Н. Р. Сафаева // Вестник гражданского процесса. – 2019. – № 1. – С. 369–381.

70. Семякин, М. Н. Экономика и проблемы формирования современной концепции экономического права / М. Н. Семякин // Гражданское законодательство: Статьи. Комментарии. Практика / отв. ред. А. Г. Диденко. – Алматы: ЮРИСТ, 2005. – Вып. 22. – С. 196–197.

71. Семякин, М. Н. Философия понимания частного права, его структура и место в системе российского права / М. Н. Семякин // Актуальные проблемы частного права: межвуз. сб. науч. тр. / ред. Е. П. Чорновол. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ин-та РАНХиГС, 2012. – Вып. 5–6. – С. 3–19.
72. Скловский, К. Применение норм о доброй совести в гражданском праве России / К. Скловский // Хозяйство и право. – 2002. – № 9. – С. 79–94.
73. Соловьев, В. С. Мнимая критика (ответ Б. Н. Чичерину) / В. С. Соловьев // Чичерин Б. Н. Избранные труды / под ред. А. В. Полякова, Е. В. Тимошиной. – СПб.: Изд. дом СПбГУ, 1998. – С. 516–550.
74. Спекторский, Е. К вопросу о реальности права / Е. Спекторский // Юридический вестник. – 1914. – Кн. 5 (1). – С. 53–69.
75. Степанов, Д. И. И это только начало. Рецензия на статью Генри Хансмана и Рейнера Кракмана «Конец истории корпоративного права» / Д. И. Степанов // Цивилистические записки: межвуз. сб. науч. тр. – Екатеринбург: Ин-т част. права; М.: Статут, 2002. – Вып. 4. – С. 564–585.
76. Степанов, Д. И. Новые положения Гражданского кодекса о юридических лицах / Д. И. Степанов // Закон. – 2014. – № 7. – С. 31–55.
77. Степанов, Д. И. Дедлоки в непубличных корпорациях: возможные варианты развития законодательства и судебной практики / Д. И. Степанов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2015. – № 9. С. 60–113; № 10. – С. 62–115.
78. Суханов, Е. А. О юридических лицах публичного права / Е. А. Суханов // Вестник гражданского права. – 2011. – № 2. – С. 4–24.
79. Суханов, Е. А. Очерк сравнительного корпоративного права // Проблемы развития частного права / Е. А. Суханов. – М.: Статут, 2011. – С. 156–198.
80. Суханов, Е. А. Система частного права / Е. А. Суханов // Вестник Московского университета. Сер. 11: Право. – 1994. – № 4. – С. 26–33.
81. Телюкина, М. В. Значение принципа добросовестности на современном этапе развития российского гражданского права / М. В. Телюкина // Фунда-

ментальные проблемы и перспективы гражданского и предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса в современных экономических условиях: Материалы Первой Международной конференции. ИГП РАН. Москва, 18 ноября 2019 г. – М.: Институт государства и права РАН, 2020. – С. 86-91.

82. Телюкина М. В. Проблема соотношения принципа добросовестности и императивных норм законодательства (на примере определения ВС РФ от 09.12.19 г. N 306-ЭС17-22275(2) // Современное право России: проблемы и перспективы: Материалы IV международной научно-практической конференции Москва, 05 декабря 2019 года: сборник статей. – М. Издательство: Институт мировых цивилизаций, 2020. – С. 462-469.

83. Тараборин, Р. С. Гражданское законодательство Российской империи в дореволюционной правовой мысли: к историографии вопроса / Р. С. Тараборин // Проблемы экономики и юридической практики. – 2013. – № 1. – С. 24–30.

84. Толстой, Ю. К. Принципы гражданского права / Ю. К. Толстой // Правоведение. – 1992. – № 2. – С. 49–53.

85. Третьякова, А. С. О некоторых особенностях правового регулирования права акционеров на информацию в Российской Федерации и Германии / А. С. Третьякова // Право и современные государства. – 2012. – № 2. – С. 72–77.

86. Туманов, В. А. Правовой нигилизм в историко-идеологическом ракурсе / В. А. Туманов // Государство и право. – 1993. – № 8. – С. 52–58.

87. Тютрюмов, А. Товарищества на вере по русскому и иностранному торговому праву / А. Тютрюмов // Журнал гражданского и уголовного права. – 1881. – Кн. 3. – С. 85–116.

88. Ушницкий, Р. Р. К вопросу о корпорации как элементе корпоративного правоотношения / Р. Р. Ушницкий // Безопасность бизнеса. – 2012. – № 1. – С. 31–33.

89. Ушницкий, Р. Р. Статья 65.2 ГК РФ и природа корпоративного правоотношения / Р. Р. Ушницкий // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2016. – № 2. – С. 57–60.

90. Ушницкий, Р. Р. Является ли корпорация участницей основного корпоративного правоотношения? / Р. Р. Ушницкий // Журнал предпринимательского и корпоративного права. – 2017. – № 3. – С. 43–46.

91. Федин, И. Г. Добросовестность как правовая категория / И. Г. Федин // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 4. – С. 21–30.

92. Федин, И. Г. Многоаспектность категории добросовестность в российском праве / И. Г. Федин // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2015 г.). – Казань: Бук, 2015. – С. 7–10. – URL: <https://moluch.ru/conf/law/archive/141/8028/> (дата обращения: 10.11.2020).

93. Фогельсон, Ю. Б. Принцип добросовестности в российской судебной практике / Ю. Б. Фогельсон // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2017. – № 9. – С. 103–116.

94. Цепов, Г. В. Бьют не по паспорту, или Понятия фиктивной организации, подставного лица и фактического руководителя в российской судебной практике / Г. В. Цепов // Закон. – 2017. – № 6. – С. 86–100.

95. Цепов, Г. В. Можно ли судить за глупость? Деловое суждение и его объективная оценка / Г. В. Цепов // Закон. – 2015. – № 12. – С. 164–183.

96. Харт Г. Л. А. Позитивизм и разграничение права и морали / Г. Л. А. Харт // Правоведение. – 2005. – № 5. – С. 104–136.

97. Чельшева, Н. Ю. Юридическая природа корпоративной собственности и ее отражение в гражданском праве России / Н. Ю. Чельшева // Сборник научных статей IV Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом». РАНХиГС при Президенте РФ (25 апреля 2017 г., Москва) / под ред. С. Д. Могилевского и М. А. Егоровой. – М.: Юстицинформ, 2017. – С. 51–60.

98. Черепяхин, Б. Б. Волеобразование и волеизъявление юридического лица / Б. Б. Черепяхин // Труды по гражданскому праву. – М.: Статут, 2001. – С. 295–306.

99. Черкасова, О. В. Юридическая природа корпоративных отношений в доктрине гражданского права / О. В. Черкасова // Актуальные проблемы частного права: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Е. П. Чорновол. – Екатеринбург: Изд-во УИУ (ф) РАНХиГС, 2017. – Вып. 9. – С. 17–22.

100. Черкасова, О. В. Ответственность руководителя по обязательствам компании на примере взаимодействия с налоговыми органами / О. В. Черкасова // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы III Международной научно-практической конференции: в 2 т. / Министерство образования и науки Российской Федерации; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; науч. ред. А. П. Багирова. – Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2017. – Т. 1. – С. 199–200.

101. Черкасова, О. В. Принцип добросовестности в обязательствах: проблемы правоприменения / О. В. Черкасова // Право и экономика: междисциплинарные подходы в науке и образовании. IV Московский юридический форум. XII Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения): материалы конференции: в 4 ч. – М.: РГ-Пресс, 2017. – Ч. 2. – С. 241–246.

102. Черкасова, О. В. Нравственно-духовные начала в истории русской правовой мысли / О. В. Черкасова // Право в современном мире: состояние и вектор развития: материалы VII Международной научно-практической конференции (г. Екатеринбург, 7 декабря 2017 года) / отв. ред. Е. П. Чорновол. – Екатеринбург: Изд-во УИУ (ф) РАН-ХиГС, 2018. – С. 234–238.

103. Черкасова, О. В. Добросовестность и разумность руководителя (членов органа) юридического лица / О. В. Черкасова // Российская правовая система в контексте обеспечения прав и свобод человека и гражданина: теория и практика: материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной Дню юриста (1 декабря 2017 года, г. Курган) / отв. ред. Е. П. Чорновол, И. Н. Бородина. – Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2018. – С. 197–203.

104. Черкасова, О. В. Публично-правовые образования как субъект ответственности в корпоративных отношениях / О. В. Черкасова // Муниципалитет. – 2018. – № 9. – С. 72–76.

105. Черкасова, О. В. Соотношение принципа добросовестности со смежными принципами гражданского права / О. В. Черкасова // Актуальные проблемы частного права: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Е. П. Чорновол. – Екатеринбург: Изд-во УИУ (ф) РАНХиГС, 2019. – Вып. 10. – С. 23–30.

106. Черкасова, О. В. Исторические аспекты становления принципа добросовестности в российском гражданском праве / О. В. Черкасова // Российский конституционализм: история, настоящее и будущее (к 100-летию первой российской Конституции (1918 г.) и 25-й годовщине принятия Конституции Российской Федерации (1993 г.)): материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной Дню юриста (г. Курган, 4 декабря 2018 года) / отв. ред. Е. П. Чорновол, И. Н. Бородина. – Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2020. – С. 284–288.

107. Черкасова, О. В. Обоснованный интерес как критерий добросовестного поведения миноритарного участника при осуществлении права на получение информации по корпоративному праву России / О. В. Черкасова // Юридические исследования. – 2019. – № 12 – С. 35–43.

108. Черкасова, О. В. Становление принципа добросовестности в отечественном гражданском праве: исторический, доктринальный, и правоприменительный аспекты / О. В. Черкасова // Genesis: исторические исследования. – 2020. – № 2. – С. 15–27.

109. Черкасова, О. В. Злоупотребление правами участниками хозяйственных обществ / О. В. Черкасова // Вестник арбитражной практики. – 2020. – № 5. – С. 27–35.

110. Черкасова, О. В. Реализация принципа добросовестности в управлении корпорацией в пределах предпринимательского риска / О. В. Черкасова // Рос-

сийские регионы в фокусе перемен: сборник докладов XIV Международной конференции. – Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2020. – С. 458–460.

111. Черкасова, О. В. Правовой статус субъектов корпоративных отношений: доктринальные и правоприменительные аспекты / О. В. Черкасова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2021. – № 2. – С. 3–7.

112. Черкасова, О. В. Экономическая и юридическая сущность корпоративных отношений: доктринальные и правовые аспекты / О. В. Черкасова // Право и экономика. – 2021. – № 4. – С. 19–26.

113. Чеховская, С. А. Современное развитие корпоративного законодательства / С. А. Чеховская // Право. Журнал высшей школы экономики. – 2016. – № 2. – С. 74–86.

114. Чинкулов, К. Р. Зарубежный опыт разработки кодексов корпоративного управления / К. Р. Чинкулов // Academy. – 2016. – № 8 (11). – С. 29–31.

115. Чорновол, Е. П. К вопросу о принципах предпринимательского права / Е. П. Чорновол // Актуальные проблемы частного права: межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Е. П. Чорновол. – Екатеринбург: Изд-во УрАГС, 2007. – Вып. 1. – С. 3–19.

116. Чорновол, Е. П. Социально-экономическая сущность и правовые формы предпринимательской деятельности / Е. П. Чорновол, И. Н. Бородина // Российский конституционализм: история, настоящее и будущее (к 100-летию первой российской Конституции (1918 г.) и 25-й годовщине принятия Конституции Российской Федерации (1993 г.)): материалы III Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. Дню юриста (г. Курган, 4 декабря 2018 года) / отв. ред. Е. П. Чорновол, И. Н. Бородина. – Курган: Изд-во Курган. гос. ун-та, 2020. – С. 216–284.

117. Чорновол, Е. П. Характеристика принципов правового института реабилитации жертв политических репрессий / Е. П. Чорновол // Социальное и пенсионное право. – 2019. – № 4. – С. 50–56.

118. Чорновол, Е. П. Место принципов третейского разбирательства в системе принципов третейского права / Е. П. Чорновол, Н. Ю. Челышева // Научный

вестник Ужгородского национального университета. Сер.: Право. 2012. – Вып. 20. – Ч. 2. – Т. 2. – С. 49–52.

119. Шершеневич Г. Ф. Моим критикам (по поводу лекции «О чувстве законности») / Г. Ф. Шершеневич // Казанский телеграф. – 1898. – № 1585. – С. 3.

120. Шершеневич, Г. Ф. О юридической силе уставов акционерных товариществ / Г. Ф. Шершеневич // Журнал гражданского и уголовного права. – 1889. – № 3. – С. 119–130.

121. Шиткина, И. С. Вопросы корпоративного права в проекте Федерального закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс РФ» / И. С. Шиткина // Хозяйство и право. – 2012. – № 6. – С. 3–31.

122. Шиткина, И. С. Значение реформы института крупных сделок и сделок с заинтересованностью для теории и практики / И. С. Шиткина // Закон. – 2019. – № 12. – С. 120–137.

123. Щенникова, Л. В. Справедливость и добросовестность в гражданском праве России / Л. В. Щенникова // Государство и право. – 1997. – № 6. – С. 119–121.

124. Щенникова, Л. В. Принципы гражданского права: достижения цивилистики и законодательный эффект / Л. В. Щенникова // Цивилистические записки: межвуз. сб. науч. тр. – М.: Статут; Екатеринбург; Институт частного права, 2002. – Вып. 2. – С. 41–59.

125. Щукина Т.В. Форма стратегического планирования российской экономики - государственно-частное партнерство: к вопросу правового регулирования / Т.В. Щукина // Вопросы экономики и права. – 2021. – № 153. – С. 27-32.

126. Экимов, А. И. Право в контексте справедливости: к методологии исследования / А. И. Экимов // Правоведение. – 2013. – № 2. – С. 51–61.

127. Этнюков, В. Е. Правовые основы деятельности корпорации в США / В. Е. Этнюков // Вестник Московского университета МВД России. – 2010. – № 8. – С. 205–208.

128. Яковлев, А. В. Корпорация, корпоративное образование и их особенности / А. В. Яковлев // Известия вузов. Проблемы полиграфии и издательского дела. – 2009. – № 4. – С. 106–111.

129. Яковлев, В. Ф. О кодификации гражданского законодательства современной России / В. Ф. Яковлев // Основные проблемы частного права: сборник статей / отв. ред. В. В. Витрянский и Е. А. Суханов. – М.: Статут, 2010. – С. 380–394.

130. Яковлев, Г. Ф. Гражданский кодекс и государство / В. Ф. Яковлев // Вестн. ВАС РФ. – 1997. – № 6. – С. 133–138.

131. Anabtawi, I. Fiduciary duties for activist shareholders / I. Anabtawi, L. Stout // Stanford Law Review. – 2008. – Vol. 60. – № 5. – P. 1255–1308.

132. Barroso Casado, R. Shareholder Protection: The Role of Multiple Large Shareholders / R. Barroso Casado, M. Burkert, A. Dávila, D. Oyon // Corporate Governance: an international review. – 2016. – Vol. 24. – № 2. – P. 105–129. – DOI: <https://doi.org/10.1111/corg.12131>.

133. Behrends, O. Treu und Glauben: Zu den christlichen Grundlagen der Willenstheorie im heutigen Vertragsrecht / O. Behrends // Christentum und modernes Recht: Beitr. zum Problem der Säkularisation / Hrsg. von Gerhard Dilcher u. Ilse Staff. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1984. – Kol. 277 ff.

134. Bridge, M. G. Does Anglo-Canadian Contract Law Need a Doctrine of Good Faith? / M. G. Bridge // Canadian Business Law Journal. – 1984. – Vol. 9. – P. 385–425.

135. Cherkasova, O. V. Corporation as participant in economic relations / O. V. Cherkasova // The 13th International Days of Statistics and Economics / ed. by L. Tomáš, P. Tomáš. – Prague: Libuše Macáková, 2019. – P. 514–523.

136. Cherkasova, O. V. Legal and social aspects of the state participation in the governance of the large corporations in Russia / O. V. Cherkasova, S. P. Sosnovskikh // E3S Web of Conferences. – 2020. – Vol. 222. – URL: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202022206004> (дата обращения: 01.05.2021).

137. Eisenberg, M. E. The Divergence of Standards of Conduct and Standards of Review in Corporate Law / M. E. Eisenberg // *Fordham Law Review*. – 1993. – Vol. 62. – № 437. – P. 437–468.

138. Farnsworth, A. Duties of good faith and fair dealing under the UNIDROIT principles, relevant international conventions and national laws / A. Farnsworth // *Tulane Journal of International and Comparative Law*. – 1995. – No. 3. – P. 47–64.

139. Erler, A. Treu und Glauben / A. Erler // *Handwoerterbuch zur deutschen Rechtsgeschichte*. – Berlin: Schmidt, 1992. – Teil 34. – Kols. 317 ff.

140. Hetherington, J. A. C. The Minority's Duty of Loyalty in Close Corporations / J. A. C. Hetherington // *Duke Law Journal*. – 1972. – Vol. 1972. – P. 933–945.

141. Hood, P. Directors' Duties Under the Companies Act 2006: Clarity or Confusion? / P. Hood // *Journal of Corporate Law Studies*. – 2013. – Vol. 13. – No. 1. – P. 1–48.

142. Musy, A. The good faith principle in contract law and the precontractual duty to disclose: comparative analysis of new differences in legal cultures / A. Musy // *Global Jurist Advances*. – 2001. – № 1. – P. 1–21.

143. Nosworthy, B. Directors' Fiduciary Duty of Disclosure: The Case(s) Against / B. Nosworthy // *University of New South Wales Law Journal*. – 2016. – Vol. 39. – P. 1389–1409.

144. Poole, C. A business manager's guide to the bona fide needs rule / C. Poole // *Acquisition Directions Advisory*. – 2003. – No. 8. – P. 1–7.

145. Ribstein, L. E. Are Partners Fiduciaries? / L. E. Ribstein // *University of Illinois Law Review*. – 2005. – Vol. 20. – Iss. 6. – P. 209–252.

146. Sosnovskikh, S. Reasonable Entrepreneurial Risk: Behavioural Criteria for Corporate Managers / S. Sosnovskikh, O. Cherkasova // *Russian Law Journal*. – 2021. – Vol. 9. – № 1. – P. 58–80.

147. Stapleton, J. Good Faith in private law / J. Stapleton // *Current Legal Problems*. – 1999. – Vol. 52. – Iss. 1. – P. 1–36

1. Автономов, А. С. Системность категорий конституционного права: дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.02 / Автономов Алексей Станиславович. – Москва, 1999. – 361 с.
2. Асланян, Н. П. Основные начала российского частного права: дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Асланян Наталья Павловна. – Москва, 2001. – 365 с.
3. Бандурина, Н. В. Правовое регулирование корпоративного управления федеральной собственностью в Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Бандурина Наталья Владимировна. – Москва, 2011. – 52 с.
4. Богданова, Е. Е. Добросовестность участников договорных отношений и проблемы защиты их субъективных гражданских прав: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Богданова Елена Евгеньевна. – Москва, 2010. – 55 с.
5. Болдырев В.А. Гражданско-правовая конструкция юридического лица несобственника: автореф. дис. д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2013. – 43 с.
6. Дмитриев, Е. О. Правовое положение независимых директоров в акционерных обществах по законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Дмитриев Евгений Олегович. – Москва, 2011. – 28 с.
7. Дроздова, Т. Ю. Добросовестность в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Дроздова Татьяна Юрьевна. – Иркутск, 2004. – 25 с.
8. Ершов, Ю. Л. Принцип свободы договора и его реализация в гражданском праве Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Ершов Юрий Львович. – Екатеринбург, 2001. – 24 с.
9. Климова, А. Н. Принципы гражданского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Климова Анна Николаевна. – Москва, 2005. – 24 с.
10. Комиссарова, Е. Г. Принципы в праве и основные начала гражданского законодательства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Комиссарова Елена Генриховна. – Екатеринбург, 2002. – 46 с.
11. Кондратюк, Д. Л. Нравственно-правовые принципы в гражданском праве России: на примере справедливости, гуманизма, разумности и добросовест-

ности: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Кондратюк Диана Лукинична. – Москва, 2006. – 170 с.

12. Кораблев, О. Г. Риск в предпринимательской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Кораблев Олег Геннадьевич. – Москва, 2010. – 28 с.

13. Кулик, А. А. Корпоративные права в системе гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Кулик Александр Анатольевич. – Москва, 2009. – 278 с.

14. Лукьяненко, М. Ф. Оценочные понятия в гражданского права: теоретико-правовой анализ и практика правоприменения: дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Лукьяненко Марина Федоровна. – Москва, 2010. – 590 с.

15. Макрецова, А. А. Принципы гражданского права переходного периода: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Макрецова Александра Анатольевна. – Москва, 1996. – 12 с.

16. Новикова, Т. В. Понятие добросовестности в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Новикова Татьяна Васильевна. – Ростов-на-Дону, 2009. – 25 с.

17. Очхаев, Т. Г. Изменение и расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Очхаев Тимур Геннадьевич. – Москва, 2015. – 249 с.

18. Потапова, О. А. Принципы гражданского права: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Потапова Ольга Александровна. – Ульяновск, 2002. – 172 с.

19. Степанов, П. В. Корпоративные отношения в коммерческих организациях как составная часть предмета гражданского права: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Степанов Павел Владимирович. – Москва, 1999. – 190 с.

20. Фроловский, Н. Г. Управление предпринимательскими корпорациями в Российской Федерации (правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Фроловский Николай Геннадьевич. – Белгород, 2004. – 193 с.

Электронные ресурсы

1. Пашина, Е. Лебедев предложил изменить ГПК и АПК // Право.ру. – 2017. – 26 мая. – URL: <https://pravo.ru/news/view/141199/> (дата обращения: 01.10.2020).
2. Савицкий, П. Арбитражная практика рассмотрения споров, связанных с применением пунктов 1 и 2 ст. 10 ГК РФ / П. Савицкий // Федеральный арбитражный суд Уральского округа. Практика. Обзоры. Комментарии. – 2004. – № 3–4 (19–20). – URL: <http://www.fasuo.ru/publication.asp?id=162> (дата обращения: 10.10.2020).

**ТИПОВОЙ КОДЕКС КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ
КОММЕРЧЕСКИХ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ**
(структура и отдельные положения)

Утвержден Министерством экономического развития
Российской Федерации (Приказ № от 00.00.0000)

Раздел 1. Общие положения

Раздел 2. Корпорации и принципы корпоративного управления

Раздел 3. Информационная политика корпорации

Глава 1. Конфиденциальная информация корпорации

Глава 2. Предоставление информации миноритарным участникам корпорации

1. Обоснованным интересом получения миноритарными участниками корпорации информации является такой, который не допускает последующих злоупотреблений и посягательств на солидарный интерес компании в целом и интересы других субъектов корпоративных отношений.

2. О наличии у акционера обоснованного интереса в получении информации могут свидетельствовать:

– планирование продажи своих акций или доли в уставном капитале (в том числе в ходе процедур банкротства);

– подготовка к обращению в суд с требованием об оспаривании решения органа или договора хозяйственного общества либо о привлечении к ответственности органов общества;

– подготовка к участию в общем собрании акционеров.

3. Общество вправе отказать участнику корпорации в предоставлении информации со ссылкой на наличие необоснованного интереса в следующих случаях:

- в случае заявления участником корпорации требования о предоставлении информации и документов, относящихся к прошлым периодам деятельности корпорации;
- в случае запроса документов, явно не представляющих ценности с точки зрения их экономического и юридического анализа (в том числе по причине истечения сроков исковой давности и т. д.);
- в случае отсутствия доказательств объективной необходимости в запрашиваемой информации, повторяемости поведения миноритарного участника корпорации;
- в случае действий, направленных не на добросовестную защиту собственных интересов, а на создание объективных трудностей для ведения хозяйственной деятельности корпорации и осуществления ее участником своих интересов».

Раздел 4. Стандарты добросовестности при проведении общего собрания учредителей (участников) корпорации

При проведении общего собрания учредителей (участников) корпорации должны соблюдаться следующие условия:

1) места проведения общих собраний учредителей (участников) корпорации должны определяться с учетом реальной возможности всех участников реализовать свое право на участие в собрании, в частности, по месту нахождения или деятельности корпорации;

2) учредители (участники) не вправе уклоняться от конструктивных шагов (консенсуса) при заключении мирового соглашения, подписании учредительного договора, участии в разработке и принятии устава».

Раздел 5. Стандарты добросовестности участников корпорации при проведении дополнительной эмиссии акций и изменении долей вкладов

При проведении дополнительной эмиссии акций и увеличении размера уставного капитала корпорации следует соблюдать следующие условия:

1) дополнительная эмиссия акций общества, которую оно может провести в связи с увеличением количества объявленных акций, не может нарушать права акционеров общества;

2) реализация одним акционером преимущественного права приобретения дополнительных акций общества позволяет другим акционерам сохранить размер своей доли в уставном капитале общества и права, гарантированные им Федеральным законом «Об акционерных обществах»;

3) увеличение размера уставного капитала корпорации не влияет на изменение размера долей ее вкладчиков и права, гарантированные им законом.

Раздел 6. Стандарты добросовестности и разумности единоличного исполнительного органа (руководителя) корпорации

1. Свидетельством добросовестности и разумности руководителя корпорации являются следующие критерии:

1) осмотрительность и заботливость;

2) очевидность правильности управленческого решения;

3) отсутствие личной заинтересованности;

4) принятие решений с учетом всей имеющейся информации и при отсутствии конфликта интересов;

5) одинаковое отношение ко всем членам корпорации в рамках обычного предпринимательского риска;

6) стремление добиваться устойчивого и успешного развития предпринимательской деятельности корпорации;

7) осуществление руководства компанией добросовестно и разумно с учетом «обычных условий делового оборота»;

8) недопустимость уклонения без уважительных причин от исполнения своих обязанностей;

9) руководство в своей деятельности доминантной целью;

10) недопустимость уменьшения имущества корпорации в результате действий руководителя;

11) активная позиция в суде при доказывании своего добросовестного и разумного поведения и деятельности корпорации;

12) надлежащее исполнение руководителем публично-правовых обязанностей, возлагаемых на него действующим законодательством.

2. Добросовестный и разумный руководитель должен обладать следующими качествами:

1) психологическая интуиция – умение понять психические свойства и состояние личности (членов корпорации);

2) коммуникабельность – умение находить нужную форму общения;

3) лидерский характер, включая желание брать на себя ответственность, способность отстаивать интересы других людей, способность вести за собой окружающих;

4) гибкость в принятии решений;

5) личная организованность и высокая культура труда, умение распределять силы;

6) объективность оценки событий в сочетании со стремлением знать мнение других;

7) управленческая компетентность – знание основ современного менеджмента и умение применять их на практике;

8) специальная компетентность – знания по специальным вопросам, определяемым профилем и спецификой работы организации, а также эрудиция в области маркетинга, экономики, трудового и хозяйственного законодательства.

Раздел 7. Стандарты добросовестности и разумности реорганизации, преобразования и ликвидации коммерческой корпорации

Раздел 8. Заключительные положения